

ISSN 2218-7405 (online)

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Основан в 2009 г.
Том 9, № 10, 2018

Главный редактор – **В.Н. Абросимов**
Зам. главного редактора – **Т.А. Магсумов, П.А. Кисляков**
Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**
Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**
Корректор – **Зливко С.Д.**
Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**
Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

RUSSIAN JOURNAL OF EDUCATION AND PSYCHOLOGY

Founded in 2009
Volume 9, Number 10, 2018

Editor-in-Chief – **V.N. Abrosimov**
Deputy Editors – **T.A. Magsumov, P.A. Kislyakov**
Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**
Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**
Language Editor – **S.D. Zlivko**
Design and Layout – **R.V. Orlov**
Support Contact – **Yu.V. Vyakov**

Красноярск, 2018
Научно-Инновационный Центр

Krasnoyarsk, 2018

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 9, № 10, 2018, 160 с.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-39175 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2218-7405).

Журнал выходит ежемесячно

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,242.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

<http://ej.soc-journal.ru/>

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Russian Journal of Education and Psychology, Volume 9, Number 8, 2018, 160 p.

The edition is registered (certificate of registry EL № FS 77-39175) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2218-7405).

The journal is published monthly

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,242.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

<http://ej.soc-journal.ru/>

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2018

Члены редакционной коллегии

Bădicu Georgian – Ph.D., Professor, Transilvania University from Brasov (Брашов, Румыния);

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация);

Бердичевский Анатолий Леонидович – доктор педагогических наук, профессор, Университет прикладных наук Вены (Вена, Австрия);

Бобкова Елена Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры прикладной экономики и менеджмента, Самарский филиал ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» (Самара, Российская Федерация);

Волкова Марина Владиславовна – доктор педагогических наук, директор ЧУ "НИИ Педагогики и Психологии" (Чебоксары, Российская Федерация);

Гайфутдинов Азат Минабутдинович – кандидат педагогических наук, доцент, проректор по учебной работе, Набережночелнинский государственный педагогический университет (Набережные Челны, Российская Федерация);

Денисенко Фелицата Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики детства, иностранных языков, информатики и частных методик ФГБОУ ВО "Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева" (Красноярск, Российская Федерация);

Дьячков Алексей Анатольевич – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей и прикладной психологии, Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Зосименко Оксана Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой педагогики, специального образования и менеджмента, член-корреспондент Академии международного сотрудничества по креативной педагогике, Сумский областной институт последипломного педагогического образования (Сумы, Украина);

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Филиала ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация);

Ившина Галина Васильевна – доктор педагогических наук, профессор, директор Научно-технической библиотеки КНИТУ-КАИ им.А.Н. Туполева (Казань, Российская Федерация);

Каменский Алексей Михайлович – доктор педагогических наук, доцент, директор ГБОУ лицея №590 Красносельского района Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Маришук Людмила Владимировна – доктор психологических наук, профессор, кандидат педагогических наук, профессор кафедры психологии и конфликтологии, Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске (Минск, Республика Беларусь);

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и антропологии ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры» (Москва, Российская Федерация);

Мухина Татьяна Геннадьевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского" (Нижний Новгород, Российская Федерация);

Наумов Петр Юрьевич – кандидат педагогических наук, помощник начальника отделения правовой работы ФГКУЗ "Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации" (Балашиха, Московская обл., Российская Федерация);

Пергаменик Леонид Абрамович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной и семейной психологии, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка (Минск, Республика Беларусь);

Сатторов Абдуракул Эшбекович – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой алгебры и геометрии, Бохтарский госуниверситет имени Носира Хусрава Республики Таджикистан (Бохтар, Республика Таджикистан);

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Синагатуллин Ильгиз Миргалимович – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и методики начального образования, Бирский филиал Башкирского государственного университета (Бирск, Российская Федерация);

Соловьев Александр Николаевич – доктор педагогических наук, декан факультета довузовской подготовки, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (Москва, Российская Федерация);

Сорокоумова Светлана Николаевна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии и реабилитационных технологий, ФГБНУ "Федеральный научно-клинический центр реаниматологии и реабилитологии" (Москва, Российская Федерация);

Трушников Денис Юрьевич – кандидат педагогических наук, зам. по УМР, Государственное автономное общеобразовательное учреждение Тюменской области «Физико-математическая школа» (Тюмень, Российская Федерация);

Тухватуллин Булат Талирович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры автомобилей, бронетанкового вооружения и техники, Новосибирский военный институт им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (Новосибирск, Российская Федерация);

Финогенова Ольга Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной педагогики Института педагогики, психологии и социологии ФГА-ОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация);

Фролов Илья Николаевич – кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского» (Липецк, Российская Федерация);

Фурманов Игорь Александрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук, Белорусский государственный университет (Минск, Республика Беларусь);

Чернявская Валентина Станиславовна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры философии и юридической психологии, ФГБОУ ВО "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса" (Владивосток, Российская Федерация);

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО Нижегородская ГСХА (Нижний Новгород, Российская Федерация);

Шмелева Елена Александровна – доктор психологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Шуйский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Ивановский государственный университет" (Шуя, Российская Федерация).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

PSYCHOLOGICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-10-6-19

УДК 1.091

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ДЕТЕЙ С КОХЛЕАРНЫМ НАРУШЕНИЕМ

Дмитриева А.В., Шамаева В.С.

***Цель исследования.** В статье описывается исследование психоэмоциональных состояний детей с кохлеарным нарушением. Представлены результаты исследования факторов, которые могут влиять на развитие тех или иных негативных компонентов психоэмоционального состояния, закономерности формирования психоэмоционального состояния у детей с кохлеарными нарушениями.*

***Метод и методология проведения работы.** Для изучения психоэмоциональных состояний детей с кохлеарным нарушением были применены методика САН (Самочувствие. Активность. Настроение); диагностики страхов (Захаров А.И.) и рисованный апперцептивный тест (РАТ).*

***Результаты.** Психоэмоциональное состояние детей с кохлеарным нарушением характеризуется сниженным фоном настроения, преобладанием негативного психоэмоционального состояния с выраженным страхом. Отмечается тенденция к негативному восприятию своего окружения, недостаточные навыки для конструктивного взаимодействия с окружающими, а также страх быть отвергнутым, не получить помощь и подвергнуться чужой агрессии.*

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в разработке индивидуальной психолого-педагогической программы сопровождения для ребенка с кохлеарным нарушением, а также могут быть использованы специалистами в работе с родителями детей с кохлеарным нарушением.

Ключевые слова: психоэмоциональное состояние; дети с кохлеарным нарушением; эмоции; страхи.

PSYCHO-EMOTIONAL STATE OF CHILDREN WITH COCHLEAR DISORDERS

Dmitrieva A.V., Shamaeva V.S.

Purpose of the study. Is to identify the psycho-emotional condition of children with cochlear disorders. The subject of the study is psycho-emotional condition. The object of study children with cochlear disorders.

Method and methodology of the work. The research is based on phenomenological, cognitive and activity approaches, as well as the principle of historical and philosophical reconstruction.

Results. The results of the study are that the authors identify psycho-emotional condition of children with cochlear violation that is characterized by reduced background mood, a predominance of negative emotional state with a pronounced fear. There is a tendency to a negative perception of their environment, lack of skills for constructive interaction with the environment, as well as fear of rejection, not to be subjected to alien aggression.

Scope of results. The results of the study can be used in the development of an individual psychological and pedagogical support program for a child with a cochlear disorder, and can also be used by specialists in working with parents of children with a cochlear disorder.

Keywords: psycho-emotional condition; children with cochlear disorders; emotions; fears.

По мнению Р.М. Боскис, слух является одним из наиболее важных условий нормального развития, обучения и воспитания детей.

Нарушения слуха оказывают неоспоримое влияние на высшие психические функции (память, внимание, речь, мышление), проявляются характерные психоэмоциональные состояния, а также возникают нарушения эмоциональной сферы. Поэтому исследование психоэмоционального развития детей с кохлеарным нарушением является актуальным. Описаны экспериментальные данные и представлена их интерпретация. Для эффективной реабилитации людей с нарушением слуха в последние годы стали использовать кохлеарную имплантацию, многие специалисты писали свои исследования, посвященные этой теме (И.В. Королева, Э.И. Миронова, А.И. Сатаева и другие) [1].

Как указывают А.И. Захаров, И.А. Коробейников, М.И. Лисина и многие другие исследователи, длительная и массивная психическая депривация ребенка от полноценной среды человеческого общения определяет немаловажный фактор, влияющий на процесс адаптации. Длительное нахождение в госпиталях, больничной среде могут вызвать у ребенка гиподинамию, нарушение сна, питания, вызывая тем самым сенсорную ограниченность. Изменения эмоционального состояния ребенка также обуславливаются как фактор адаптации. Эмоциональная сфера детей с нарушениями слуха отличается неумением распознавать и называть собственные эмоции, описывать их, различать у других людей нравственные эмоции и сложные эмоциональные состояния [2, 3].

Эмоциональная сфера детей с кохлеарными нарушениями отличается значительным своеобразием: имеют значительные трудности в понимании эмоции других людей, не могут распознавать их оттенки, высшие социальные чувства, не способны грамотно определить причины возникновения тех или иных эмоциональных состояний, испытывают значительные трудности в формировании морально этических представлений [5, 6]. Научная новизна исследования состоит в реализации исследования психоэмоционального развития детей после кохлеарной имплантации в условиях коррекционной школы.

В данном исследовании обобщены теоретические представления о психоэмоциональном развитии, выявлены особенности психи-

ческого развития детей после кохlearной имплантации, уточнены возможности диагностического инструментария для изучения психоэмоционального развития после кохlearной имплантации. Целью исследования является выявление психоэмоциональных состояний детей с кохlearным нарушением. Предмет исследования психоэмоциональное состояние. Объект исследования дети с кохlearным нарушением. Задачи исследования: 1) Выявить особенности и общие закономерности формирования психоэмоционального состояния у детей с кохlearными нарушениями; 2) Выявить наиболее сильные и слабые стороны в структуре психоэмоционального состояния; 3) Выявить факторы, которые могут влиять на развитие тех или иных негативных компонентов психоэмоционального состояния. Исследование было проведено на базе учебного заведения ГКОУ «Республиканская специальная (коррекционная) школа-интернат» Республики Саха (Якутия) в г. Якутске. В исследовании приняли участие 15 детей подросткового возраста, у которых имеет место кохlearное нарушение, связанное с частичной потерей слуха.

Для диагностики психоэмоциональных состояний детей с кохlearным нарушением были применены следующие методики: 1) Методика САН (Самочувствие. Активность. Настроение); 2) Методика диагностики страхов (Захаров А.И.); 3) Рисованный апперцептивный тест (РАТ). Результаты исследования могут быть использованы в разработке индивидуальной психолого-педагогической программы сопровождения для ребенка, рекомендации по оптимизации эмоционального развития детей с кохlearным нарушением, а также могут быть использованы психологами в работе с родителями детей отнесенных к данной категории.

Актуальность работы заключается в том, что у детей с нарушениями слуха возникают характерные нарушения эмоциональной сферы, которые нуждаются в коррекции со стороны ряда специалистов, в том числе, психологов. Для этого нужны данные о том, какие эмоции преобладают у ребенка, насколько выражено у него психологическое неблагополучие и чем именно оно вызвано, а также как проявляются характерные психоэмоциональные состояния.

Показатель «Самочувствие» находится в пределах или выше нормы у 9 респондентов из 15. Таким образом, у 6 респондентов он ниже нормы. Для них характерно субъективные негативные ощущения, в том числе, дискомфорт в различных частях тела. Показатель «Активность» находится в пределах или выше нормы у 7 респондентов из 15. Соответственно, у 8 респондентов он ниже нормы. Это свидетельствует о том, что им характерны слабость, сонливость, сниженное качество учебы и работы, вялость. Показатель «Настроение» находится в пределах или выше нормы у всех респондентов, кроме одного. Таким образом, для детей из рассмотренных выборки в целом характерно приподнятое настроение, преобладание положительных эмоций и высокий жизненный тонус. Респондент под номером 10 имеет низкие баллы по всем трем показателям теста и нуждается в специальном психологическом сопровождении. У всех остальных хотя бы один компонент в норме или выше нормы.

По нашим данным, психоэмоциональное состояние детей с кохлеарным нарушением находится в норме по сравнению с общепопуляционной выборкой. Самым слабым компонентом психоэмоционального состояния является активность, соответственно, требуется переосмысления рабочего графика детей с таким нарушением, анализ режима труда и отдыха, а также дозированность учебной нагрузки.

Результаты диагностики страхов по Захарову А.И. При анализе результатов теста учитывается, какое количество разнообразных страхов присутствует у ребёнка. Отмечено, что большое количество страхов является поводом для обращения к невропатологу или неврологу.

В нашей выборке мальчики характеризуются низким и средним количеством страхов, девочки – средним и высоким. Таким образом, для девочек более характерно чувство страха, а его причины возникновения более разнообразны, чем у мальчиков.

Представление о структуре страхов мальчиков и девочек. Заметно, что у респондентов обоих полов преобладают физические страхи – транспорта, огня, громких звуков, войны. По мнению многих

исследователей для детей с нарушениями слуха характерны социальные страхи. Однако в нашей выборке они уступают медицинским и пространственным и находятся на четвертом месте. Можно отметить, что наши респонденты обеспокоены своей физической безопасностью, ощущают дискомфорт и потенциальную угрозу со стороны окружающего мира.

Учитывая, что у многих респондентов присутствует более половины из потенциальных источников страха, можно говорить о высоком уровне тревожности и преобладание страха над многими другими эмоциями у данных детей. Аналогичные данные были получены и при анализе литературы, с той разницей, что социальные страхи представленные в нашей выборке в гораздо меньшей степени. Это, подтверждает данные других опросников о том, что дети из рассмотренных выборки обладают достаточно развитыми социальными навыками, умеют адаптироваться к своему коллективу. По результатам методики «РАТ» были получены следующие данные: и у мальчиков, и у девочек выражено количество ответов с отрицательной эмоциональной окраской ситуации, изображённые на картинке, что свидетельствует в пользу точки зрения о преобладании сниженного эмоционального фона у детей с расстройствами слуха. Некоторые изображённые ситуации представляли с собой конфликты. Следовательно, по анализу результатов теста можно сделать выводы о том, как ребенок ведет себя в конфликтной ситуации. Элементы конфликта присутствовал в 53% описаний, хотя в принципе каждая из картинок может быть ассоциировано с какими-либо конфликтами. Примерно в четверти описаний как у мальчиков, так и у девочек конфликт на картинке объясняется поведением обеих сторон. Девочки более склонны обвинять в создавшейся ситуации одну из сторон конфликта: такая тенденция проявилась в 35% описаний картинок (против 21% у мальчиков). Всего персонажей картинок, по мнению респондентов, продемонстрировали 7 способов решения создавшейся конфликтной ситуации. Среди них доминирует неконструктивные стратегии разрешения конфликтов. На первом месте по частоте

встречаемости является уход в отрицательные эмоции или чувства (вину, страх, обиду, ревность, зависть). Таким образом описаны ситуации в 33% ответов девочек и 15% – мальчиков. На втором месте по частоте встречаемости находится стратегия избегания ситуации (14% описаний у девочек и 8% описаний у мальчиков), на третьем месте – агрессивное поведение (18 и 17% у девочек и мальчиков, соответственно). Остальные стратегии поведения в конфликте – попытка конструктивного решения, интеллектуализация, демонстративное поведение и подчинение – встречались в менее чем в 4% ответов респондентов каждого пола. Это говорит о склонности детей с кохлеарным нарушением выбирать в конфликтной ситуации непродуктивные стратегии поведения. Интересно, что в большей части описаний ситуаций не было найдено какое-либо решение конфликта. Это также говорит о том, что дети склонны накапливать негативные эмоции, реагировать на ситуации сложного взаимодействия с окружающими эмоционально, а также о тенденции не разрешать накопившиеся противоречия и не высказывать свое отношение к ситуации.

Таким образом, дети с кохлеарными нарушениями характеризуются сниженным фоном настроения, преобладанием негативного психоэмоционального состояния с выраженным страхом. У детей из нашей выборки в меньшей степени, чем приведено в литературе, выражены социальные страхи, однако отмечается тенденция к негативному восприятию своего окружения, недостаточные навыки для конструктивного взаимодействия с окружающими, а также страх быть отвергнутым, не получить помощь и подвергнуться чужой агрессии. В структуре психоэмоционального состояния характерны низкие значения активности, что влечет за собой сонливость, быструю утомляемость, вялость.

У респондентов обоих полов доминирует страхи, связанные с физической опасностью, что может говорить об их неблагоприятном окружении и условия жизни. При разработке программ психокоррекции эмоционального состояния необходимо ориентироваться на групповую терапию, работу с эмоциями, навыкам конструктивно-

го общения и эффективным копинг-стратегиям. Также необходимо взаимодействие с педагогами в части пересмотра режима труда и отдыха ребёнка, а также с родителями для прояснения особенностей условий жизни.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Список литературы

1. Белова О.А. Проблема мотивации и ее проявление у детей с нарушениями слуховой сенсорной системы // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2014. №2 (43). С. 25–36.
2. Блохина С.И., Набойченко Е.С. Эмоциональные расстройства у детей с нарушениями слуха // Психологический вестник Уральского государственного университета. 2003. Вып. 4. С. 164–168.
3. Бруковская М.А., Аксентьева О.В. Ребенок с особенностями развития в детском саду // Сборник материалов Ежегодной международной научно-практической конференции «Воспитание и обучение детей младшего возраста». 2016. №5. С. 441–444.
4. Визитова С.Ю. Проблемы инклюзивного обучения детей с нарушениями слуха и зрения: взаимодействие в семье и обществе // Сборник материалов Ежегодной международной научно-практической конференции «Воспитание и обучение детей младшего возраста». 2016. №5. С. 477–479.
5. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб: Питер, 2001. 752 с.
6. Методики диагностики эмоциональной сферы: психологический практикум / Сост. О.В. Барканова [серия: Библиотека актуальной психологии]. Вып.2. Красноярск: Литера-принт, 2009. 237 с.
7. Миронова Э.В. Новый метод восстановления устной коммуникации при глухоте // Обучение внезапно оглохших детей устной речи: учебно-методическое пособие. М.: Пайдейя, 2000. С. 227–239.
8. Нгуен Д.К., Южаков М.М. Обзор методов оценки психоэмоционального состояния человека // VI Научно-практическая конференция

- «Информационно-измерительная техника и технологии». М. : 2015. С. 109–113.
9. Никифорова Г.Н., Славский А.Н., Гергиев В.Ф. Эффективность комплексного лечения больных острой сенсоневральной тугоухостью // МС. 2017. №8. С. 64–67.
 10. Овсянникова В.В. Типы сензитивности наблюдателя при распознавании эмоций // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям. Под ред.: Д. В. Люсин, Д. Ушаков. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 114–124.
 11. Петрова Н.Н. Современные взгляды на этиопатогенетическое лечение профессиональной сенсоневральной тугоухости // Обзоры по клинич. фармакол. и лек.терапии. 2010. №2. С. 35–40.
 12. Подлесова О.А. Специфика эмоций как вида когнитивных состояний // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1 (1). С. 139–141.
 13. Подпругина В.В. Представления об эмоциях у детей с нарушением слуха // Вестник МГЛУ. 2014. №16 (702). С. 138–150.
 14. Прохоров А.О., Уразметова Э.И., Чернов А.В., Юсупов М.Г. Сравнительный анализ понятия «состояние» в отечественной и зарубежной психологии // Психология психических состояний. Казань: Изд-во Казанского университета, 2011. С. 74–87.
 15. Речицкая Е.Г., Кулигина Т.Ю. Развитие эмоциональной сферы детей с нарушенным и сохранным слухом. Учебно-методическое пособие. М.: 2016. 256 с.
 16. Савельева Е.Е., Арефьева Н.А. Нарушения слуха у детей, возможности диагностики и реабилитации // МС. 2014. №3. С. 51–54.
 17. Севостьянова С.С., Тулешова А.Ж. Негативные эмоциональные состояния и их психокоррекция у детей подросткового возраста // Вестник КГПИ. 2016. №3. С. 74–80.
 18. Седых А.П. Природа эмоций и их классификация в гуманитарных науках и языкознании // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2012. №6 (125). С. 108–115.
 19. Синода В.А. Комплексная гигиеническая оценка условий труда и здоровья работающих на Тверском вагоностроительном заводе // Здравоохранение РФ. 2012. №6. С. 49–50.

20. Спицына Л.Г., Резанова А.С. Социально-педагогические функции искусства в воспитании детей с нарушением слуха // Таврический научный обозреватель. 2016. №1–3 (6). С. 74–76.
21. Третьякова Т.Н., Шмелева Т.Е. Значение психоэмоционального состояния туристов во время путешествий // Устойчивое развитие технологии сервиса. 2016. Т. 1. С. 114–118.
22. Умнякова Н.Л., Вегера А.И., Кочневская Ю.В. Оценка двигательной активности дошкольников, имеющих нарушения слуха // Ученые записки университета Лесгафта. 2013. №12 (106). С. 159–164.
23. Electrode failure and device failure in adult cochlear implantation / B. Schow [et al.] // Cochlear Implants Int. 2012. V. 13. № 1, pp. 35–40.
24. Correlation between NRT measurement level and behavioral levels in pediatrics cochlear implant patients / H.A. Muhaimed [et al.] // Int. J. Pediatr. Otorhinolaryngol. 2010. V. 74 №4, pp. 356–360.
25. Intraoperative neural response telemetry as a predictor of performance / M.K. Cosetti [et al.] // Otol. Neurotol. 2010. V. 31. №7, pp. 1095–1099.
26. Allen M., Nikolopoulos T., O'Donoghue G. Speech Intelligibility in children after cochlear implantation // Am. J. Otol. 1998. V. 9, pp. 742–746.

References

1. Belova O.A. Problema motivatsii i ee proyavlenie u detey s narusheniyami slukhvoy sensornoy sistemy [The problem of motivation and its manifestation in children with disorders of the auditory sensory system]. *Vestnik Ryazan state University. S. A. Yessenin*. 2014. №2 (43), pp. 25–36.
2. Blokhina S.I., Naboychenko E.S. Emotsional'nye rasstroystva u detey s narusheniyami slukha [Emotional disorders in children with hearing impairment]. *Psychological Bulletin of the Ural state University*. 2003. Vol. 4, pp. 164–168.
3. Brukovskaya M.A., Aksent'eva O.V. Rebenok s osobennostyami razvitiya v detskom sadu [The Child with features of development in kindergarten]. *Sbornik materialov Ezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Vospitanie i obuchenie detey mladshego vozrasta»* [Collection of materials of the Annual international scientific and practical conference “Education and training of young children”]. 2016. No. 5, pp. 441–444.

4. Vizitova S.Yu. Problemy inklyuzivnogo obucheniya detey s naru-sheni-yami slukha i zreniya: vzaimodeystvie v sem'e i obshchestve [The Problems of inclusive education of children with hearing and vision: the interaction in the family and society]. *Sbornik materialov Ezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Vospitanie i obuchenie detey mladshego vozrasta»* [Collection of proceedings of the Annual international scientific-practical conference “Education and training of young children”]. 2016. No. 5, pp. 477–479.
5. Ilyin E.P. *Emotsii i chuvstva* [Emotions and feelings]. St. Petersburg: Peter, 2001. 752 p.
6. *Metodiki diagnostiki emotsional'noy sfery: psikhologicheskii praktikum* [Methods of diagnosis of the emotional sphere: psychological workshop] / Comp. O.V. Barkanova [series: library of actual psychology]. Vol.2. Krasnoyarsk: Litera-print, 2009. 237 p.
7. Mironova E.V. Novyy metod vosstanovleniya ustnoy kommunikatsii pri glukhote [New method to restore oral communication in the deaf]. *Obuchenie vnezapno oglokhshikh detey ustnoy rechi* [Training suddenly deaf children oral speech]: textbook. M.: Paideia, 2000, pp. 227–239.
8. Nguen D.K., Yuzhakov M.M. Obzor metodov otsenki psikhoemot-sio-nal'nogo sostoyaniya cheloveka [Review of methods for assessing the psycho-emotional state of a person]. *VI Nauchno-prakticheskaya konferentsiya «In-formatsionno-izmeritel'naya tekhnika i tekhnologii»* [VI Scientific and practical conference “Information and measuring equipment and technologies”]. M.: 2015, pp. 109–113.
9. Nikiforova G.N., Slavskiy A.N., Gergiev V.F. Effektivnost' kompleksno-go lecheniya bol'nykh ostroy sensonevral'noy tugoukhost'yu [Efficacy of complex treatment of patients with acute sensorineural hearing loss]. *MS*. 2017. No. 8, pp. 64–67.
10. Ovsyannikova V.V. Tipy senzitivnosti nablyudatelya pri raspozna-vanii emotsiy [Types of observer sensitivity in emotion recognition]. *Sotsial'nyy i emotsional'nyy intellekt: ot protsessov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: from processes to measurements]. Ed.: D.V. Lucin, D. Ushakov. M.: Institute of psychology, RAS, 2009, pp. 114–124.

11. Petrova N.N. Sovremennyye vzglyady na etiopatogeneticheskoe lechenie professional'noy sensonevral'noy tugoukhosti [Modern views on etiopathogenetic treatment of professional sensorineural hearing loss]. *Obzory po klinich. farmakol. i lek.terapii*. 2010. No. 2, pp. 35–40.
12. Podlesova O.A. Spetsifika emotsiy kak vida kognitivnykh sostoyaniy [Specificity of emotions as sort of cognitive States]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory and practice]. 2008. No. 1 (1). 139–141.
13. Podprugina V.V. Predstavleniya ob emotsiyakh u detey s narusheniem slukha [Perceptions of emotion in children with hearing impairment]. *Vestnik of MSLU*. 2014. №16 (702), pp. 138–150.
14. Prokhorov A.O., Urazmetova E.I., Chernov A.V., Yusupov M.G. Sravnitel'nyy analiz ponyatiya «sostoyanie» v otechestvennoy i zarubezhnoy psikhologii [Comparative analysis of the “state” concept in Russian and foreign psychology]. *Psikhologiya psikhicheskikh sostoyaniy* [Psychology of mental States]. Kazan: Kazan University publ., 2011, pp. 74–87.
15. Rechitskaya E.G., Kuligina T.Yu. *Razvitie emotsional'noy sfery detey s narushennym i sokhrannym slukhom* [Development of the emotional sphere of children with disrupted and intact hearing]. Educational and methodical manual. M: 2016. 256 p.
16. Savel'eva E.E., Aref'eva N.A. Narusheniya slukha u detey, voz-mozhnosti diagnostiki i reabilitatsii [Hearing loss in children, diagnostics and rehabilitation]. *MS*. 2014. No. 3, pp. 51–54.
17. Sevost'yanova S.S., Tuleshova A.Zh. Negativnye emotsional'nye sostoyaniya i ikh psikhokorreksiya u detey podrostkovogo vozrasta [Negative emotional States and their psycho-correction in children of teenage age]. *Vestnik KGPI* [Bulletin of the pedagogical Institute]. 2016. No. 3, pp. 74–80.
18. Sedykh A.P. Priroda emotsiy i ikh klassifikatsiya v gumanitarnykh naukakh i yazykoznanii [Nature of emotions and their classification in the Humanities and linguistics]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific statement BSU. Series: Humanities]. 2012. №6 (125), pp. 108–115.
19. Sinoda V.A. Kompleksnaya gigenicheskaya otsenka usloviy truda i zdorov'ya rabotayushchikh na Tverskom vagonostroitel'nom zavode

- [Comprehensive hygienic assessment of working conditions and health of workers at the Tver car building plant]. *Zdravookhranenie RF* [Health of the Russian Federation]. 2012. No. 6, pp. 49–50.
20. Spitsyna L.G., Rezanova A.S. Sotsial'no-pedagogicheskie funktsii iskusstva v vospitanii detey s narusheniem slukha [Social and pedagogical functions of art in the education of children with hearing impairment]. *Tavricheskiy nauchnyy obozrevatel* [Tavrishesky scientific observer]. 2016. №1-3 (6). S. 74–76.
21. Tret'yakova T.N., Shmeleva T.E. Znachenie psikhoemotsional'nogo sostoyaniya turistov vo vremya puteshestviy [The importance of the psycho-emotional state of tourists during travel]. *Ustoychivoe razvitie tekhnologii servisa* [Sustainable development of service technology]. 2016. Vol.1, pp. 114–118.
22. Umnyakova N.L., Vegera A.I., Kochenevskaya Yu.V. Otsenka dviga-tel'noy aktivnosti doshkol'nikov, imeyushchikh narusheniya slukha [Assessment of physical activity of preschool children with hearing loss]. *Uchenye zapiski universiteta Lesgafta*. 2013. №12 (106), pp. 159–164.
23. Schow B. et al. Electrode failure and device failure in adult cochlear im-plantation. *Cochlear Implants Int*. 2012. V. 13. № 1, pp. 35–40.
24. Muhaimed H.A. et al. Correlation between NRT measurement level and behavioral levels in pediatrics cochlear implant patients. *Int. J. Pediatr. Otorhinolaryngol*. 2010. V. 74 №4, pp. 356–360.
25. Cosetti M.K. et al. Intraoperative neural response telemetry as a predic-tor of performance. *Otol. Neurotol*. 2010. V. 31. №7, pp. 1095–1099.
26. Allen M., Nikolopoulos T., O'Donoghue G. Speech Intelligibility in chil-dren after cochlear implantation. *Am. J. Otol*. 1998. V. 9, pp. 742–746.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Дмитриева Александра Владимировна, старший преподаватель
кафедры психологии и социальных наук
Северо-Восточный федеральный университет
ул. Белинского, 58, г. Якутск, Республика Саха (Якутия),
677000, Российская Федерация
hos2t@mail.ru

Шамаева Виктория Спиридоновна, старший преподаватель кафедры психологии и социальных наук
Северо-Восточный федеральный университет
ул. Белинского, 58, г. Якутск, Республика Саха (Якутия),
677000, Российская Федерация
shamanvik@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Dmitrieva Alexandra, Assistant Professor, Department of Psychology and Social Sciences
North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov
58, Belinsky Str., Yakutsk, Sakha Republic (Yakutia), 677000, Russian Federation
hos2t@mail.ru

Victoria Shamaeva, Assistant Professor, Department of Psychology and Social Sciences
North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov
58, Belinsky Str., Yakutsk, Sakha Republic (Yakutia), 677000, Russian Federation
shamanvik@mail.ru

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-10-20-36

УДК 316.37

АНАЛИЗ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ РАБОТАЮЩИХ В АРКТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Егорова А.И., Давыдова В.Я.

Цель исследования. В статье описывается исследование психического состояния специалистов, работающих в арктических и экстремальных условиях Крайнего Севера. Доминирующее психическое состояние характеризует активность человека в процессе деятельности и свидетельствует об удовлетворенности актуальных потребностей личности.

Метод и методология проведения работы. Для изучения доминирующего состояния был использован опросник Л.В. Куликова. Математическая обработка данных осуществлялась при помощи коэффициента корреляции Пирсона.

Результаты. Выявлены негативные доминирующие состояния у респондентов, снижение интенсивности и темпа деятельности, связанные с истощением ресурсных возможностей человека. Респонденты отмечают изменчивость настроения, повышенную раздражительность, подавленность. Женщины проявляют более стабильное и позитивное психическое состояние, чем мужчины. Чем больше стаж работы на Севере, тем больше активности проявляют респонденты, повышается тонус, снижается тревога. Адаптационные процессы могут способствовать улучшению эмоционального фона, длительная трудовая деятельность в условиях Арктики и Крайнего Севера может приводить к профессиональному выгоранию, и различного рода профессиональным деформациям.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере разработки программ адаптации специалистов и вахтовых работников к экстремальным условиям Крайнего Севера.

Ключевые слова: психическое состояние; психологическое благополучие; специалист; Арктика; север; адаптация.

ANALYSIS OF THE MENTAL STATE OF SPECIALISTS WORKING IN THE ARCTIC

Egorova A.I., Davydova V.Ya.

Purpose of the study. *The article describes the study of the mental state of specialists working in the Arctic and extreme conditions of the Far North. The dominant mental state characterizes the activity of a person in the process of activity and indicates the satisfaction of actual personal needs.*

Method and methodology of the work. *To study the dominant state was used questionnaire by L.V. Kulikov. Mathematical data processing was carried out using the Pearson correlation coefficient.*

Results. *Negative dominant states of the respondents, a decrease in the intensity and pace of activity associated with the depletion of human resource capabilities are identified. Respondents noted mood variability, increased irritability, depression. Women exhibit a more stable and positive mental state than men. The more the work experience in the North, the more active the respondents show, the tone rises, the anxiety decreases. Adaptation processes can contribute to the improvement of the emotional background, long-term work in the Arctic and the Extreme North can lead to professional burnout, and various kinds of professional deformations.*

Scope of results. *The results of the study can be applied in the development of adaptation programs for specialists and shift workers to the extreme conditions of the Far North.*

Keywords: *mental state; psychological well-being; specialist; Arctic; north; adaptation.*

Арктика является природной экстремальной зоной, предъявляющей повышенные запросы к приспособительным (адаптивным)

возможностям человеческого организма. К факторам, влияющим на акклиматизацию человека, относят продолжительную зиму с низкими температурами и сильными ветрами, короткое холодное лето, нарушение фотопериодичности (полярный день и полярная ночь), особенности питания, контрастность изменчивость погоды. Эти факторы могут влиять на эмоциональную сферу и психическое состояние человека во взаимосвязи с влиянием окружающей природной и социальной среды, повышение уровня тревожности, снижение работоспособности, сонливость и утомляемость. В период полярного дня у людей часто возникают симптомы повышенной раздражительности, угнетения настроения, бессонницы, аффективных реакций и агрессивности [1].

Эффективность профессиональной деятельности специалистов работающих в арктических условиях в значительной степени определяется уровнем их физиологической, психологической и социально-психологической адаптации к социальной и природной среде. Несмотря на значительные усилия по снижению влияния негативных факторов, деятельность в условиях Арктики Крайнего Севера, остаётся одним из самых экстремальных видов труда. Исследователи подчёркивают важность возможностей обеспечения необходимых условий для работы и адаптационных ресурсов человека.

Медицинские исследования показывают, что природные условия Арктики влияют на физиологический статус организма человека: меняется кардиореспираторная система и динамика гематологических показателей [4] [5]. В ряде исследований отмечено, что существует большой территориальный и профессиональный разброс проявлений «северного» стресса, а также индивидуальная реакция снижения работоспособности [8] [14] [20] [21].

Люди, работающие в экстремальных условиях Арктики, имеют разный адаптационный потенциал, в зависимости от индивидуально-типологических особенностей, жизненного опыта, социального статуса и т.д. [1]. А.П. Бизюк и Б.Д. Карвасарский отметили, что в первые годы нахождения в арктических условиях у человека преобладают отклонения поведенческих, личностных компонентов,

которые отражаются на общем самочувствии и сне, далее происходит сдвиг личностной структуры в сторону невротизации, повышение тревожности [7].

А.А. Хадарцев показал, что в течение одного года у переехавших на Север лиц происходит активация программ адаптации. В период от двух до пяти лет организм находится в оптимизированном состоянии на фоне активации программ адаптации. При сроке проживания на Севере свыше 5 лет все показатели начинают ухудшаться, происходит истощение резервов [16].

Среди неблагоприятных функциональных состояний, возникающих у работников вахтовых форм труда в условиях Арктики, выделяют психологическую напряжённость, стресс (дистресс), утомление, монотонию и профессиональное выгорание [10] [14]. А.Г. Ананенков отмечает, что у рабочих преобладают признаки эмоционального выгорания, которые увеличиваются со стажем работы. Вахтовые работники пытаются создать компромиссную стратегию адаптации, которая позволит им существовать в профессиональной и внепрофессиональной сфере [2].

По мнению Н.Н. Симоновой социосредовая профессиональная адаптация работников вахтовых форм труда в арктических условиях представляет собой открытую психологическую систему, направленную на поддержание необходимого уровня работоспособности и функционального состояния в процессе выполнения профессиональных обязанностей в различных условиях [11].

Социосредовая профессиональная адаптация специалистов работающих в условиях Арктики должна включать: адаптацию к экстремальным условиям профессиональной деятельности и социально-психологическую адаптацию.

Деятельность в экстремальных условиях предъявляет иные требования к профессиональной адаптации работников, что обусловлено непредсказуемостью возникновения стрессогенных и аварийных ситуаций, которые требуют быстрого реагирования и разрешения. Как отмечает Н.Н. Симонова, в такой ситуации, результатом адаптации являются сформированные адаптационные стратегии: «экономная»,

«авральная», «дифференцированная» и «стереотипизированная», которая зависит от стажа деятельности специалиста и уровня саморегуляции [13].

По мнению большинства специалистов, к климатическим условиям окружающей среды, негативно влияющим на человека, относятся: суровость климата: низкие температуры, погодные явления, высокая влажность, частая смена воздушных масс, перепады барометрического давления, изменения содержания кислорода в атмосферном воздухе; своеобразие светового режима (полярный день и ночь); нарушение биоритмов; мощные и частые биомагнитные возмущения; недостаточность ультрафиолетового облучения, с одной стороны, и повреждения зрительного анализатора и кожи ультрафиолетовой радиацией, с другой; радиационная обстановка в регионах [3].

На физиологическом уровне, адаптация человека в этих условиях достигается путём напряжения и сложной перестройки различных систем организма. На психологическом уровне воздействие указанных факторов определяет различные нервно-психические нарушения и психологические расстройства.

Таким образом, на трудовую деятельность специалистов, работающих в Арктике и на Крайнем Севере влияют климато-географический, производственный (специфика организации труда) и социально-психологический факторы.

Цель нашего исследования изучить доминирующее психическое состояние специалистов, работающих в арктических условиях и на Крайнем Севере.

Объектом исследования выступили специалисты, работающие в промышленных и добывающих предприятиях, в учреждениях бюджетной сферы: здравоохранении, образовании, культуры, полиции, а также специалисты работающие вахтовым методом, проживающие временно или постоянно в п. Усть-Нера Оймяконского района и с. Саскылаах Анабарского района Республики Саха (Якутия). Анабарский район относится к Арктическим территориям республики, омывается морем Лаптевых. Оймяконский район известен

как место, в котором расположен полюс холода, зафиксированная температура – 72° по С.

Общий объем выборки составил 208 человек, 121 человек в Анабарском районе и 87 в Оймяконском районе. По половому составу мужчин 59,6%, женщин 40,4%. По возрастному составу выборка исследования была разделена на 4 возрастные группы: 20–30 лет (28,4%), 31–40 лет (25,5%), 41–50 лет (21,6%), 51–60 (17,3%) лет. По этническому составу 41,3% всех респондентов составили якуты, 32,7% – русские, 13% представители малочисленных народов Севера и 13% представители других национальностей. По уровню образования: специалисты с высшим образованием составили 134 человека (64,4%), с незаконченным высшим образованием 14 человек (6,7%), со средним специальным образованием 43 человека (20,7%) и специалисты рабочих профессий 6 человек, что составило 2,9% от всей выборки. Исследование проводилось в середине ноября, период наступления полярной ночи в регионе.

Субъективное благополучие личности связано с доминирующим психическим состоянием. Психическое состояние характеризует активность человека в процессе деятельности, а также свидетельствует об удовлетворенности актуальных потребностей личности. Особую значимость оценка психического состояния приобретает в стрессовых, экстремальных ситуациях. Для изучения доминирующего состояния специалистов, работающих в арктических условиях и на Крайнем Севере был использован опросник Л.В. Куликова, включающий 57 вопросов. Целью данной методики является определение характеристик личностного уровня психических состояний с помощью субъективных оценок обследуемого. Методика представляет собой опросник с набором утверждений, которые описывают признаки, характеризующие состояние, поведение и отношение человека к различным явлениям. Оценка степени согласия респондента с каждым утверждением дается по семибальной шкале. Основным назначением опросника является диагностика относительно устойчивых (доминирующих) состояний по следующим параметрам: активное – пассивное отношение к жизненной ситуации, тонус:

высокий – низкий, спокойствие – тревога, устойчивость – неустойчивость эмоционального тона, удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью в целом (ее ходом, процессом самореализации), положительный – отрицательный образ самого себя.

По результатам обработки данных выборки испытуемых в двух районах по всем параметрам получены низкие баллы: по шкале «активное – пассивное отношение к жизненной ситуации» – 34,63, «бодрость-уныние» – 24,03, «тонус высокий-низкий» – 22,35, «раскованность-напряженность» – 19,91, «спокойствие-тревога» – 21,09, «устойчивость-неустойчивость эмоционального тона» – 21,07, «удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью в целом (ее ходом, процессом самореализации)» – 25,07, «положительный – отрицательный образ самого себя» – 18,17. На рис. 1 представлены результаты по выборке п. Саскылах.

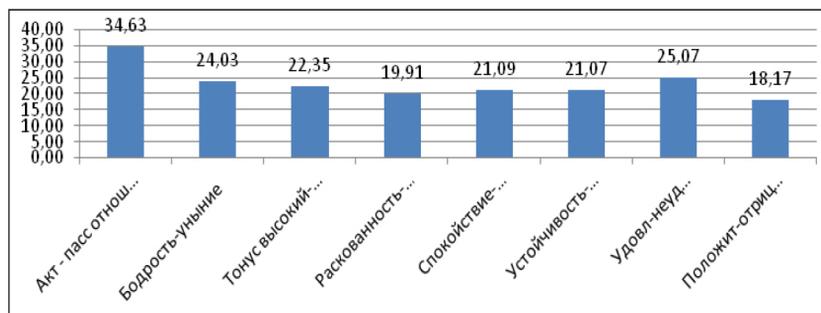

Рис. 1. Доминирующее психическое состояние респондентов п. Саскылах

На рис. 2 представлены результаты первичной обработки данных по Оймяконскому району, п. Усть-Нера. По всем параметрам получены еще более низкие баллы по сравнению с первой выборкой испытуемых: по шкале «активное – пассивное отношение к жизненной ситуации» – 29,09, «бодрость-уныние» – 20,81, «тонус высокий-низкий» – 19,2, «раскованность-напряженность» – 17,51, «спокойствие-тревога» – 17,22 «устойчивость-неустойчивость эмоционального тона» – 17,45 «удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью в целом (ее ходом, процессом самореализации)» –

22,12 «положительный – отрицательный образ самого себя» – 15,31. Достоверных статистических различий в показателях по двум выборкам не выявлено.

Одним из показателей психического состояния является отношение к жизненной ситуации, которое в рамках данной методики характеризуется как активное или пассивное. Активация проявляется в скорости действий, психомоторных реакций, энергичном поведении, в готовности решать и преодолевать трудности. Результаты нашего исследования показывают, что для респондентов характерен противоположный тип поведения, при котором доминирует спад, снижение интенсивности и темпа деятельности. Возможно, это связано со снижением, истощением ресурсных возможностей человека, как личностных, так и внешних. Как указывает автор методики, данный параметр состояния особенно важен при диагностике стрессовых состояний, т.е. можно предположить, что респонденты испытывают стрессовое состояние.

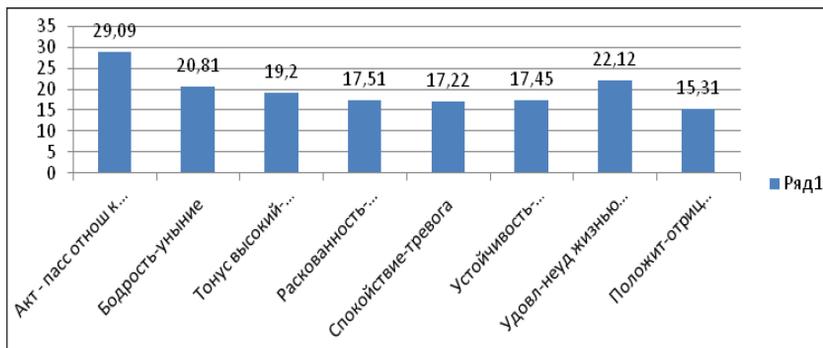

Рис. 2. Доминирующее психическое состояние респондентов п. Усть-Нера

Показатели общего тонуса, под которым в данном случае понимают уровень энергии для продвижения, в обеих выборках снижены (Саскылах – 22,35; Усть-Нера – 19,2), что может свидетельствовать о присутствии у респондентов ощущения слабости, усталости. Эти показатели согласуются с данными других авторов, согласно которым люди, работающие в Арктических условиях, склонны

проявлять стрессовые реакции. Проявлениями затяжного стресса являются ощущение усталости, несобранность, низкая работоспособность, также характерны повышенная утомляемость, вялость. Кроме того, результаты указывают на высокие ресурсные затраты, которые приводят к истощению физических, физиологических и психических ресурсов. Эти данные согласуются с результатами других исследований [12] [15]. Р.Н. Захаровой, А.Е. Михайловой, Л.Ф. Тимофеевым были выявлены низкие показатели жизнеспособности, которые свидетельствуют о снижении жизненной активности и утомляемости [17].

Показатели по шкале «спокойствие – тревога» указывают на то, что респонденты склонны испытывать беспричинное беспокойство, связанное с широким кругом жизненных ситуаций (Саскылах – 21,09; Усть-Нера – 17,22). Генерализированная тревога способствует тому, что многие события и факторы воспринимаются как угроза благополучию, постоянное ожидание неблагоприятных событий, смутное предчувствие будущей угрозы. Показатель по этой шкале является предиктом общего эмоционального, психологического состояния. Низкие значения указывают на высокую интенсивность негативных эмоций, оказывающих влияние в целом на сознание, поведение и деятельность человека.

Эмоциональный фон снижен, что проявляется в печальном настроении, унынии, будущее видится преимущественно в мрачных тонах. Респонденты отмечают изменчивость настроения, повышенную раздражительность, подавленность. Происходящие жизненные события разворачиваются на фоне общего негативного эмоционального тона.

Кроме того, низкие показатели по шкале «раскованность – напряженность» говорят о высоком эмоциональном напряжении, которое возникает в процессе деятельности и является следствием сложной деятельности. Эмоциональное напряжение может проявляться в двух формах: повышение возбудимости, характеризующейся повышенными двигательными реакциями и торможение, характеризующееся замедлением реакций, угнетением деятельности. В данном случае, речь идет именно о реакции торможения, которая проявля-

ется в заторможенности, скованности, уходом от решения проблем.

Одним из важных показателей в оценке психического состояния является удовлетворенность жизнью в целом. Как указывает автор методики, суждения, вошедшие в данную шкалу, относятся к чувству удовлетворенности своей жизнью, степени переживания полноты своей жизни, которая является базовой для психологической устойчивости личности. Переживаемые затруднения в самореализации приводят к переживаниям объемного эмоционального дискомфорта. В целом, респонденты обеих групп не удовлетворены жизнью, тем как она сложилась. Кроме того, этот показатель свидетельствует о низкой оценке личностной успешности. Как показывают результаты исследования, респонденты обеих групп испытывают общую неудовлетворенность жизнью.

Показатели предыдущих шкал согласуются с показателем по шкале «Положительный – отрицательный образ себя», которая имеет самый низкий балл в обеих выборках. Самооценка является базовой характеристикой, предопределяющей многие другие показатели. Низкие показатели говорят не только о высокой критичности в оценке себя и большом стремлении быть искренним, но и в негативном отношении к себе. В данном случае самооценка как личностный ресурс, позволяющий справляться с трудностями, не имеет достаточного резерва. Критичность самооценивания тесно связана с принятием личностью себя. Чем более положителен образ самого себя, тем меньше человек видит в себе недостатков. Принятие себя оказывает существенное влияние на настроение – чем полнее принятие себя и чем больше в эмоциональном отношении к себе положительных чувств, тем выше настроение. Кроме того, позитивное принятие себя улучшает психическое состояние, и наоборот – более благоприятное состояние располагает к тому, чтобы видеть свои недостатки незначительными, позволяет оценивать свое поведение как близкое к нормативному. Можно предположить, что респонденты воспринимают себя как неудачников.

Статистический анализ данных выявил различия в показателях ($p = 0,01$ для шкал «бодрость-уныние», «тонус высокий-низкий»,

«раскованность-напряженность», «спокойствие-тревога», «удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью в целом», $p=0,05$ для шкал «устойчивость-неустойчивость эмоционального тона», «положительный – отрицательный образ самого себя») по полу. То есть женщины проявляют более стабильное и позитивное психическое состояние, чем мужчины. Это можно объяснить тем, что женщины лучше адаптируются, обладают более гибкой психикой. Кроме того, для выборки Анабарского улуса, выявлены слабая, но значимая положительная корреляция между показателями «стаж работы на севере» и шкалами психического состояния «активность – пассивность», «тонус высокий-низкий» и «спокойствие-тревога». Т.е. чем больше стаж работы на Севере, тем больше активности проявляют респонденты, повышается тонус, снижается тревога.

Психические состояния, как довольно устойчивый комплекс свойств, оказывают влияние на эффективность деятельности работников, уровень их работоспособности. Сниженная самооценка, тревожность, пассивность несомненно находят отражение на характеристиках трудовой деятельности, на стиле деятельности в целом. Можно предположить, что в такой ситуации работники имеют низкий уровень трудовой мотивации, инновационного потенциала, вовлеченности в трудовой процесс. Системный характер психических состояний проявляется также в том, что это сказывается на снижении качества когнитивных функций (внимания, памяти, мышления и др.), эмоционально-волевых качеств.

Таким образом, результаты исследования подтверждают данные исследований других авторов, и указывают на негативные доминирующие состояния у респондентов. Работа в экстремальных условиях происходит с постоянным подключением функциональных резервных возможностей, требующих восстановления и возобновления. Кроме того, экстремальные факторы способствуют развитию негативных психических состояний, что может привести к дезорганизации деятельности в целом. У респондентов доминирует спад, снижение интенсивности и темпа деятельности, связанные со снижением, истощением ресурсных возможностей человека, как личностных,

так и внешних. Вероятнее всего, респонденты испытывают стрессовое состояние. Респонденты отмечают изменчивость настроения, повышенную раздражительность, подавленность. Происходящие жизненные события разворачиваются на фоне общего негативного эмоционального тона. Женщины проявляют более стабильное и позитивное психическое состояние, чем мужчины. Чем больше стаж работы на Севере, тем больше активности проявляют респонденты, повышается тонус, снижается тревога. По-видимому, адаптационные процессы способствуют улучшению эмоционального фона.

Можно предположить, что длительная трудовая деятельность в условиях Арктики и Крайнего Севера может приводить к профессиональному выгоранию, и различного рода профессиональным деформациям.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Список литературы

1. Азовцева И.К. Адаптивный механизм как основополагающий элемент концепции управления экономико-социальными системами. М., 2003. 9 с.
2. Ананенков А.Г., Ставкин Г.П., Андреев О.П. и др. Социальные аспекты технического регулирования вахтового метода работы в условиях Крайнего Севера. М.: Недра, 2005. 256 с.
3. Ахметов В.М. Динамика профессиональной заболеваемости в нефтяной, нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности за 40 лет // Медицина труда и промышленная экология. №5. 2002. С. 9–13.
4. Гудков А.Б. Физиологическая характеристика нетрадиционных режимов организации труда в Заполярье: дис. ...д-ра мед. наук. Архангельск, 1996. 32 с.
5. Дегтева Г.Н., Зубов Л.А. Актуальные вопросы социальной, физиологической и метаболической адаптации организма человека к условиям Севера // Экология человека. 2004. №4. С. 57–59.

6. Жуков М.А., Крайнов В.Н. Проблемы нормативного правового закрепления Арктической зоны Российской Федерации. Новый Дальний Восток. Приложение к электронному журналу «Вестник ДФО». 2013. С. 14.
7. Карвасарский Б.Д. Медицинская психология. Л.: Медицина, 1982. 271 с.
8. Кривошеков С.Г. Физиологические основы работоспособности человека при вахтовой организации труда: автореф. дис. ... д-ра мед. Наук. Томск, 1989. 31 с.
9. Куликов Л.В. Психология настроения. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1997. 228 с.
10. Симонова Н.Н. Психологический анализ профессиональной деятельности специалистов нефтегазодобывающего комплекса (на примере вахтового труда в условиях Крайнего Севера): автореферат дис. ... д-ра психол. наук. М., 2011. 43 с.
11. Симонова Н.Н. Психологическое обеспечение вахтового труда нефтяников в условиях Крайнего Севера // Вопросы современной науки и практики. 2009. №9. С. 69–80.
12. Симонова Н.Н. Психологические аспекты вахтового труда нефтяников в условиях Крайнего Севера: монография. М.: Издательство «Палеотип», 2008. 196 с.
13. Симонова Н.Н., Корнеева Я.А. Адаптационные стратегии вахтовых работников на Крайнем Севере в контексте риск-ориентированного подхода: монография – Архангельск: ИД САФУ, 2014. 216 с.
14. Собакин А.К. Работоспособность вахтового персонала газовых промыслов в экстремальных экологических условиях Севера. Новосибирск, 2004. 30 с.
15. Теддер Ю.Р. Актуальные вопросы физиологии и психологии вахтового труда в Заполярье. Архангельск, 1996. 127 с.
16. Хадарцев А.А. Коррекция программ адаптации при хроническом бронхите у лиц, работающих на Крайнем Севере // Нижегородский медицинский журнал. 2002. №2. С. 150–155. 253 с.
17. Захарова Р. Н., Михайлова А. Е., Тимофеев Л. Ф. Качество жизни населения Севера // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения

- и истории медицины. 2014. №5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-zhizni-naseleniya-severa> (дата обращения: 31.05.2017).
18. Lazarus R.S. Theory-based stress measurement // *Psychological Inquiry*. 1990. Vol. 1, pp. 3–13.
 19. Rice P.L. *Stress and health*. California: Brooks/Cole Publishing Company, Pacific Grove, 1992.
 20. Lehti V., Niemela S., Hoven C., Mandell D., Sourander A. Mental health, substance use and suicidal behavior among young indigenous people in the Arctic: A systematic review. *Social Science & Medicine*, 2009, vol. 69, issue 8. pp. 1194–1203 <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2009.07.045> (accessed October 3, 2018).
 21. Nelson S.E., Wilson K., The mental health of Indigenous peoples in Canada: A critical review of research. *Social Science & Medicine*, 2017, vol. 176, pp. 93–112. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2017.01.021> (accessed October 3, 2018).
 22. D’Mello S.K. *Automated Mental State Detection for Mental Health Care*. Artificial Intelligence in Behavioral and Mental Health Care. WA, USA and Naval Health Research Center, San Diego, CA, USA 2016, pp. 117–136. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-420248-1.00005-2> (accessed October 3, 2018).

References

1. Azovtseva I.K. *Adaptivnyy mekhanizm kak osnovopolagayushchiy element kontseptsii upravleniya ekonomiko-sotsialnymi sistemami* [Adaptive mechanism as a fundamental element of the concept of management of economic and social systems]. Moscow, 2003. 9 p.
2. Ananenkov A.G., Stavkin G.P., Andreyev O.P. *Sotsialnyye aspektyechnicheskogoregulirovaniyavakhtovogometodaraboty v usloviyakh Kraynego Severa* [Social aspects of technical regulation of rotational work in the conditions of the Far North]. Moscow: Nedra, 2005, 256 p.
3. Akhmetov V.M. *Meditsina truda I promyshlennaya ekologiya* [Occupational medicine and industrial ecology], 2002, no.5, pp. 9–13.
4. Gudkov A.B. *Fiziologicheskaya kharakteristika netraditsionnykh rezhimov organizatsii truda v Zapol'yar'ye* [Physiological characteristics of

- non-traditional modes of work organization in the Arctic]. Arkhangelsk, 1996, 32 p.
5. Degteva G.N., Zubov L.A. *Ekologiya cheloveka*. [Human ecology], 2004, no. 4, pp. 57–59.
 6. Zhukov M.A., Kraynov V.N. Problemy normativnogo pravovogo zakrepleniya Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii. Novyy Dal'niy Vostok [Problems of regulatory legal consolidation of the Arctic zone of the Russian Federation. New Far East]. *Prilozheniye k elektronnomu zhurnalu «Vestnik DFO»*, 2013, p.14.
 7. Karvasarskiy B.D. *Meditsinskaya psikhologiya*. [Medical psychology]. Leningrad: Meditsina, 1982, 271 p.
 8. Krivoshchekov S.G. *Fiziologicheskiye osnovy rabotosposobnosti cheloveka pri vakhtovoy organizatsii truda* [Physiological basis of human performance in rotational work organization]. Tomsk, 1989, 31 p.
 9. Kulikov L.V. *Psikhologiya nastroyeniya* [Psychology of mood], Saint-Petersburg, St. Petersburg University Press., 1997, 228 p.
 10. Simonova N.N. *Psikhologicheskiy analiz professionalnoy deyatel'nosti spetsialistov neftegazodobyvayushchego kompleksa (na primere vakhtovogo truda v usloviyakh Kraynego Severa)* [Psychological analysis of the professional activities of specialists of the oil and gas complex (for example, shift labor in the conditions of the Far North)]. Moscow, 2011, 43 p.
 11. Simonova N.N. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki* [Issues of modern science and practice], 2009, no. 9, pp. 69–80.
 12. Simonova N.N. *Psikhologicheskiye aspekty vakhtovogo truda neftyanikov v usloviyakh Kraynego Severa* [Psychological aspects of shift work of oilmen in the conditions of the Far North], Moscow: Paleotip Publ., 2008, 196 p.
 13. Simonova N.N., Korneyeva YA.A. *Adaptatsionnyye strategii vakhtovykh rabotnikov na Kraynem Severe v konteksterisk-orientirovannogo podkhoda* [Adaptation strategies of shift workers in the High North in the context of a risk-based approach]. Arkhangel'sk: NArFU publishing house, 2014, 216 p.
 14. Sobakin A.K. *Rabotosposobnost vakhtovogo personala gazovykh promyslov v ekstremalnykh ekologicheskikh usloviyakh Severa* [Efficiency

- of shift personnel of gas fields in extreme environmental conditions of the North], Novosibirsk, 2004, 30 p.
15. Tedder YU.R. *Aktualnyye voprosy fiziologii i psikhologii vakhtovogo truda v Zapolyarye* [Topical issues of physiology and psychology of rotational labor in the Arctic], Arkhangel'sk, 1996, 127 p.
 16. Khadartsev A.A. *Nizhegorodskiy meditsinskiy zhurnal* [Nizhny Novgorod Medical Journal] 2002, no. 2, pp. 150–155.
 17. Zakharova R. N., Mikhaylova A. Ye., Timofeyev L. F. *Problemy sotsial'noy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* [Problems of social hygiene, health and medical history] 2014, no. 5. <http://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-zhizni-naseleniya-severa> (accessed May 31, 2017).
 18. Lazarus R.S. Theory-based stress measurement. *Psychological Inquiry*, 1990. vol. 1, pp. 3–13.
 19. Rice P.L. *Stress and health*. California: Brooks.ColePublishingCompany, PacificGrove, 1992, 493 p.
 20. Lehti V., Niemela S., Hoven C., Mandell D., Sourander A. Mental health, substance use and suicidal behaviour among young indigenous people in the Arctic: A systematic review. *Social Science & Medicine*, 2009, vol. 69, issue 8, pp. 1194–1203. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2009.07.045> (accessed October 3, 2018).
 21. Nelson S.E., Wilson K., The mental health of Indigenous peoples in Canada: A critical review of research. *Social Science & Medicine*, 2017, vol.176, pp. 93–112. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2017.01.021> (accessed October 3, 2018).
 22. D'Mello S.K. *Automated Mental State Detection for Mental Health Care*. Artificial Intelligence in Behavioral and Mental Health Care. WA, USA and Naval Health Research Center, San Diego, CA, USA 2016, pp. 117-136 <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-420248-1.00005-2> (accessed October 3, 2018).

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Давыдова Валентина Яковлевна, доцент кафедры психологии и социальных наук
Северо-Восточный федеральный университет

*ул. Белинского, 58, г. Якутск, Республика Саха (Якутия),
677000, Российская Федерация
dvy18@mail.ru*

Егорова Аида Июньевна, директор Института психологии, кандидат психологических наук
*Северо-Восточный федеральный университет
ул. Белинского, 58, г. Якутск, Республика Саха (Якутия),
677000, Российская Федерация
aidaego@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Davydova Valentina Yakovlevna, assistant professor, Department of psychology and social sciences
*North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov
58, Belinsky Str., Yakutsk, Sakha Republic (Yakutia), 677000, Russian Federation
dvy18@mail.ru*

Egorova Aida Iunjevna, The Head of the Department of Psychology, Ph.D. in Psychology, Professor,
*North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov
58, Belinsky Str., Yakutsk, Sakha Republic (Yakutia), 677000, Russian Federation
aidaego@mail.ru*

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-10-37-53

УДК 159.9

ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В МАТЕРИНСКОЙ СЕМЬЕ

Егорова В.Н., Матвеева Н.В.

В настоящее время наблюдается рост количества детей, родившихся без отца. В статье представлены результаты изучения детско-родительских отношений в неполной (материнской) семье.

Целью исследования является выявление типа родительского отношения в материнской семье.

Предметом данной работы являются детско-родительские отношения в материнской семье. Объектами исследования были 60 подростков и 60 одиноких матерей, проживающие в сельском районе Республики Саха (Якутия).

Исследование детско-родительских отношений было проведено с помощью опросника «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (ADOR-сокращенно, подростки о родителях, опросник родительских отношений (А.Я. Варга, В.В. Столин), методика изучения структуры интегральной индивидуальности по 120 симптомам (Т.Ф. Базылевич).

Выделены предпочитаемые одинокими матерями типы взаимоотношений с детьми подросткового возраста. Обнаружено, что негативное или положительное восприятие родительских отношений в значительной мере обусловлено полом подростков: стремление матери инфантилизировать ребенка воспринимается мальчиками как негативное, девочками как позитивное. Однако различия имеются в показателях внутри представителей одного пола в зависимости от сложившейся структуры индивидуальности подростков. Матери сыновей, принадлежащих к I типологическому синдрому индивидуальности, более склонны к отвержению, чем матери мальчиков с II типологическим синдромом.

Результаты исследования могут быть применены школьными психологами и социальными педагогами.

Ключевые слова: материнская семья; детско-родительские отношения; тип общения; индивидуальность.

CHILDREN-PARENTS CONTACTS IN MATERNAL FAMILY

Egorova V.N., Matveeva N.V.

Nowadays there is tendency to an increase in the number of children born without a father. The article presents the results of studying child-parent relations in an uncomplete (maternal) family.

The aim of the study is identify the type of parental relationship in the maternal family.

The subject of this work is parent-child relationships in the maternal family. The subjects of the study were 60 teenagers and 60 single mothers living in rural area of the Republic of Sakha (Yakutia).

The research was carried out with the use of psychodiagnostic questionnaire "Parents behavior and attitude towards them" (ADOR – abbreviated adolescents about parents), questionnaire of the paternal relationship (A.Ya. Varga, V.V. Stolin), method for studying the structure of an integral individuality on 120 symptoms (T.F. Basylevich).

There were marked the styles of relationship with adolescent children preferred by the alone mothers. It was found that the negative or positive perception of paternal relationship largely depends on the sex of adolescents: the mother`s desire to infantilize the child is perceived by the boys as negative, by the girls as positive. Differences also exist in the indicators within the same sex, depending on the set-up structure of adolescent individuality. Mothers of sons belonging to the I typological syndrome of individuality are more disposed to ignorance than mothers of boys with the II typological syndrome. The mother`s desire to infantilize an extroverted son is perceived by him as hostile one, i.e. aggressive and excessive severity on the side of mother in interpersonal relationships.

The results of study can be used by school psychologists and educators in their practical work.

Keywords: maternal family; child-parent relations; communication type; individuality.

Введение

Значимость детско-родительских отношений в жизни человека трудно переоценить. Являясь первичной системой социальных отношений, взаимосвязь родителя и ребёнка призвана обеспечить формирование важнейших структур самосознания, развитие социально-психологических качеств и раскрытие внутреннего потенциала растущего человека. Качество детско-родительских отношений зависит от многих факторов и оказывает значительное влияние не только на психическое развитие ребёнка, но и на его установки и поведение на стадии взрослости.

Семья, как известно, это первый социальный институт где, человек формируется как личность. То, что ребенок в детские годы приобретает в семье, он сохраняет в течение всей последующей жизни [5]. Важность семьи как института воспитания обусловлена тем, что в ней ребенок находится в течение значительной части своей жизни, и по длительности своего воздействия на личность ни один из институтов воспитания не может сравниться с семьей. В ней закладываются основы личности ребенка, и к поступлению в школу он уже более чем на половину сформировывается как личность. В формировании и развитии личностных характеристик растущего человека значительное место имеют детско-родительские отношения, складывающиеся и носящие иногда острый характер в подростковом возрасте.

Исследование детско-родительских отношений в материнской семье

Понятие «детско-родительские отношения» в психолого-педагогической литературе определяется неоднозначно. Во-первых, оно представляется как подструктура семейных отношений, включаю-

щая в себя взаимосвязанные, но неравнозначные отношения: родителей к ребенку – с одной стороны родительское (материнское и отцовское) отношение, с другой – отношение ребенка к родителям. Во-вторых, эти отношения понимаются как взаимоотношение, взаимовлияние, активное взаимодействие родителя и ребенка, в котором ярко проявляются социально-психологические закономерности межличностных отношений.

Детско-родительские отношения можно определить как избирательную эмоционально-оценочную психологическую связь ребенка с каждым из родителей, выражающуюся в переживаниях, действиях, реакциях, обуславливаемую с возрастно-психологическими особенностями детей, культурными моделями поведения и собственным жизненным опытом, которая и определяет особенности восприятия ребенком родителей и способ общения с ними. То есть, детско-родительские отношения рассматриваются как субъективное осознание человеком любого возраста характера отношений с матерью и отцом [7].

Существенная особенность детско-родительских отношений заключается в постоянном их изменении с возрастом ребенка и неизменном отделении ребенка от родителей. Матери детей младшего школьного возраста в отношениях со своими детьми отмечают такие особенности, как близость, сотрудничество, последовательность и удовлетворенность, при этом матери оценивают своих детей как доброжелательных и искренне заинтересованных в хороших межличностных отношениях, живущих интересами других.

Матери, воспитывающие дочерей, более тревожны и, возможно, из-за тревоги они более требовательны, строги и сильнее контролируют девочек, в большей степени идентифицируясь с ними, чем с мальчиками. Они больше принимают дочерей, более близки с ними и больше удовлетворены этими отношениями, чем матери, воспитывающие сыновей, которые, в свою очередь, больше ориентируются на сотрудничество с мальчиками и более последовательны.

Однако с возрастом матери больше принимают своих детей, становятся менее требовательными, строгими, контролирующими

ми, ближе с детьми, более последовательны и ориентированы на сотрудничество, в результате чего больше удовлетворены своими отношениями с ними [3].

Тем не менее, отечественные исследователи отмечают конфликтность детско-родительских отношений: взрослеющий ребенок стремится к отделению от родителей, последние всячески пытаются его удержать возле себя, при этом желая его развития и взросления [11]. Характер дальнейших взаимоотношений между детьми и родителями, безусловно, зависит от сложившегося стиля воспитания в семье. Основными понятиями семейного воспитания, по Адлеру, являются: равенство (но не тождественность между родителями и детьми, как в области прав, так и в области ответственности) и сотрудничество [14].

Е.О. Смирнова, раскрывая специфику детско-родительских отношений, считает, что, они характеризуются сильной эмоциональной значимостью как для ребенка, так и для родителя [10].

В детско-родительских отношениях реализуются два типа отношений. Ребенок для родителя и родитель для ребенка, с одной стороны, выступают средством удовлетворения своих потребностей – в этом смысле можно говорить о материальной стороне отношений. С другой стороны, существует духовный пласт детско-родительских отношений, где присутствует открытое личностное общение между родителем и ребенком, цель которого – полное раскрытие и развитие индивидуальных особенностей друг друга.

На двойственность в детско-родительских отношениях указывает в своей эпигенетической концепции и Э. Эриксон, называя ее «двойственной интенцией», которая совмещает в себе чувственную заботу о нуждах ребенка с чувством полного личного доверия к нему, и лишь сам ребенок устанавливает необходимый баланс между требованиями родителей и своей инициативой [18].

Э.Г. Эйдемиллер в своих трудах выделяет следующие характеристики типов воспитания ребёнка: степень гиперпротекции; удовлетворённость потребностей; требования, предъявляемые ребёнку; санкции, накладываемые на него; воспитательная неуверенность

родителей. На основе этих характеристик дается формальное описание стилей воспитания: потворствующая гиперпротекция, доминирующая гиперпротекция, эмоциональное отвержение, повышенная моральная ответственность и гипопротекция [17]. А.Я. Варга сформулировала следующую типологию детско-родительских отношений: принимающе-авторитарное, отвергающее с явлениями инфантилизации, симбиотическое отношение и симбиотически-авторитарное, отличающееся от предыдущего типа наличием гиперконтроля [4].

В современном обществе неполная материнская семья уже давно перестала считаться феноменом, чем-то отличающимся от нормы. В настоящее время наблюдается увеличение количества рождаемости детей без отца. Термин «одинокая мать» имеет двойное понимание. В широком смысле, он относится ко всем матерям, воспитывающим, по определенным причинам, детей без присутствия мужчин. Так, материнская семья определяется как внебрачный вид семьи, в основе которой лежит как сознательное материнство, так и материнство без потребности в детях, которое является одним из признаков появления большого числа детей, растущих без отца. В современном обществе неполная материнская семья уже давно перестала считаться явлением, чем-то отличающимся от нормы [15].

Известно, что отсутствие отца в семье может привести к существенным негативным последствиям в формировании личности растущего человека.

Так, отсутствие примера взаимоотношений мужчины и женщины в монородительских семьях негативно влияет на социализацию детей в целом и в частности на подготовленность к будущей семейной жизни. В материнских семьях мальчики не видят примера мужского поведения в семье [13], что способствует формированию неадекватного представления о ролевых функциях мужчины в процессе их социализации. Некоторое преувеличенно строгое поведение незамужней матери во многом вызвано отсутствием отца в семье, которое также влияет на социализацию воспитывающихся в материнских семьях девочек: у них может произойти искажение представления о ролевых функциях женщины, жены и матери [8].

Наиболее ярким гендерным различием в воспитании мальчиков и девочек является большее поощрение мальчиков к независимости и стратегическому мышлению на всех возрастных ступенях. От девочек ожидается большая зависимость и умение решать конкретные практические проблемы. В то же время матери ожидают более раннего развития и самостоятельности именно от девочек [16]. Основной целью нашего исследования было изучение типа родительского отношения в материнской семье. Участниками исследования выступили подростки из материнских семей, проживающие в одном из улусов Республики Саха (Якутия), а также их матери, женщины в возрасте 35–50 лет. Общая численность участников исследования составила 120, из них подростков – 60, матерей – 60.

Подростковый возраст характеризуется объективными внутренними и внешними изменениями [12], которые отражаются и в детско-родительских отношениях. При этом происходящие в подростковом возрасте физиологические и психологические изменения интегрируются и проявляются в структуре индивидуальности подростка. В нашем исследовании мы исходили из предположения о том, что типы родительских отношений одиноких матерей к детям различаются в зависимости от структуры индивидуальности подростков.

Исследование детско-родительских отношений было проведено с помощью опросника «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (ADOR-сокращенно, подростки о родителях), изучающего отношение детей к установкам, поведению и методам воспитания родителей в подростковом и юношеском возрасте [9]. Также был применен тест-опросник родительского отношения (ОРО), ориентированный на выявление следующих типов родительских отношений: «принятие – отвержение», «кооперация», «симбиоз», «авторитарная гиперсоциализация», «маленький неудачник» [6].

В результате проведенного исследования по опроснику «ADOR» «Поведение родителей и отношение подростков к ним» выявили следующее:

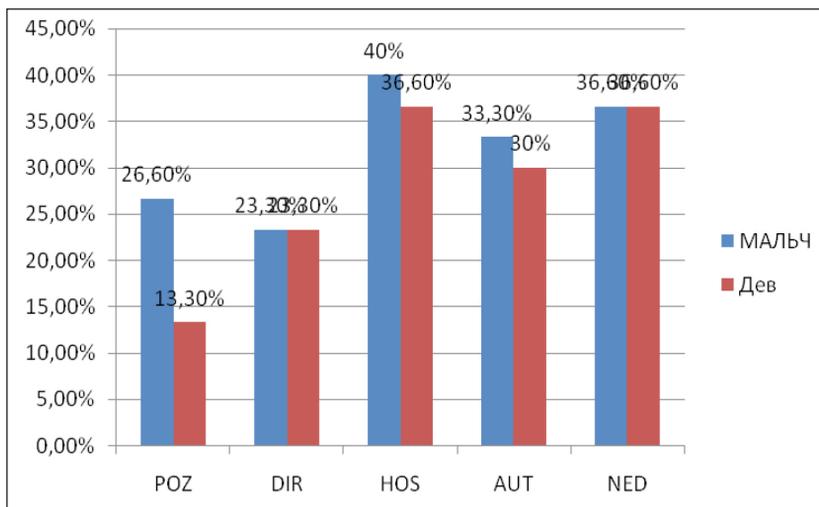

Диаграмма 1. Показатели опросника «ADOR»

Как мальчики, так и девочки воспринимают отношение матери как враждебное (шкала HOS – 40%, 36,60%). Они считают, что их матери чрезмерно строги с ними в межличностных отношениях. Так, эмоциональная холодность к подростку маскируется и зачастую выдается за сдержанность, скромность, следование «этикету» и даже подчиненность ему. Уровень эмоционального отвержения ребенка современными родителями достаточно высок.

Далее, подростки отмечают непоследовательность воспитательной тактики своей матери (шкала NED – 36,6%). Непоследовательность воспитательной тактики со стороны матери проявляется в резкой смене стиля отношений: от очень строгого к либеральному и, наоборот, от психологического принятия подростка к резкому эмоциональному отвержению его.

На третьем месте стоит показатель автономности матери (шкала AUT – 33,3%, 33%). Автономность матери понимается как диктат, полное упоение властью даже некоторая маниакальность в этом отношении, не признающая никаких вариаций. Мать при этом не воспринимает ребенка как личность, со своими чувствами, мысля-

ми, представлениями и побуждениями, она являет собой «слепую» власть и амбиции.

Необходимо отметить также, что на данной выборке учащихся обнаружилась и некоторая корреляция между самими типами родительской позиции. Так оказалось, что непоследовательность положительно коррелирует с враждебностью ($p \leq 0,01$), т.е. чем выше проявляется непоследовательность в стиле общения со стороны матери, тем больше подростки воспринимают родительское отношение как враждебное.

Директивность отрицательно коррелирует с позитивным интересом ($p \leq 0,01$), что позволяет сделать вывод о том, что, чем больший контроль проявляется со стороны матери, тем больше ее отношения кажутся подросткам проявлением равнодушия и недоверия.

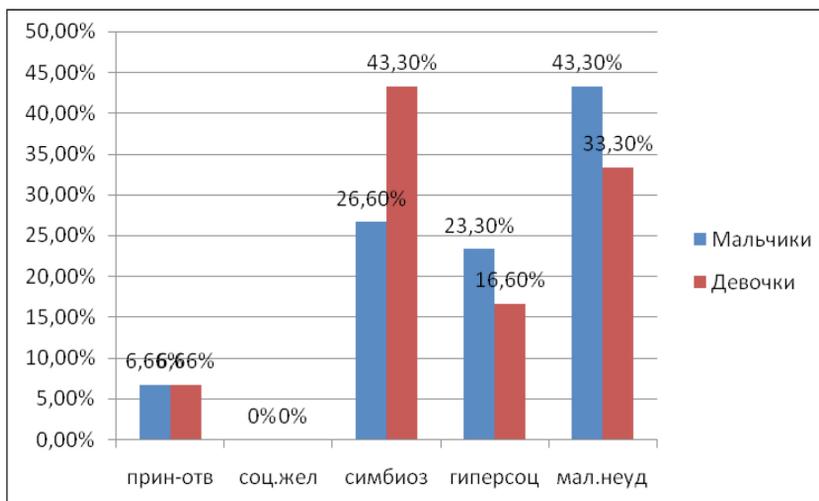

Диаграмма 2. Показатели теста «ОРО»

Тест-опросник родительского отношения (ОРО) представляет собой психодиагностический инструмент, ориентированный на выявление родительского отношения у лиц, обращающихся за психологической помощью по вопросам воспитания детей и общения с ними.

Как видно из диаграммы, у матерей по отношению к сыновьям преобладает отношение как «маленькому неудачнику» (43,3%), а к дочерям – «симбиоз» (43,3%). Сын воспринимается матерью младше своего реального возраста. Интересы, увлечения, мысли и чувства сына кажутся матери детскими, несерьезными. Ребенок представляется не приспособленным, не успешным, открытым для дурных влияний. Мать не доверяет своему сыну, (она еще не готова «оторвать» его от себя, считает его еще не готовым к взрослой жизни) старается оградить его от трудностей жизни и строго контролировать его действия. К девочкам же мать проявляет более доверительные (относится как равной себе) отношения. Мать эмоционально понимает, сочувствует ей, своевременно реагирует на потребности дочери-подростка. В результате такого отношения у них существуют общие цели, задачи в совместной деятельности, что приводит к преодолению эгоистической индивидуализации ребенка.

Подростки независимо от пола испытывают авторитаризм со стороны матери. Мать требует от подростка безоговорочного послушания и дисциплины. Она старается навязать ребенку во всем свою волю, не в состоянии встать на его эмоциональное состояние. За малейшие проявления своеволия подросток сурово наказывается. При этом подросток не чувствует себя отверженным матерью, так как он знает, что он нравится ей таким, какой он есть [1]. Возможно, строгая контроль со стороны матери воспринимается подростком как забота о нем.

Одной из задач нашего исследования было выявление различий в типах родительских отношений к подросткам в материнской семье. При этом можно выделить определенный типологический синдром индивидуальности, обуславливающий преобладание применения того или иного типа родительского отношения со стороны матери. Приводим характеристики синдромов индивидуальности, выявляемых с помощью опросника Т.Ф. Базылевич «Оценка структуры целостной индивидуальности» [2].

Согласно концепции целостной структуры индивидуальности Т.Ф. Базылевич, I тип (типологический синдром) индивидуальности

характеризуется следующими особенностями: природно-обусловленный высокий уровень активированности сочетается с высокой чувствительностью, малой функциональной выносливостью, неустойчивостью к стрессогенным условиям деятельности.

Данный синдром имеет целый спектр психологических проявлений, например, в интроверсии, импульсивности, склонности к психосоматике, непереносимости беспорядка и хаоса. «Экологической нишей» индивидуальности данного типа является комфортная напряженность, оптимальная «индивидуальная» активация, положительный эмоциональный тонус.

II тип (типологический синдром) индивидуальности характеризуется низким уровнем активированности, сочетающейся с низкой чувствительностью, высокой функциональной выносливостью к стрессогенным условиям деятельности.

Данный синдром имеет противоположные психологические проявления, например, в экстраверсии, склонности к особой психосоматике, переносимости беспорядка. При этом сформированная стратегия поведения и субъективный прогноз частого успеха (например, при монотонии) улучшает показатели жизнедеятельности лиц, относящихся данной типологии.

Результаты исследования показали, что матери к сыновьям с I типологическим синдромом индивидуальности применяют такие типы родительских отношений как «маленький неудачник», «симбиоз» и «авторитарная гиперсоциализация». Матери стараются инфантилизировать ребенка, сыновья, в свою очередь, воспринимают такое отношение матерей как стремление господствовать над ним, посягать на его автономность, подавить его как личность. Симбиотическое отношение матери воспринимается подростками как непоследовательность с ее стороны, т.е. как некое чередование эмоциональных всплесков господства силы и амбиций, опеки сверх меры и недоверчивой подозрительности.

Сравнение показателей отношения матерей (ОРО) к сыновьям обнаружило, что матери сыновей, относящихся к I типологическому синдрому индивидуальности, более склонны к отвержению, чем

матери мальчиков со II типологическим синдромом. Матери воспринимают своего сына-интроверта (подросток, относящийся к I типологическому синдрому индивидуальности – скорее интроверт, чем экстраверт) неприспособленным, неудачливым. Им кажется, что сын не добьется успеха в жизни из-за низких коммуникативных способностей, неуверенности в себе.

К сыновьям же со II типологическим синдромом индивидуальности, матери также применяют такие отношения как «симбиоз», «маленький неудачник» и «авторитарная гиперсоциализация». Восприятие же отношений матери мальчиками со II типологическим синдромом индивидуальности немного отличается от восприятия мальчиков с I типологическим синдромом индивидуальности. Например, стремление матери инфантилизировать сына воспринимается ими как враждебное, т.е. агрессивная и чрезмерная строгость со стороны матери в межличностных отношениях.

Изучение оценки детско-родительских отношений девочек показало, что матери к дочерям относятся одинаково независимо от типологических синдромов индивидуальности детей. Они также, предпочитают три типа отношений, это: «симбиоз»; «маленький неудачник»; «авторитарная гиперсоциализация». Восприятие вышеназванных отношений дочерьми, тоже не отличается от восприятия мальчиков, т.е. симбиотические отношения воспринимаются ими как непоследовательные, отношение «маленький неудачник» – как враждебное. Различия обнаружены в восприятии подростками авторитарного отношения родителей. Авторитарность матерей девочками со II типологическим синдромом индивидуальности, воспринимается как позитивное, т.е. контроль матерью за ее поведением считается как положительное отношение (забота) к себе, а девочки с I типологическим синдромом индивидуальности, такой стиль отношений считают, как непоследовательный стиль, проявляющийся в чередовании психологического принятия дочери матерью и эмоционального ее отвержения.

Заключение

Воспитание детей в материнской семье обладает рядом сложностей. Женщине приходится брать на себя решение всех финансовых и социальных проблем семьи. При этом ей необходимо заполнять возникший дефицит воспитательного и психологического влияния отца на детей. Все эти проблемы в совокупности вызывают трудности в построении общения с детьми. Возможно, предпочитаемые одинокими матерями типы родительских отношений обусловлены многочисленными проблемами морального или материального характера, которые могут возникать в жизни одинокой матери. Матери больше заняты решением ежедневных нескончаемых проблем, что, видимо, матерям ничего не остается, помимо как воспитать ребенка в строгих межличностных отношениях.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. В материнских семьях матери придерживаются более строгой формы воспитательной тактики и не выделяют при этом ни гендерных, ни типологических различий детей.
2. Предпочитаемыми воспитательными тактиками в материнских семьях являются: враждебное отношение, непоследовательность и авторитарность матери.
3. Чрезмерный контроль со стороны матери подростки воспринимают как проявление равнодушия и недоверия.
4. Во взаимоотношениях с детьми матери предпочитают такие родительские отношения как «симбиоз», «авторитарная гиперсоциализация» и «маленький неудачник».
5. Негативное или положительное восприятие родительских отношений в значительной мере обусловлено типологией сложившейся структуры индивидуальности подростков.

Резюмируя выше изложенное, следует отметить, что детско-родительские отношения негативно могут влиять на формирование личности подростка. Так, жесткий контроль и чрезмерный авторитаризм матери могут подавить волю подростка-мальчика с интровертированными чертами характера (I типологический синдром индивидуальности), вследствие чего, он может замкнуться в себе

и сформировать низкую самооценку. Полученные материалы могут быть основой для разработки программ психокоррекционной и индивидуальной работы с одинокими матерями.

Список литературы

1. Алексеева В.П., Егорова В.Н., Егорова Т.П., Макарова А.П. Детско-родительские отношения в материнской семье // Казанская наука. № 11, 2015. С. 309–311.
2. Базылевич Т.Ф. Введение в психологию целостной индивидуальности. М., 1998.
3. Борисова А.Е. Взаимосвязь привязанности женщины к матери и ее отношения к своему ребенку. Автореферат диссертации. Москва, 2011. С. 22–23.
4. Варга А.Я. Типы неправильного родительского отношения. М., 1987.
5. Дивицына Н.Ф. «Семьеведение», М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2006.
6. Ильин Е.П. Психология взрослости. СПб.: Питер, 2012.
7. Куликов Л.В. Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, 2009.
8. Петровский А.В. Дети и тактика семейного воспитания. М.: Знание, 2002.
9. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога. Учеб. пособие: В 2 кн. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. Кн. 2: Работа психолога со взрослыми. Коррекционные приемы и упражнения.
10. Смирнова Е.О. Детская психология. Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2006.
11. Спиваковская А.С. Как быть родителями. М., 2006.
12. Толстых Н.Н. Психология подросткового возраста: учебник и практикум для академического бакалавриата / Н.Н. Толстых, А.М. Прихожан. М.: Издательство Юрайт, 2016.
13. Целуйко В.М. Неполная семья. Волгоград, 2000.
14. Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов. Ростов н/Д, изд-во «Феникс», 1998.
15. Винн М. Семья без отца. / Пер с англ. В Романов. М.: Наука, 1975.

16. Дековик М., Нум М.Ж., Муис В. Ожидания в отношении развития в подростковом возрасте: представления родителей и подростков // Журнал молодежи и подростков. 1997. Том. 26. № 3. С. 253–272.
17. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер 2008.
18. Эриксон Э. Трагедия личности, Москва: Эксмо, Алгоритм 2008.

References

1. Alekseeva V.P. Egorova V.N. Egorova T.P. Makarova A.P. Detsko_roditelskie otnosheniya v materinskoj seme [Child-parent relations in the maternal family]. *Kazanskaya nauka* [Journal of Kazan Science]. 2015, no. 11. pp. 309–311.
2. Bazylevich T.F. *Vvedenie v psihologiyu celostnoi individualnosti* [Introduction to psychology of an integral individuality]. Moscow, 1998.
3. Borisova A.E. *Vzaimosvyaz' privyazannosti zhenshchiny k materi i ee otnosheniya k svoemu rebenku* [The Relationship between a woman's attachment to her mother and her relationship to her child]. Abstract of dissertation. Moscow, 2011, pp. 22–23.
4. Varga A.Ya. *Tipi nepravilnogo roditelskogo otnosheniya* [Wrong types of parent relations]. Moscow, 1987.
5. Divicina N.F. *Semevedenie* [Familydirecting]. Moscow, VLADOS_PRESS_2006.
6. Ilin E.P. *Psihologiya vzroslosti* [Psychology of adulthood]. SPb. Piter, 2012.
7. Kulikov L.V. *Psihologiya lichnosti v trudah otechestvennih psihologov* [Psychology of personality in the works of domestic psychologists]. SPb. Piter, 2009.
8. Petrovskii A.V. *Deti i taktika semeinogo vospitaniya* [Children and tactics of family education]. Moscow, Znanie, 2002.
9. Rogov E.I. *Nastolnaya kniga prakticheskogo psihologa* [Handbook of a practical psychologist]. Moscow, VLADOS 1999. Kn. 2 *Rabota psihologa so vzroslimi. Korrekcionnye priemi i upravneniya* [the work of the psychologist with adults. Correctional techniques and exercises].
10. Smirnova E.O. *Detskaya psihologiya* [Child psychology]. Gumanitar. izd. centr VLADOS 2006.

11. Spivakovskaya A.S. *Kak bit roditelyami* [How to be parents]. Moscow, 2006.
12. Tolstih N. N. *Psihologiya podrostkovogo vozrasta uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata* [Psychology of adolescence: textbook and workshop for academic undergraduate]. Moscow, Izdatelstvo Yurait 2016.
13. Celuiko V.M. *Nepolnaya semya* [Incomplete family]. Volgograd, 2000.
14. Adler A. *Vospitanie detei* [The Upbringing of children]. *Vzaimodeistvie polov* [Interaction of the sexes]. Rostov n/D, izd-vo «Feniks», 1998.
15. Vinn M. *Semya bez otca* [Family without a father]. per s ang. V Romanov [translated from eng. V. Romanov]. Moscow: Nauka, 1975.
16. Dekovik M., Num M.J., Muis V. Ojidaniya v otnoshenii razvitiya v podrostkovom vozraste _predstavleniya roditeli i podrostkov [Expectations regarding development during adolescence: Parental and adolescent perceptions]. *Jurnal molodeji i podrostkov* [Journal of Youth and Adolescence]. 1997. V. 26. Issue 3, pp. 253–272.
17. Eidemiller E.G., Yustickis V. *Psihologiya i psihoterapiya semi* [Psychology and psychotherapy of family]. SPb.: Piter, 2008.
18. Erikson E. *Tragediya lichnosti* [Tragedy of the personality]. Moscow, Eksmo Algoritm 2008.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Егорова Валентина Никифоровна, кандидат психологических наук, кафедра психологии и социальных наук
Северо-Восточный федеральный университет
ул. Белинского, 58, г. Якутск, Республика Саха (Якутия),
677000, Российская Федерация
VE373@mail.ru

Матвеева Наталья Васильевна, старший преподаватель кафедры психологии и социальных наук
Северо-Восточный федеральный университет
ул. Белинского, 58, г. Якутск, Республика Саха (Якутия),
677000, Российская Федерация
Matv_1986@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Egorova Valentina Nikiforovna, Ph.D. in Psychology, Department of Psychology and Social Sciences
North-Eastern Federal University
58, Belinsky Str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677000, Russian Federation
VE373@mail.ru

Matveeva Natalia Vasilevna, Senior Lecturer, Department of Psychology and Social Sciences
North-Eastern Federal University
58, Belinsky Str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677000, Russian Federation
Matv_1986@mail.ru

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-10-54-64

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕЙ ПОСЛЕ КОХЛЕАРНОЙ ИМПЛАНТАЦИИ

Казицева В.О.

В данной статье приведено исследование психологических особенностей детей с кохлеарным имплантатом. Актуальность данного исследования состоит в улучшении педагогической работы с детьми, проходящих реабилитацию, по данному виду хирургического вмешательства. Нами были рассмотрены такие психологические особенности как особенности речевого развития, понятийного мышления, особенности внимания и эмоциональная сфера детей.

Целью работы является изучение психологических особенностей детей после кохлеарной имплантации.

***Предмет исследования.** Предметом исследования выступают особенности познавательной и эмоциональной сферы.*

***Методы исследования.** Для данного исследования были использованы методы психологической и нейропсихологической диагностики познавательных процессов и эмоциональной сферы детей.*

***Результаты.** По результатам данного исследования можно выделить следующие особенности: речь ребенка после кохлеарной имплантации характеризуется низкой активностью и сопровождается речевыми нарушениями; так же, наблюдается несформированность таких мыслительных операций, как синтез и обобщение, где механизмом понимания логико-грамматического строя предложений может выступать наличие парафразы; в эмоциональной сфере выявились такие особенности, как наличие стресса, вследствие нервно-психического напряжения. В статье приведен анализ психологических особенностей детей, в зависимости от срока ношения кохлеарного имплантата.*

Область применения результатов. *Данные результаты могут стать рекомендательным пособием по построению коррекционной психолого-педагогической работы с детьми после кохlearной имплантации.*

Ключевые слова: *кохlearная имплантация; психологические особенности; понятийное мышление; речевые нарушения.*

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF CHILDREN AFTER COCHLEAR IMPLANTATION

Kazitseva V.O.

This article presents the results study psychological aspects of children with a cochlear implant. The relevance of this study is to improve pedagogical work with children undergoing rehabilitation with this type of surgical intervention. We have considered such processes of psychological features as features of speech development, conceptual thinking, features of attention and the emotional sphere of children.

*The **purpose** of the article is to study the psychological characteristics of children after cochlear implantation.*

***Subject of study.** The subject of the research is the features of the cognitive and emotional sphere.*

***Research methods.** For this study, methods of psychological and neuropsychological diagnostics of cognitive processes and emotional sphere of children were used.*

***Results.** According to the results of this study, the following features can be distinguished: the children speech after cochlear implantation is characterized by low activity and is accompanied by speech disorders; conceptual thinking of children after cochlear implantation is characterized by distortion of generalization and synthesis, where the presence of paraphrase can act as a mechanism for understanding the logical grammatical system of speech; in the emotional sphere, such features as the presence of stress were revealed. Also, the arti-*

cle provides an analysis of the psychological characteristics of children, depending on the period of wearing a cochlear implant.

Scope of results. *These results can be a recommendation for the construction of correctional psychological and educational work with children after cochlear implantation.*

Keywords: *cochlear implantation; psychological features; conceptual thinking; speech disorders.*

Введение

В данной статье представлено исследование психологических особенностей детей после кохлеарной имплантации. Дети после кохлеарной имплантации – это дети с нарушением слуха, которым была произведена хирургическая операция по внедрению электродов во внутреннее ухо, в результате которой, ребенок может воспринимать звуки окружающего мира, как ребенок с нормальным развитием слухового анализатора [4]. Данный вид операции, так же предполагает 3 этапа реабилитации: послеоперационная, медицинское сопровождение и психолого-педагогическая реабилитация и абилитация.

Серьезная задача стоит по психологической и педагогической реабилитации и абилитации людей после кохлеарной имплантации. Человек из «безмолвного мира» попадает в «звучащий, в мир звуков», возникает весьма стрессовая ситуация, с которой необходимо справиться. В практике описаны случаи отказа от имплантата, так как внешний звук мешает пациенту, и он не может привыкнуть к новому восприятию окружающего мира. В связи с этим стоит острая проблема организации психологического и педагогического сопровождения людей, перенесших такую операцию [5]. Актуальность проблемы обусловлена еще и тем, что в последние годы увеличилось число имплантированных детей дошкольного и школьного возраста.

В настоящее время в области кохлеарной имплантации существует множество работ в области медицины, которые раскрывают работу кохлеарного имплантата: А.Н. Белоконь, М.Р. Богомильский, Н.А. Дайхес, И.В. Королева, А.В. Круглов, А.А. Ланцов, И.Т. Мухамедов и другие [7].

Недостаточно, на наш взгляд, работ, связанных с изучением психического развития ребенка после кохlearной имплантации. Как уже отмечалось, у детей после операции наблюдаются нарушения в речевом развитии. Овладеть устной речью мешает плохое восприятие слухового анализатора даже с помощью звукоусиливающей аппаратуры, которая затрудняет ее понимание, осмысление и передачу информации в процессе общения [13].

Цель данного исследования заключается в изучении психологических особенностей детей после кохlearной имплантации.

Предмет исследования: особенности познавательной и эмоциональной сферы детей после кохlearной имплантации.

Гипотеза исследования: существуют некоторые особенности познавательной и эмоциональной сферы у детей после кохlearной имплантации.

Результаты и обсуждения

Исследование психологических особенностей детей после кохlearной имплантации проходило в несколько этапов.

На первом этапе исследования проводилось изучение особенностей познавательной сферы, которая включает в себя: изучение особенностей речи, понятийного мышления, скорости, точности и продуктивности внимания. В качестве контрольной группы выступили дети с нормальным развитием слухового анализатора. Всего выборка составила 54 человека.

В исследовании были применены следующие методы диагностики: для изучения особенностей понятийного мышления использовалась методика «Исключение лишнего»; методика нейропсихологического исследование развития речи. Так же, дополнительно, для выявления психической активности у детей после кохlearной имплантации, проводилось исследование уровня скорости, переключения и точности внимания с помощью методики «кольца Ландольта». Методикой исследования особенностей эмоциональной сферы детей выступил тест цветовых отношений Люшера.

По результатам исследования можно говорить о том, что речевое развитие детей после кохлеарной имплантации характеризуется сниженной активностью. Не мало важно учесть, что в младшем школьном возрасте дети могут не использовать устную речь в межличностном общении, а замещают ее письменной или жестовой речью, что может выступать в качестве компенсации. К среднему школьному возрасту дети после кохлеарной имплантации могут вербально ответить на вопрос и в большей степени, чем младший возраст, используют развернутые ответы при диалоге. Отметим, что соотнесение образа и слова происходит к среднему школьному возрасту.

Речевое развитие тесно связано с формированием понятийного мышления. Понятийное мышление, по Л.С. Выготскому, это высший уровень сформированности речевого мышления. С рождения у ребенка происходит формирование понятий: синкретическое сцепление понятий (до 7 лет), образование понятий-комплексов на основе некоторых объективных признаков (до 16 лет), образование истинных понятий (юношеский возраст).

При исследовании особенностей понятийного мышления были изучены такие показатели мыслительных операций, как анализ синтез и обобщение. Так же, отмечались способы обобщения у обеих групп, такие как: категориальный, функциональный, конкретный и нулевой.

Исходя из полученных результатов, мы можем сделать вывод, о том, что у детей после кохлеарной имплантации наблюдается несформированность таких мыслительных операций, как синтез и обобщение. Так же, в младшем школьном возрасте дети с кохлеарным имплантатом остаются на нулевом уровне обобщения. В среднем и старшем школьном возрасте так же наблюдается снижение уровня понятийного мышления и присутствует конкретный и функциональный способ обобщения, что приближено к норме развития понятийного мышления детей младшего школьного возраста.

Показателем активности психической деятельности является скорость, точность и продуктивность внимания у детей после кохлеарной имплантации. Особенности развития внимания у детей с

нарушениями слуха связаны с тем, что для них большее значение имеет зрительное восприятие, следовательно, основная нагрузка по переработке поступающей информации ложится на зрительный анализатор. В связи с данной особенностью у детей с нарушением слуха наблюдается неустойчивое состояние вегетативной системы, повышенная утомляемость.

Исходя из полученных результатов исследования, можно выделить следующие особенности внимания: во-первых, высоким уровнем скорости внимания обладают дети после кохлеарной имплантации, в отличие от нормативной группы. По показателю точности внимания в группе детей младшего школьного возраста не выявлено различий, что говорит о том, что данный параметр приближен к нормальному развитию. Больше количество детей со средним и высоким уровнем продуктивности в экспериментальной группе детей.

Проведенные ранее исследования внимания у детей с нарушенным слухом говорят о снижении уровня внимания на протяжении всего школьного возраста, вследствие высокой утомляемости. Результаты данного исследования показывают, что внимание у детей после кохлеарной имплантации приближено к нормальному уровню развития, что может быть связано с улучшением работы слухового анализатора, который влияет на повышение работоспособности.

Далее, в работе проанализированы результаты развития психической деятельности детей после кохлеарной имплантации не только в зависимости от возраста испытуемых, но и от срока ношения кохлеарного имплантата (от 2-х до 12 лет ношения имплантата). По периодам ношения кохлеарного имплантата, можно наблюдать стадии развития понятий по Выготскому [2]. Так в первые года ношения имплантата ребенок использует синкретический способ мышления – это перечисление отдельных предметов, обобщение предметов по одному из представленных знакомых слов для ребенка, период проб и ошибок. Далее, на 8 году ношения имплантата наблюдается вторичный этап образования понятий – ребенок руководствуется не объективными связями, открываемыми им в вещах, но субъективными связями, подсказываемыми ему собственными восприятиями

(объединение понятий происходит по функциональным признакам предметов). И уже на 9 и 12 году ношения имплантата мы можем наблюдать высший уровень образования понятий – категориальный, то есть, слово относится к одному синкретическому значению на основе главных, существенных признаков.

Если рассмотреть параметры внимания, то скорость, продуктивность и точность внимания снижается в зависимости от периода ношения кохлеарного имплантата. Возможно, наблюдаемый в исследовании феномен связан с гетерохронностью развития психических функций (Б.Г. Ананьев) [1], то есть с неравномерным созреванием и развитием психических функций. Новообразования, приобретаемые человеком в ходе развития, проходят разные этапы: при положительных сдвигах происходит повышение функционального уровня, а при отрицательных сдвигах – понижение. Однако, Б.Г. Ананьев отмечал, что ряд подобных отрицательных сдвигов предшествовал оптимумам и являлся, таким образом, скрытым периодом перестройки функций, подготавливающим ее подъем.

Исходя из проведенного выше анализа познавательной сферы детей после кохлеарной имплантации в зависимости от срока ношения кохлеарного имплантата, можно сделать вывод о том, что чем больше срок ношения имплантата, тем выше показатели речевого развития и понятийного мышления, но ниже показатели внимания, что может быть связано с гетерохронностью развития психических функций в онтогенезе [2].

Второй этап исследования заключался в изучении особенностей эмоциональной сферы, по результатам которого можно говорить о том, что эмоциональное состояние детей после кохлеарной имплантации характеризуется наличием стресса, вследствие нервно-психического напряжения [9]. Дети после кохлеарной имплантации испытывают потребность справиться с поставленными перед ними задачами и в активном образе жизни.

Третий этап исследования – это количественная обработка данных с помощью корреляционного анализа Спирмена и U-критерия Манна-Уитни для выявления различий между двумя группами.

По результатам математической обработки можно наблюдать наличие положительной взаимосвязи между сформированностью речи и понятийным мышлением, где, чем выше уровень сформированности речи, тем выше уровень понятийного мышления. Исходя из этого, можно говорить о том, что особенностью построения коррекционной программы является развитие познавательных процессов, через формирование речи.

Заключение

Таким образом, мы можем говорить о подтверждении гипотезы о том, что существуют особенности в познавательной и эмоциональной сфере детей после кохlearной имплантации.

Сегодня можно констатировать, что существует потребность общества, в частности педагогического сообщества, в том, как обучать ребенка с кохlearным имплантатом в общеобразовательной школе, как адаптировать его в социуме. Выявленные, в ходе данного исследования, психологические особенности детей после кохlearной имплантации, выступают рекомендациями для построения психолого-педагогической коррекционной работы в реабилитационный и пост реабилитационный период.

Список литературы

1. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания. / Под ред. А.А. Бодалева. М.: Изд-во «Ин-т практ. психологии», 1996.
2. Величковский Б.М. Когнитивная наука: основы психологии познания: в 2 томах – Т. 2/ Борис М. Величковский. М.: Смысл: «Академия», 2006.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.
4. Королева И.В. Кохlearная имплантация глухих детей и взрослых (электродное протезирование слуха). СПб.: КАРО, 2008. 752 с.
5. Королева И.В. Факторы, благоприятные для слухоречевой реабилитации после кохlearной имплантации у детей младшего возраста // Новости оториноларингологии и логопатологии. 2002. №2. С. 25–32.

6. Кузьмичева Е.П., Яхнина С.З. Развитие устной речи у глухих школьников. М., 2003.
7. Кукушкина О.И., Гончарова Е.Л. Задачи сурдопедагога на разных этапах помощи детям с кохлеарными имплантами // Дефектология. 2013. №6.
8. Ларина Э.В. Особенности развития мышления у младших школьников в различных условиях обучения: Автореф. дис. канд. псих. наук. М., 2002. 22 с.
9. Обучение и воспитание детей с нарушением слуха на основе верботонального метода. Вып. 3 / Под ред. Л.И. Руленковой. М., 2007. 130 с.
10. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Педагогика-Пресс, 1999. 528 с.
11. Поддьякова О.С., Челышева М.В. Практикум по нейропсихологии. М., 2014. С. 31.
12. Розанова Т. В. Развитие памяти и мышления глухих детей. Москва: Педагогика, 1978. 232 с.
13. Сатаева А.И. Кохлеарная имплантация как средство помощи глухим людям // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. №1. 2008. С. 55–63.
14. Соколовская Т.А. Особенности речевого развития детей после кохлеарной имплантации // Специальное образование. № 2. 2013. С. 91–97.
15. Эльконин Д.Б., Давыдов В.В. Возрастные возможности усвоения знаний. М., 1966. С. 30–52.

References

1. Ananiev B.G. *Psikhologiya i problemy chelovekoznaniya* [Psychology and problems of knowledge of persons] / Ed. A.A. Bodalevo. М.: Publishing house «Inst. Pract. Psychology», 1996.
2. Velichkovsky B.M. *Kognitivnaya nauka: osnovy psikhologii poznaniya* [Cognitive science: the basis of the psychology of cognition]: in 2 volumes. V. 2. М.: Meaning: 2006. 432 p.
3. Vygotskiy L.S. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speaking]. Moscow: Labyrinth, 1999. 351 p.

4. Koroleva I.V. *Kokhlearnaya implantatsiya glukhikh detey i vzroslykh (elektroodnoe protezirovanie slukha)* [Cochlear implantation of deaf children and adults (electrode hearing replacement)]. St. Petersburg: KARO, 2008. 752 p.
5. Koroleva I.V. Faktory, blagopriyatnye dlya slukhorechevoy reabilitatsii posle kokhlearnoy implantatsii u detey mladshhego vozrasta [Factors favorable for hearing-speech rehabilitation after cochlear implantation in young children]. *Novosti otorinolaringologii i logopatologii*. 2002. №2. pp. 25–32.
6. Kuzmicheva E.P., Yakhnina S.Z. *Razvitie ustnoy rechi u glukhikh shkol'nikov* [Development of oral speech in deaf schoolchildren]. M., 2003.
7. Kukushkina O.I., Goncharova E.L. Zadachi surdopedagoga na raznykh etapakh pomoshchi detyam s kokhlearnymi implantami [The tasks of the deaf-and-dumb pedagogue at different stages of helping children with cochlear implants]. *Defektologiya* [Defectology]. 2013. №6.
8. Larina E.V. *Osobennosti razvitiya myshleniya u mladshikh shkol'nikov v razlichnykh usloviyakh obucheniya* [Features of development of thinking in younger schoolchildren in different learning environments]: Author's abstract. dis. ... cand. psychol. sciences. M., 2002. 22 p.
9. *Obuchenie i vospitanie detey s narusheniem slukha na osnove verbotonal'nogo metoda* [Training and education of children with hearing impairment based on the verbotonal method]. Issue 3. (from the experience of experimental work) / ed. L.I. Rulenkoy. Moscow, TsPPRRiK, 2007. 130 p.
10. Piaget J. *Rech' i myshlenie rebenka* [The speech and thinking of a child]. M.: Pedagogy-Press, 1999. 528 p.
11. Poddyakova OS, Chelysheva M.V. *Praktikum po neyropsikhologii* [Workshop on neuropsychology]. M., 2014. 31 p.
12. Rozanova TV. *Razvitie pamyati i myshleniya glukhikh detey* [The development of memory and thinking of deaf children]. Moscow: Pedagogy, 1978. 232 p.
13. Sataeva A.I. *Kokhlearnaya implantatsiya kak sredstvo pomoshchi glukhim lyudyam* [Cochlear implantation as a means of helping deaf people]. *Vospitanie i obuchenie detey s narusheniyami razvitiya* [Education and training of children with developmental disorders]. №1. 2008, pp. 55–63.

14. Sokolovskaya T.A. Osobennosti rechevogo razvitiya detey posle kokhle-arnoy implantatsii [Features of the speech development of children after cochlear implantation]. *Spetsial'noe obrazovanie* [Special Education]. No. 2. 2013, pp. 91–97.
15. El'konin D.B., Davydov V.V. *Vozrastnye vozmozhnosti usvoeniya znaniy* [Age-related possibilities of learning]. М., 1966, pp. 30–52.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Казицева Валентина Олеговна, ассистент

*Северо-Восточный федеральный университет
ул. Белинского, 58, г. Якутск, Республика Саха (Якутия),
677000, Российская Федерация
mukhina_94@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kazitseva Valentina Olegovna, Assistant

*North-Eastern Federal University
58, Belinsky Str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677000,
Russian Federation
mukhina_94@mail.ru*

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-10-65-76
УДК 159.922.7

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗНЫХ ФОРМ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Леонтьева М.Д., Николаева О.Н.

В статье представлены результаты исследования агрессивного поведения детей младшего школьного возраста. Целью работы является анализ психологических особенностей разных форм проявления агрессии.

На первой стадии были сформированы три группы агрессивных детей с различной мотивацией агрессивного поведения: импульсивно-демонстративный тип, нормативно-инструментальный и целенаправленно-враждебный типы. Установлено, что детям с импульсивно-демонстративной формой агрессии характерна высокая тревожность и негативные отношения с родителями и сверстниками.

Между тем, повышение эмоциональной компетентности посредством коррекционной программы, позволило существенно снизить уровень агрессии в этой группе. При целенаправленно-враждебном типе агрессии детям присущи низкая социальная приспособленность и негативное самоотношение. Эта форма поведения наиболее устойчива и требует длительной коррекции. Для детей с нормативно-инструментальной формой агрессия является не механизмом защиты, а своеобразной нормой поведения. Полученные выводы могут быть использованы в профессиональной деятельности педагогов, школьных психологов, социальных педагогов и других специалистов системы образования.

Ключевые слова: *агрессия; мотивация агрессии; межличностные отношения; эмоциональная компетентность; младший школьный возраст.*

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF VARIOUS FORMS OF AGGRESSIVE BEHAVIOR AMONG PRIMARY SCHOOL AGE CHILDREN

Leonteva M.D., Nikolaeva O.N.

The article presents the results of a study of the aggressive behavior of children of primary school age. The aim of the work is to analyze the psychological characteristics of various forms of manifestation of aggression. At the first stage, three groups of aggressive children were formed with different motives for aggressive behavior: an impulsive demonstrative type, a normative-instrumental type, and a consciously hostile type. It was found that children with an impulsive demonstrative form of aggression are characterized by high anxiety and negative relationships with parents.

However, the increase in emotional competence through a correctional program, has significantly reduced the level of aggression in this group. With a deliberately hostile type, children have low social adaptability and negative self-attitude. This form of behavior is the most stable and requires long-term correction. For children with a normative-instrumental form, aggression is not a defense mechanism, but a peculiar norm of behavior. The findings can be used in the professional activities of teachers, school psychologists, social teachers and other specialists in the education

Keywords: *aggression; motivation of aggression; interpersonal relationships; emotional competence; junior school age.*

Проблема агрессивности традиционно находится в поле зрения ученых и практиков. В настоящее время одной из актуальных социальных тем, которая периодически отражается в разных средствах массовой информации, является подростковая агрессия. Однако упускается из виду, что в зоне риска находятся не только подростки, но и дети младшего школьного возраста. Проблеме агрессивного поведения младших школьников посвящено немало исследований

(Г.Э. Бреслав, И.В. Вачков, Е.В. Гребенкин, Н.А. Дубинко, С.Н. Еникопонов, Т.Б. Миловидова, Г. Парено, А.А. Реан, Л.С. Славина, Е.О. Смирнова, И.А. Фурманов, С.Ю. Чижова и др.). Тем не менее, теоретический анализ показывает отсутствие терминологического единства, недостаточность диагностического инструментария, и поэтому проблема коррекции детской агрессии далека от своего разрешения.

Агрессивность в младшем школьном возрасте нарушает процесс благоприятной социализации личности. Эффективная психолого-педагогическая коррекция агрессивного поведения в младшем школьном возрасте является отличной профилактикой девиантности в подростковом возрасте. В данной статье мы не будем углубляться в проблему определения понятия «агрессия». Отметим, что под «агрессией» мы понимаем форму поведения, вследствие которой агрессор осознанно или неосознанно причиняет физический или моральный вред другому, не желающему подобного обращения, лицу или замещающему его предмет. В своем исследовании мы использовали классификацию детской агрессивности на основе ее движущей мотивации, если в одном случае таковой будет демонстрация себя, то в другом – достижение своих практических целей, в третьем – подавление и унижение другого. Соответственно, выделяют следующие три формы: импульсивно-демонстративная, нормативно-инструментальная и целенаправленно-враждебная [1,7].

Для успешной психолого-педагогической работы и коррекции агрессивного поведения детей важно дифференцировать формы агрессивного поведения, целесообразно учитывать особенности психологического содержания разных форм проявления агрессии. Исследование различных форм проявления агрессии и их социально-психологических детерминант представляется актуальным и практически значимым, это и является целью нашего исследования.

В исследовании приняли участие 98 детей первых классов общеобразовательной школы.

Материалы и методы исследования

На первом этапе исследования для определения уровня агрессии и форм агрессивного поведения использовались следующие методы:

Проективная рисуночная методика «Кактус» Панфиловой М.А. [5], анкеты для учителя «Выявление форм агрессии у младших школьников» и «Признаки агрессивности» [2], наблюдение (во время учебной деятельности и в ситуациях взаимодействия со сверстниками). Наблюдение проводилось по следующим показателям: вегетативные признаки и внешние проявления агрессии; чувствительность к помощи взрослого; отношение к собственным проявлениям агрессии; недостаточность в проявлении гуманных чувств; проявлении агрессии, направленной на других детей; проявление агрессии, направленной на взрослых; проявления вербальной агрессии; проявления физической агрессии.

На втором этапе проводилось исследование психологических особенностей форм агрессивного поведения:

Проективная методика «Межличностные отношения ребенка» Рене Жилия [6]. Данная методика позволяет изучить социальную приспособленность ребенка, а также особенности его взаимоотношений с окружающими, в частности с членами своей семьи.

Цветовой тест отношений (ЦТО) А.М. Эткинда [6]. Это экспериментальная проективная методика, применяемая для диагностики характера отношений детей со значимыми для них людьми (родителями, сверстниками) а также с собственным «Я».

Проективная методика оценки уровня тревожности «Выбери нужное лицо» Р. Тэммела, М. Дорки, В. Амена [6].

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе исследования совокупность результатов методики «Кактус», анкет и наблюдения позволила распределить детей по следующим группам, представленным в таблице 1:

По всей выборке большинству детей характерна импульсивно-демонстративная форма агрессии. Их агрессия носит произвольный, непосредственный и импульсивный характер, враждебные

действия быстро сменяются дружелюбными, а выпады против сверстников – готовностью сотрудничать с ними. Действия детей отличаются ситуативностью, а наиболее яркие эмоции наблюдаются в момент самих действий и быстро угасают. Возможно, данный факт можно объяснить тем, что у младших школьников в силу возраста недостаточно развита произвольность и саморегуляция.

Уровень агрессивности	Формы агрессивного поведения		
	Импульсивно-демонстративная форма агрессии	Нормативно-инструментальная форма агрессии.	Целенаправленно-враждебная форма агрессии
Низкий уровень	54%	20%	26%
Средний уровень	52%	24%	24%
Высокий уровень	50%	21%	29%

Нормативно-инструментальная агрессия требует более высокого уровня целенаправленности поведения. Деятельность этих детей отличается целенаправленностью и самостоятельностью. При этом они всегда стремятся к лидирующим позициям, подчиняя и подавляя других. Закономерно, что таких будет меньше в выборке.

Настораживает достаточно высокий процент детей с целенаправленно-враждебной формой агрессии. Сюда относятся дети, для которых нанесение вреда другому выступает как самоцель. Их агрессивные действия не имеют какой-либо видимой цели – ни для окружающих, ни для них самих. Они испытывают удовольствие от самих действий, приносящих боль и унижение сверстникам.

Следует отметить, что дети со средним и низким уровнем агрессивности достаточно редко проявляют физическую и вербальную агрессии, как правило агрессия этих детей носит ответный характер. Соответственно, классификация форм агрессивного поведения в их выборке носит условный характер.

Мы предположили, что причинами высокого уровня агрессивности могут быть межличностные отношения ребенка, при этом у разных форм агрессивного поведения они будут специфичны. Кроме того, уровень тревожности тоже может варьироваться. В таблице 2

представлено наличие статистически значимой корреляции между исследуемыми нами признаками.

Таблица 2.

**Статистически значимые связи (корреляции)
между исследуемыми признаками**

	Импульсивно-демонстративная форма агрессии	Нормативно-инструментальная форма агрессии.	Целенаправленно-враждебная форма агрессии
Негативное отношение к родителям	Прямая связь ($p \leq 0.05$)	Связь отсутствует	Прямая связь ($p \leq 0.05$)
Негативное отношение к братьям и сестрам	Прямая связь ($p \leq 0.05$)	Связь отсутствует	Связь отсутствует
Негативное отношение к учителю	Связь отсутствует	Связь отсутствует	Связь отсутствует
Негативное отношение к отцу	Прямая связь ($p \leq 0.01$)	Связь отсутствует	Прямая связь ($p \leq 0.05$)
Негативное отношение к матери	Связь отсутствует	Связь отсутствует	Связь отсутствует
Негативное отношение к школе	Связь отсутствует	Связь отсутствует	Прямая связь ($p \leq 0.05$)
Негативное самоотношение	Связь отсутствует	Связь отсутствует	Прямая связь ($p \leq 0.01$)
Тревожность	Прямая связь ($p \leq 0.01$)	Связь отсутствует	Связь отсутствует

Как и ожидалось, каждой из групп детей присущи свои особенности.

Так, группе детей с импульсивно-демонстративной формой агрессии характерно негативное отношение к братьям и сестрам, негативное отношением к родителям (особенно негативное отношение к отцу). Согласно данным психологических исследований таких детей отличает обостренная потребность во внимании и в признании со стороны родителей, но ввиду того, что другими способами обратить на себя внимание они не могут, так как не отличаются успехами в учебной или игровой деятельности, то проявляют агрессию по отношению к окружающим. При этом они получают негативное внимание, связанное с наказанием за проявленную агрессию, поэтому у них формируется негативное отношение к своим родителей. Ситуация ухудшается в семьях с сиблингами, чувство ревности к брату

или сестре, ощущение несправедливости, исходящей от родителей и недостаток их внимания стимулируют проявления агрессии младшими школьниками. Все это повышает уровень их тревожности.

У младших школьников с нормативно-инструментальной формой агрессии нет связи с особенностями их межличностных отношений и уровнем тревожности. Агрессия детей, имеющих данную форму, обусловлена тем, что они воспринимают ее как норму поведения, а не как механизм защитной реакции, способ привлечения к себе внимания или цель нанести кому-либо вред.

В третьей группе с целенаправленно-враждебной формой агрессивного поведения обнаружилось негативное отношение к родителям (особенно к отцу), негативное отношение к школе и негативное самоотношение. При этой форме агрессивного поведения нанесение вреда другому выступает как самоцель. Негативное отношение родителей, в частности отца, воспринимаемое младшими школьниками, выливается в желание выплеснуть свои негативные эмоции, что выражается в целенаправленном совершении агрессивных действий в отношении слабых сверстников.

По причине повышенной агрессивности этих детей не принимает детский коллектив. Как следствие, младшие школьники с целенаправленно-враждебной формой агрессии закрываются в своем внутреннем мире и отгораживаются от группы сверстников. Негативные взаимоотношения с одноклассниками провоцируют негативные отношения и с учителями, как медиаторами, разрешающими возникающие между детьми конфликты. Эти дети воспринимаются одноклассниками и учителями как драчуны, от них постоянно ожидают, что они кого-либо обидят, проявляют к ним отрицательные эмоции. В результате этого у младших школьников с целенаправленно-враждебной формой агрессии возникает негативное отношение к школе.

В связи с тем, что с этими первоклассниками не проявляют желание общаться сверстники, они регулярно получают замечания от учителей и испытывают негативное отношение со стороны родителей, у них могут формироваться негативные установки по от-

ношению к себе. Таким образом, особенности их межличностных отношений провоцируют повышение уровня агрессии и беспричинное нанесение вреда окружающим.

Результаты данного исследования хорошо коррелируют с результатами исследования взаимосвязи агрессивности с целенаправленным поведением Мавляновой О.В. [4]. В частности, Мавлянова выяснила, что у детей с высоким уровнем агрессии и высоким уровнем целенаправленности эмоциональная компетентность определяется хорошо развитыми когнитивными способностями обработки эмоционального опыта. Но таким детям сложно распознавать эмоции, у них недостаточное внимание к переживаниям другого человека, неспособность поставить себя на его место. Несомненно, что это относится к детям с нормативно-инструментальной формой агрессивного поведения.

Детей с высоким уровнем агрессии и низким уровнем целенаправленности отличают бедность словаря эмоций и затруднения в понимании эмоционального смысла ситуации. Им часто сложно понять и объяснить свое эмоциональное состояние и то, какие эмоции несет в себе значение ситуации. К этой группе мы отнесем детей с импульсивно-демонстративной и целенаправленно-враждебной формами агрессии.

Исходя из представленных результатов, дальнейшая психокоррекционная работа с детьми из разных групп имела специфические задачи. В случае с нормативно-инструментальной формой агрессии работа была направлена на повышение уровня эмпатии, на способность почувствовать другого человека. При импульсивно-демонстративной форме ставилась задача – развить когнитивные способности обработки эмоционального опыта, а при целенаправленно-враждебной агрессивности как развитие эмпатии, так и эмоциональных когнитивных навыков. Психокоррекционные программы были проведены в течение месяца, включали в себя диагностические занятия; общие занятия со всей выборкой, направленные на снижение общего уровня агрессивности; занятия по группам; консультационные и профилактические мероприятия с родителями.

В каждой из групп младших школьников были отмечены позитивные тенденции в снижении уровня агрессии. Однако результаты математического анализа позволяют сказать, что статистически достоверные положительные сдвиги в снижении уровня агрессии у младших школьников получены в группах импульсивно-демонстративной формы агрессии и нормативно-инструментальной. В группе учеников с целенаправленно-враждебной формой проявления агрессии положительные сдвиги не являются статистически значимыми, что показано в таблице 3.

Таблица 3.

Эмпирические значения критерия Т-Вилкоксона

№	Группа учеников	Значение критерия Т-Вилкоксона	Область значимости	Уровень значимости
1	Импульсивно-демонстративная форма агрессии	10	Зона значимости	$p \leq 0.05$ ($T_{кр} = 10$)
2	Нормативно-инструментальная форма агрессии	18	Зона значимости	$p \leq 0.05$ ($T_{кр} = 3$)
3	Целенаправленно-враждебная форма агрессии	40	Зона не значимости	$p \leq 0.05$ ($T_{кр} = 10$)

Заключение

Во-первых, наиболее распространенная форма агрессивного поведения у младших школьников – импульсивно-демонстративная. Для нее характерно негативное отношение к родителям, сиблингам, повышенная тревожность вследствие неумения выразить свои эмоции, привлечь внимание к себе другими способами. Упражнения на повышение эмоциональной компетентности и консультационная работа с родителями позволили существенно снизить уровень агрессии в течение месяца.

Во-вторых, нормативно-инструментальная агрессия отличается высоким уровнем целенаправленности, поэтому характеризуется низким уровнем эмпатии. В нашем случае, эта форма агрессии не оказалась связана с социальной приспособленностью, что доста-

точно логично. Грамотно составленная психокоррекционная программа позволила снизить уровень агрессии с высокого уровня на средний.

В-третьих, целенаправленно-враждебная форма наиболее трудно корректируется в силу своей изначальной мотивации. Дети данной группы оказались наименее социально приспособленными, у них нарушены эмоциональные взаимоотношения как с родителями, так и со школой, отсюда негативное самоотношение, что провоцирует высокий уровень агрессии по отношению к окружающим. В этом случае необходима более содержательная работа с источниками мотивации личности, продолжительная работа с родителями. Ситуация может осложняться социальным неблагополучием семьи.

Список литературы

1. Абраменкова В.В. Справочник по психологии и психиатрии детского и подросткового возраста / В.В. Абраменкова, М.А. Белянчикова, А.Л. Битова; под ред. С.Ю. Циркин; Ассоциация детских психиатров и психологов. СПб., 2014. 896 с.
2. Астапов В.М. Психодиагностика и коррекция детей с нарушениями и отклонениями развития / В.М. Астапов, Ю.В. Микадзе. М.: СПб, Питер, 2001. 377 с.
3. Бреслав Г. Психологическая коррекция детской и подростковой агрессивности. СПб.: Речь, 2004.
4. Мавлянова О.В. Особенности эмоциональной компетентности детей младшего школьного возраста с разными формами агрессивного поведения // Психологическая наука и образование, 2010, № 4. http://psyjournals.ru/files/33676/psyedu_ru_2010_4_Mavlyanova.pdf
5. Панфилова М.А. Графическая методика «Кактус» // Обруч, № 5, 2002. С. 12–15.
6. Реан А.А. Агрессия и агрессивность личности. СПб, 1995. С. 303–347.
7. Смирнова Е.О., Хузеева Г.Р. Психологические особенности и варианты детской агрессивности // Вопросы психологии. 2002. № 1. С. 17–25.

References

1. Abramenkova V.V., Belyanchikova M.A., Bitova A.L. *Spravochnik po psikhologii I psikiatrii detskogo I podrostkovogo vozrasta* [Handbook on the psychology and psychiatry of children and adolescents]. SPb., 2014.
2. Astapov V.M., Mikadze U.V. *Psihodiagnostika i korreksia detei s narusheniami I otkloneniami razvitiia* [Psychodiagnosics and correction of children with impaired and developmental disabilities]. SPb., 2001.
3. Breslav G.M. *Psikhologicheskaya korrektsiya detskoy i podrostkovoy agressivnosti* [Psychological correction of child and adolescent aggression]. M., 2004.
4. Mavlianova O.V. *Psochologicheskaiia nauka i obrazovaniie*, 2010, no 4. http://psyjournals.ru/files/33676/psyedu_ru_2010_4_Mavlyanova.pdf
5. Panfilova M.A. Graficheskaiia metodika ‘Kaktus’ [Graphic technique “Cactus”]. *Obruch*, 2002, №5.
6. Rean A.A. *Agressia i agressivnost lichnosti* [Aggression and aggressiveness of the individual]. SPb., 1995, pp. 303–347.
7. Smirnova E.O., Huzeeva G.R. *Psihologicheskie osobennosti i variant detskoi agressivnosti* [Psychological features and variants of children’s aggressiveness]. *Voprosy psikhologii*, 2002, no 1, pp. 17–25.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Леонтьева Мария Дмитриевна, доцент, кандидат психологических наук

Северо-Восточный федеральный университет

ул. Белинского, 58, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 677000,

Российская Федерация

maribu_7@mail.ru

Николаева Ольга Николаевна, магистр Института психологии

Северо-Восточный федеральный университет

ул. Белинского, 58, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 677000,

Российская Федерация

taina90@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Leonteva Maria Dmitrievna, Associate of Professor, PhD

North-Eastern Federal University

58, Belinsky Str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677000,

Russian Federation

maribu_7@mail.ru

Nikolaeva Olga Nikolaevna, Master of Psychology and Social Sciences Chair, Institute of Psychology

North-Eastern Federal University

58, Belinsky Str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677000,

Russian Federation

taina90@bk.ru

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-10-77-91
УДК 159.9.075

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Лукина В.С., Сидорова Т.Н., Николаева А.В.

Цель. В статье представлены типологические особенности инновационного поведения студентов.

Метод или методология проведения работы. Методы исследования – опросники, проективные методы, эксперимент. Выборку составили студенты разных уровней образования – вуза и колледжа.

Научная новизна исследования заключается в выявлении корреляционных связей между различными показателями инновационности и креативности, а также выявлении типов инновационного поведения студентов.

Результаты. Типы поведения были выделены путем кластеризации полученных данных, выявлено три типа поведения, представлено описание каждого типа. В целом выделенные типы отличаются направленностью мотивации, отношением к инновациям, уровнем креативности. Высокая мотивация инновационной деятельности кроме положительного эмоционального отношения ко всему новому предполагает, но и наличие успешного опыта инноваций.

Кроме того, принимающий тип инновационного поведения характеризуется ориентацией на будущее. Количественные данные были соотнесены с данными наблюдения, полученными в ходе эксперимента. Успешность в выполнении заданий, предполагающих проявление инновационности, не коррелирует с уровнем индивидуальной креативности.

Ключевые слова: инновационное поведение; типы инновационного поведения; креативность.

TYOLOGICAL FEATURES OF THE INNOVATIVE BEHAVIOR OF STUDENTS

Lukina V.S., Sidorova T.N., Nikolaeva A.V.

Purpose. *The article presents the typological features of the innovative behavior of students.*

Research methods – *questionnaires, projective methods, experiment. The sample consisted of students of different levels of education – university and college.*

The research novelty *is to identify the correlation links between various indicators of innovation and creativity, as well as to identify the types of innovative behavior of students.*

Results. *The innovative behavior types were identified by data clustering; they are three types of innovative behavior. As a result of research each type is described. In general, the selected types are distinguished by their motivation, attitude to innovation, level of creativity. High motivation for innovation, in addition to a positive emotional attitude to everything new, also implies a successful innovation experience. In addition, the adoptive type of innovative behavior is characterized by a future orientation. Quantitative data were correlated with observational data obtained during the experiment. The success in the implementation of tasks involving the manifestation of innovation, does not correlate with the level of individual creativity.*

Keywords: *innovative behavior; types of innovative behavior; creativity.*

Компетентностный подход в образовании предполагает наряду с развитием профессиональных еще и формирование гибких, мягких компетенций. Одной из таких компетенций признается креативность, умение нестандартно мыслить, предлагать оригинальные способы решения задач. Университетская среда представляет собой потенциальную площадку для развития инноваций, способных внести существенный вклад в повышение устойчивости [14, с. 154], даю-

щих множественный эффект как для внутренней, так и для внешней среды [8]. Одним из важных факторов инновационного потенциала вуза является специфика его субъектов деятельности. Молодежь в возрасте от 15 до 25 лет обладают чертами, необходимыми для инновационной деятельности: креативность, наблюдательность, любопытство, стремление и готовность экспериментировать и рисковать [10, с. 359]. Также преимущество университетов заключается в том, что это особым образом организованные пространства, внутри которых может быть создана благоприятная среда для разработки и внедрения новых социальных и технологических новинок и проведения пилотных инновационных проектов [12]. Вместе с тем, вклад российских вузов в исследования и разработки оценивается как незначительный, и не превышает 7% от общих расходов на исследования и разработки в России [11, с. 2375].

В настоящее время существует несколько подходов к выделению типов инновационного поведения. Ряд типологий основан на отношении и принятия инноваций. Одна из первых классификаций принадлежит Э. Роджерсу, который предложил типологию участников инновационной деятельности по степени их вовлеченности в инновационный процесс. Он выделил: «инноваторов», «ранних последователей», «раннее большинство», «позднее большинство» и «отстающих» [7, с. 89]. Harrison & Horne [5, с. 156], разработали типологизацию субъектов инновационной деятельности, основанную на степени новизны идей: инноваторы, имитаторы, повторители. Иной подход предложил М. Кертон [7, с. 89], в основе его типологии особенности мышления и отношения к новым идеям. Он предложил шкалу, крайние значения которой обозначил как «адаптор» и «инноватор». Так адаптор мыслит последовательно, при принятии решений руководствуются традициями и правилами, к новым идеям относятся с недоверием. Инноваторы же мыслят беспорядочно, находят нетривиальные способы решения проблем, склонны к риску [7, с. 95].

Целостный подход разработан А.Л. Журавлевым, рассматривающий социально-экономические типы в зависимости от интенсивности

проявления следующих психологических компонентов: 1) психологическая готовность к нововведениям (мотивационный компонент); 2) подготовленность к жизнедеятельности в новых условиях (знания, умения, навыки, опыт и т.п.); 3) реальная активность (действия, поступки, практическая деятельность). Комбинируя эти три компонента можно выделить несколько типов: от активных реформаторов, которые желают экономических изменений, умеют работать в новых условиях и активно действуют) до активных противников перемен, у которых все три компонента не выражены или находятся на низком уровне [1, с. 10]. Обобщая существующие теоретические представления можно выделить качества, определяющие инновативность или инновационность человека – это восприимчивость к переменам, готовность к риску, гибкое реагирование изменения, креативность.

В данной статье представлены типологические особенности выделенных кластеров инновационного поведения молодежи.

Выборка

В исследовании приняли участие студенты вуза и педагогического колледжа в количестве 74 человека, средний возраст респондентов составил 21 год, мужчин 17%, женщин 73%.

Методы

Для анализа и выделения типов инновационного поведения были выбраны три методики. Для определения личностных детерминант инновационного поведения использована «Анкета на определение типа готовности к инновациям» [2], включающая семь субшкал (далее будут использованы их сокращенные названия): «Готовность последовать за лидером» («лидер»), «Готовность при условии материального вознаграждения» («материальное вознаграждение»), «Готовность при условии возможности взять на себя ответственность за инновацию» («ответственность»), «Готовность при условии личной и профессиональной самореализации» («самореализация»), «Готовность при условии отсутствия серьезных изменений» («отсутствие изменения»), «Готовность на основании прошлого опыта

(«прошлый опыт»), «Готовность на основе позитивного эмоционального восприятия всего нового» («восприятие нового»). Отношение к инновациям измеряли при помощи методики Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко «Шкала самооценки инновативных качеств личности» [3], включающей 3 субшкалы: креативность, риск ради успеха и ориентация на будущее. Данные самооценки креативности были дополнены результатами методики теста креативности Торранса (вариант изобразительной формы «Закончи рисунок»): оценивались показатели оригинальности и разработанности рисунков [6].

Полученные результаты обрабатывались с помощью Н-критерия Крускала–Уоллиса, корреляционного анализа с использованием параметрического критерия Пирсона, однофакторного дисперсионного анализа, факторного анализа по методу главных компонент путем вращения Varimax статистической программы SPSSv.11.0.

Результаты и их интерпретация

Процедура исследования включала три этапа. На первом этапе было проведено тестирование респондентов, в ходе которого мы выявляли уровень индивидуальной креативности и самооценки готовности к инновациям участников. Для всей выборки (N=74) была проведена оценка уровня креативности и личностной готовности к инновациям по выбранным методикам. Корреляционный анализ позволил выявить существующие взаимосвязи между отдельными шкалами методик. В Таблице 1. приведены значимые корреляции между субшкалами.

Таблица 1.

Корреляционная матрица связи между субшкалами методик

Самооценка инновативных качеств / Тип готовности к инновациям	«Креативность»	«Риск»	«Ориентация на будущее»	Торранс «Разработанность»
«Материальное вознаграждение»				0,298**
«Ответственность»	0,535**	0,458**	0,579**	0,258*
«Самореализация»	0,479**	0,379**	0,534**	

Окончание табл. 1.

«Отсутствие изменений»	-0,241*	-0,314**	-0,347**	
«Прошлый опыт»	0,631**	0,546**	0,599**	
«Восприятие нового»	0,585**	0,479**	0,614**	
Торранс «Оригинальность»			0,248*	

** $p < 0,01$; * $p < 0,05$

Отсутствие статистически значимых корреляций между показателями «Оригинальность» (тест Торранса) и «Креативность» (анкета Лебедевой) мы объясняем тем, что уровень креативности по методике Лебедевой строится на субъективной оценке креативности. Результаты нашего исследования согласуются с результатами С.Р. Яголковского, проводившего изучение креативности и инновационности [7, с. 95]. Отрицательная взаимосвязь самооценки инновационности и готовности к инновациям при отсутствии изменений вполне ожидаема, так как респонденты, положительно относящиеся к инновациям, скорее всего готовы к изменениям. Высоко значимые корреляции были получены между показателем «разработанность предлагаемых идей» и готовностью к инновациям при условии материального вознаграждения. Высокие значения показателя разработанности в большинстве случаев характерны для респондентов с высокой успеваемостью, т.е. прилежных, привыкших выполнять задания добросовестно, проявляющих способности к изобретательской и конструктивной деятельности.

Для выявления типов инновационного поведения был проведен кластерный анализ по субшкалам опросников. Предварительная факторизация данных позволила выделить три обобщенных фактора, объясняющие 66,1% дисперсии. Первый фактор (40,18% дисперсии) «Принятие инноваций» объединяет такие показатели как «позитивное эмоциональное восприятие всего нового», «наличие успешного прошлого опыта инноваций», «ответственность», «ориентация на будущее». Во второй фактор «Недоверие к инновациям» (14,9% дисперсии) вошли «готовность к инновациям при условии отсутствия изменений», т.е. стремление к стабильности, «поиск силь-

ного лидера» и «низкий уровень оригинальности». Третий фактор «Вознаграждение за креативность»(10,9%) составили «готовность к инновациям при условии материального вознаграждения» и «оригинальность идей». Таким образом, при проведении кластерного анализа мы выделили 3 кластера (см. Таблица 2).

Таблица 2.

Результаты кластерного анализа, средние значения показателей

Методика	Субшкалы	Кластеры			Значимость различий
		1 (N=43)	2 (N=20)	3 (N=11)	
Оценка преобладающего типа готовности к инновациям	Готовность последовать за лидером	22,9	21,4	20,7	0,125
	Готовность при условии материального вознаграждения.	21,7	22	23,6	0,344
	Готовность при условии возможности взять на себя ответственность за инновацию	22,6	15	20,9	0,000
	Готовность при условии личной и профессиональной самореализации	25,2	22	23,6	0,038
	Готовность при условии отсутствия серьезных изменений	20,2	22	20,6	0,240
	Готовность на основании прошлого опыта	22,4	14,6	20	0,000
	Готовность на основе позитивного эмоционального восприятия всего нового.	25,3	21	23,6	0,005
Шкала самооценки инновативных качеств личности	Креативность	3,8	2,9	3,3	0,000
	Риск ради успеха	3,3	2,5	2,8	0,001
	Ориентация на будущее	3,6	2,9	3,2	0,002
	Инновационность	3,5	2,7	3,1	0,000
Тест креативности	Оригинальность	7,5	8	10,6	0,023
	Разработанность	6,7	6,8	21,2	0,000
	Креативность	14,1	14,4	31,8	0,000

**p<0,01; *p<0,05

Статистическая проверка достоверности различий между выделенными кластерами с использованием Н-критерия Крускала–Уоллеса позволила выявить значимые различия по субшкалам «Ответственность», «Самореализация», «Прошлый опыт», «Восприятие нового», «Самооценка креативности», «Риск», «Ориентация на будущее»; «Оригинальность», «Разработанность», «Креативность».

Для получения более точных данных о различии средних значений между кластерами был применен однофакторный дисперсионный анализ. Критерий однородности дисперсий Ливиня оказался $p > 0,05$, т.е. дисперсии для каждой из групп статистически достоверно не различаются, следовательно, применения данного метода корректно.

Таким образом, можно говорить о трех типах инновационных установок.

К первому типу (кластер 1) относится наибольшее число респондентов. Ведущими характеристиками респондентов данного типа являются высокий уровень положительного эмоционального восприятия всего нового, они откликаются на различные новшества, с интересом их воспринимают. Обладают высоким уровнем готовности к инновациям при условии самореализации, т.е. инновации они рассматривают как возможность личностного и профессионального роста. У респондентов этой группы достоверно выше готовность при условии возможности взять на себя ответственность. Указанные типы готовности говорят о внутренней детерминации их мотивации инновационной деятельности. Сравнивая результаты трех групп можно сказать, что к этому кластеру относятся респонденты, которые имели положительный прошлый опыт, связанный с инновациями, их генерацией либо реализацией. Они достаточно высоко оценивают свой инновационный потенциал по всем трем показателям: креативность, риск и ориентация на будущее. Т.е. они готовы рисковать, рассчитывают на успех и ориентированы на будущее. Успешный опыт участия в инновациях способствует тому, что они высоко оценивают собственную креативность, считают себя творческими людьми, склонными к любознательности

и генерированию оригинальных идей. В целом они считают инновации необходимыми для изменений, оценивают их положительно и видят в них скорее возможности для развития. Вместе с тем, на практике респонденты этого типа демонстрируют средний уровень креативности (по результатам теста Торранса). Также у них несколько повышенная (однако статистически незначимая) готовность следовать за лидером.

Наиболее характерными проявлениями второго типа, являются низкая готовность на основе прошлого опыта и ответственности. Можно предположить, что респонденты, вошедшие в этот кластер, просто не имели опыта участия в инновациях, либо этот опыт был негативным для них, неуспешным. Респондентам свойственна сниженная готовность к инновациям на основе позитивного эмоционального восприятия всего нового, т.е. отношение к инновациям скорее настороженное. Достаточно сильны внешняя мотивационная готовность, они могут принять инновации, в случае, если это не приведет к существенным изменениям. Учитывая низкие значения по показателю «ориентация на будущее», можно предположить, что у них сильна потребность в стабильности. Готовность к инновациям на основе внутренних мотивов (самореализация, ответственность) слабая. Респонденты, относящиеся ко второму типу, также проявили средний уровень по параметру «Оригинальность» при выполнении теста Торранса. Показатели самооценки инновационности («Креативность», «Риск ради успеха», «Ориентация на будущее») самые низкие из трех групп. Они не готовы рисковать, считают себя нетворческими.

Наименьшее количество респондентов вошло в третий кластер. Это объяснимо, так как представители этого типа характеризуются высокой оригинальностью предлагаемых идей, их разработанностью (по результатам теста Торранса). Несмотря на это, самооценка инновационности у респондентов находится на среднем уровне. То есть они довольно критично относятся к уровню своей креативности, не всегда готовы рисковать. Показатели по шкалам методики «Оценка преобладающего типа готовности к инновациям» также

находятся на среднем уровне. У респондентов этой группы самый высокий показатель готовности при условии материального вознаграждения, но статистически различия не достоверны. Также они в меньшей степени желают следовать за лидером.

Обобщая описание выделенных кластеров можно дать им условные названия: кластер 1 – «Поддерживающие инновации», кластер 2 – «Настороженные», кластер 3 – «Креативные». Полученные нами типы можно соотнести с типологией, предложенной К. Кхарабагхи и В. Ньюман, где они выделяют: инновационных криэйторов, которые продуцируют идеи; инновационных исполнителей; инновационных «стабилизаторов» [5].

На втором этапе был проведен эксперимент, основной целью которого было выявление особенностей инновационного экономического поведения. В основу эксперимента была заложена предпринимательская задача – за одну неделю заработать как можно большую сумму денег, имея в распоряжении 100 рублей. Студенты были разбиты на группы по 7–8 человек. Через неделю подводились итоги выполнения задания на основании трех критериев: 1) сумма заработанных денег; 2) оригинальность способа зарабатывания; 3) количество идей, одновременно взятых для работы. Сам эксперимент и частично его результаты изложены в других статьях авторов [4]. В данной статье мы хотели бы соотнести результаты диагностического и экспериментального этапов.

При разработке методики оценки типа готовности к инновациям С.Р. Загашев соотносил выделенные им типы с фазами инновационного цикла. Мы предположили, что более успешные в выполнении задания группы включали представителей разных кластеров. Другими словами, для достижения успеха, группе необходимы люди, выполняющие разные роли.

Всего в эксперименте приняло участие 5 групп (N=40), по результатам выполнения задания был составлен рейтинг успешности, где 1 – самая успешная группа. Мы сгруппировали респондентов по двум параметрам: успешность и тип поведения (кластеры), количественное распределение респондентов представлено в Таблице 3.

Таблица 3.

Распределение респондентов по типам поведения и рейтингу успешности, кол-во человек

Тип поведения	Рейтинг успешности, гр.				
	1	2	3	4	5
1	3	4	4	3	6
2	2	2	4	2	1
3	3	1	0	3	2

Как видим, состав группы не определяет успешность выполнения задания. Наиболее успешная группа (1) оказалась однородной по составу с группой, которая находится в рейтинге на четвертом месте. Сравнение данных успешных и неуспешных групп, полученных на первом этапе исследования, не выявило статистически значимых различий, кроме субшкалы «готовность при условии материального вознаграждения» ($p=0,017$). Ранг данного показателя оказался низким у самой успешной группы.

Таким образом, индивидуальные характеристики скорее всего в меньшей степени определяют инновационную успешность. Творчество, креативность не обязательно порождают инновации и являются лишь одним из источников инноваций [9]. Отличительной особенностью группы успешной в выполнении задания являются характеристики групповых процессов, группового взаимодействия. Анализ процесса эксперимента позволил констатировать, что во время обсуждения они демонстрировали больше положительных эмоций, меньше негативных, а также участники группы активно взаимодействовали в сфере постановки и решения проблемы. Результаты нашего исследования косвенно подтверждают предположение о значимости феномена доверия для развития инновационной деятельности. К примеру, было установлено, что высокий уровень доверия к другим способствует объединению групп, формированию команды и совместной работе [13]. На наш взгляд, дальнейшее исследование инновационного поведения молодежи следует сфокусировать на процессах социального взаимодействия, условиях и факторах возникновения эффекта синергии.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект №17-16-14006-ОГН\18.

Список литературы

1. Журавлев А.Л. Социальная психология личности и малых групп: некоторые итоги исследования // Психологический журнал. 1993. Т. 14. №4. С. 4–15.
2. Загашев И.О. Психологическая готовность к инновациям как условие эффективности внедрения системы управления качеством // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т.12. №5(2). С. 418–420.
3. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Методика исследования отношения личности к инновациям. URL:<http://docplayer.ru/41047587-Lebedeva-n-m-tatarco-a-n-metodika-issledovaniya-otnosheniya-lichnosti-k-innovatsiyam-1.html> (дата обращения 23.09.2017).
4. Лукина В.С., Нафанаилова М.С., Сидорова Т.Н. Экспериментальное изучение инновационного экономического поведения студентов // Азимут научных исследований. 2017. №4. С. 333–337.
5. Создание системы естественнонаучной и технологической подготовки молодежи к инновационной деятельности: монография / Отв. ред. А.П. Усольцев, Т.Н. Шамало. М.: Директ-Медиа, 2015. 251 с.
6. Туник Е.Е. Диагностика креативности. Тест: Торренса Е. СПб.: ИМАТОН, 1998. 171 с.
7. Яголковский Л.С. Психология инноваций: подходы, модели, процессы: Монография. М., 2010. 263 с.
8. Ávila L., Filho W.L., Brandli L., MacGregor C., Hill P.M., Özuyar P.G., Moreira R.M. Barriers to Innovation and Sustainability at Universities Around the World // Journal of Cleaner Production. 2017. July.
9. Bogel P.M., & Upham P. Role of psychology in sociotechnical transitions studies: Review in relation to consumption and technology acceptance // Environmental Innovation and Societal Transitions. 2018. 28, pp. 122–136.
10. Dougherty I., & Clarke A. Wired for Innovation: Valuing the Unique Innovation Abilities of Emerging Adults // Emerging Adulthood. 2018. 6(5), pp. 358–365.
11. Glebovaa I., Yasnitskayaa Y., Maklakovaa N. The evaluation of the innovative activity of modern russia's higher educational establishments and ways of its fostering // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. 19, pp. 2374–2381.

12. Evans J., Jones R., Karvonen A., Millard L. and Wendler J. Living labs and coproduction: university campuses as platforms for sustainability science // *Current Opinion in Environmental Sustainability*. 2015. Vol. 16, pp. 1–6.
13. Simacheva A., Krasnoryadtseva O., Vaulina T., Shcheglova E. Trust Development in One's Self and in Others of University Students Engaged in Innovative Activity // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2017. February. Volume 237 (21), pp. 1366–1370.
14. Trencher G., Bai X., Evans J., McCormick K., Yarime M. University partnerships for co-designing and co-producing urban sustainability // *Global Environmental Change*. 2014. №28, pp. 153–165.
15. Wechsler S.M., Saiz C., Rivas S.F., Vendramini C.M.M., Almeida L.S., Mundin M.C., & Franco A. Creative and critical thinking: Independent or overlapping components // *Thinking Skills and Creativity*. 2018. 27(1), pp. 114–122.

References

1. Zhuravlev A.L. *Psichologicheskij zhurnal*. Vol. 14. No.4. 1993, pp. 4–15.
2. Zagashev I.O. *Izvestiya samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. Vol.12. no. 5(2). 2010, pp. 418–420.
3. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. *Metodika issledovaniya otnosheniya lichnosti k innovaciyam* [Methods of research on the relationship of the individual to innovation]. <http://docplayer.ru/41047587-Lebedeva-n-m-tatarko-a-n-metodika-issledovaniya-otnosheniya-lichnosti-k-innovaciyam-1.html>
4. Lukina V.S., Nafanailova M.S., Sidorova T.N. *Azimut nauchnyh issledovanij*. No. 4. 2017, pp. 333–337.
5. *Sozdanie sistemy estestvennonauchnoj i tekhnologicheskoy podgotovki molodezhi k innovacionnoj deyatelnosti* [Creating a system of natural science and technological training of young people for innovation] / Ed. A.P. Usolcev, T.N. Shamalo. Moscow: Direkt-media, 2015, 251 p.
6. Tunik E.E. *Diagnostika kreativnosti. Test Torrensa E.* Saint Petersburg: Imaton, 1998, 171 p.
7. Yagolkovskij L.S. *Psichologiya innovacij: podhody, modeli, processy: monografiya*. Moscow, 2010, 263 p.

8. Ávila L., Filho W.L., Brandli L., MacGregor C., Hill P.M., Özuyar P.G., Moreira R.M. Barriers to Innovation and Sustainability at Universities Around the World. *Journal of Cleaner Production*. 2017. July.
9. Bogel P.M., & Upham P. Role of psychology in sociotechnical transitions studies: Review in relation to consumption and technology acceptance. *Environmental Innovation and Societal Transitions*. 2018. No. 28, pp. 122–136.
10. Dougherty I., & Clarke A. Wired for Innovation: Valuing the Unique Innovation Abilities of Emerging Adults. *Emerging Adulthood*. 2018. No. 6(5), pp. 358–365.
11. Glebovaa I., Yasnitskayaa Y., Maklakovaa N. The evaluation of the innovative activity of modern russia's higher educational establishments and ways of its fostering. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. 19, pp. 2374–2381.
12. Evans J., Jones R., Karvonen A., Millard L. and Wendler J. Living labs and coproduction: university campuses as platforms for sustainability science. *Current Opinion in Environmental Sustainability*. 2015. Vol. 16, pp. 1–6.
13. Simacheva A., Krasnoryadtseva O., Vaulina T., Shcheglova E. Trust Development in One's Self and in Others of University Students Engaged in Innovative Activity. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2017. Vol. 237 (21), pp. 1366–1370.
14. Trencher G., Bai X., Evans J., McCormick K., Yarime M. University partnerships for co-designing and co-producing urban sustainability. *Global Environmental Change*. 2014. No. 28, pp. 153–165.
15. Wechsler S.M., Saiz C., Rivas S.F., Vendramini C.M.M., Almeida L.S., Mundin M.C., & Franco A. Creative and critical thinking: Independent or overlapping components. *Thinking Skills and Creativity*. 2018. No. 27(1), pp. 114–122.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Лукина Валентина Сергеевна, доцент кафедры «Психология и социальные науки», кандидат психологических наук,
Северо-Восточный федеральный университет
ул. Белинского, 58, г. Якутск, Республика Саха (Якутия),
677000, Российская Федерация
lukina_v@mail.ru

Сидорова Туйаара Никифоровна, старший преподаватель кафедры «Психология и социальные науки»
Северо-Восточный федеральный университет
ул. Белинского, 58, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 677000,
Российская Федерация
tuyas_ok@mail.ru

Николаева Анна Васильевна, студент 4 курса
Северо-Восточный федеральный университет
ул. Белинского, 58, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 677000,
Российская Федерация
cutiepieykt@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Lukina Valentina Sergeevna, Associate Professor, Department of Psychology, Ph.D in Psychology
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
58, Belinsky Str., Yakutsk, Sakha Republic (Yakutia), 677000, Russian Federation
lukina_v@mail.ru

Sidorova Tuyaara Nikiforovna, Senior Lecturer, Department of Psychology
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
58, Belinsky Str., Yakutsk, Sakha Republic (Yakutia), 677000, Russian Federation
tuyas_ok@mail.ru

Nikolaeva Anna Vasilevna, Bachelor's Student, Department of Psychology
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
58, Belinsky Str., Yakutsk, Sakha Republic (Yakutia), 677000, Russian Federation
cutiepieykt@gmail.com

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-10-92-104

УДК 316.6

ЦЕННОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Макарова А.П.

Ценности являясь своеобразным социальным регулятором поведения, играют важную роль в формировании личности. Они характеризуют направленность, содержание и формы выражения поведения. Ценности влияют на взгляды, позиции и модели поведения представителей общества, закрепляются в социальной и этнической идентичности.

Целью работы является изучение структуры ценностей студенческой молодежи.

Метод и методология проведения работы. Основу исследования образуют исследования, посвященные изучению ценностей: М. Рокича, Ш. Шварца, Л. Колберга, К. Гиллиган, Н.М. Лебедевой, В.Н. Куницыной и др.

Результаты работы заключаются в том, что у современных студентов в структуре ценностей преобладающими ценностями безопасности, достижения, межличностных отношений, что входят отражают в первую очередь нравственные и семейные ценности.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в профилактической, консультационной работе с молодежью.

Ключевые слова: ценности; семейные ценности; нравственные ценности; ценности индивидуализма; молодежь; студенчество.

VALUE CONSCIOUSNESS OF YOUTH

Makarova A.P.

Values being a kind of social regulator of behavior, play an important role in the formation of personality. They characterize the direction, content

and forms of expression of behavior. Values affect the attitudes, positions and behaviors of members of society, are embedded in social and ethnic identity.

The aim of the work is to study the structure of the value consciousness of students.

Method and methodology of the work. The study is based on the study of values: M. Rokich, S. Schwartz, L. Kolberg, K. Gilligan, N.M. Lebedeva, V.N. Kunitsyna et al. *Results.* The results of the work consist in the fact that modern students in the structure of value consciousness are dominated by family and moral values. *The scope of the results.* The results of the study can be applied in preventive, counseling work with young people.

Keywords: values; family values; moral values; values of individualism; youth; students.

Ценности представляют собой наиболее устойчивое психическое образование человечества. Они формировались на протяжении многих тысячелетий. Первыми ценностями для людей стали: здоровье как состояние не-болезни и основное условие долгой жизни; безопасность как отсутствие угроз; материальное благополучие как условие выживания, любовь и дружба как состояние желаемой близости с, другими и возможность продолжения рода. Более сложные социальные ценности, такие как традиции и авторитет, власть и красота, равенство и справедливость, были осознаны позднее. Они получили свое название в процессе осознания людьми их значимости в жизни человеческих сообществ.

Понятие ценностей разрабатывалось в философии, социологии и психологии. В отечественной литературе чаще всего встречается определение «ценностные ориентации», которое подчеркивает целесмысловой, направляющий характер ценностей.

Первыми исследователями ценностных ориентаций личности в отечественной науке были А.Г. Здравомыслов, В.Б. Ольшанский, Д.Н. Узнадзе, В.А. Ядов и др. Большой вклад в разработку этой проблематики внесли Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев, А.В. Ивашенко, В.С. Мерлин, В.Н. Мясищев, Б.Д. Парыгин и др. Проблема принятия личностью ценностей различных социальных групп активно

изучалась в работах В.П. Вардомацкого, Д.А. Леонтьева, С.Г. Климовой, Н.И. Лапина, М.С. Яницкого и др. Кросс-культурные различия ценностных ориентаций исследовались В.С. Агеевым, Т.Б. Беляевой, В.М. Бызовой, Г.Г. Дилигенским, Р. Инглхартом, И.С. Коном, Н.М. Лебедевой, Е.В. Павелко и др.

По мере взросления личности все большее влияние на формирование ее ценностной системы оказывает осознание собственной принадлежности к тем или иным большим социокультурным группам – этносу, классу, общественно-политическим движениям. Дифференциально-психологические особенности ценностных ориентаций этих групп, а также гендерные и межпоколенные различия в этой сфере изучались, прежде всего, создателями соответствующих методик при их стандартизации: Г. Олпортом, М. Рокичем, С. Шварцем и У. Билски, Н.М. Лебедевой, Д.А. Леонтьевым и др. [20], [21], [8], [9], [10]. Иерархии ценностей на уровне культуры посвящены исследования М. Рокича, подход которого получил развитие в работах Г. Хофстеде и М. Бонда, Ш. Шварца и др.

Ценности накапливаются в ходе развития этноса, обретая свой уникальный набор и иерархию. Считается, что ценности – наиболее консервативный элемент в психологии той или иной культуры, ее так называемый «цивилизационный код» (Н.М. Лебедева, 2009) [8]. Поколения приходят и уходят, а культура, ее ценности остаются более или менее неизменными, и именно поэтому они являются фундаментом и «стержневым элементом» любой культуры (А. Крёбер, К. Клакхон, 1952, Т.Г. Стефаненко, 2003) [8].

Конец XX – начало XXI веков охарактеризовался повышением интереса к различным аспектам ценностной структуры россиян. Так, в работах, выполненных под руководством Н.М. Лебедевой, исследовалась динамика базовых ценностей россиян и ее влияние на экономические и политические установки [7], [8], [9]. Анализу взаимосвязи ценностных ориентаций и склонности к девиантному поведению посвящены исследования В.В. Гриценко и Т.Н. Смотровой [3] и др. Как отмечает, Н.А. Журавлева молодежь, в силу силу возрастных, психологических и социальных особенностей является

наиболее сензитивной к происходящим в обществе изменениям, индикатором всех положительных и отрицательных процессов, происходящих в обществе. В период активного формирования устойчивого мировоззрения, нравственного сознания, становления ценностной иерархии молодежь с большей легкостью принимает и усваивает все «новое» в культуре, чем представители более старших поколений [4].

В работе предпринята попытка изучить **структуру** ценностей современной студенческой молодежи. **Объектом исследования** выступили студенты учебных заведений г. Якутска, всего 60 человек в возрасте от 18 до 22 лет. В работе использовалась методика Ш. Шварца, в модификации В.Н. Куницыной «Ценностные ориентации-36» [6], [5]. Опросник включает 36 ценностей, сгруппированных в 10 блоков. Респондентам предлагалось оценить значимость ценностей по 12 бальной шкале. Различия между выборками рассчитывались методом углового преобразования Фишера (ф-критерий).

Результаты исследования

Автор методики В.Н. Куницына выделяет 3 группы ценностей: семейные, индивидуальные и общечеловеческие. Внутри каждой группы выделены по четыре блока, объединяющие по три ценности.

По результатам исследования выявлено, что преобладающими ценностями у студентов являются: «защита семьи», «здоровье», «понимание и доверие в семье», «достижение успеха», «настоящая дружба» и «самоуважение» (табл. 1), что обусловлено актуальными потребностями на данном этапе жизненного развития.

Таблица 1.

Наиболее предпочитаемые ценности (средние оценки: максим. оценка 12 баллов)

<i>Ценности</i>	<i>Средние оценки</i>
Защита семьи	11,13
Здоровье	9,82
Понимание и доверие в семье	9,55
Достижение успеха	9,46
Настоящая дружба	9,12
Самоуважение	8,68

Наименее значимыми ценностями для студентов являются: «религиозность», «потакание себе», «отвага», «терпимость» и «авторитетность». Исходя из полученных результатов, современным студентам не присущи стремления к риску, поиску приключений, а также право вести за собой, руководить.

Таблица 2.

Наименее предпочитаемые ценности (средние оценки: максим. оценка 12 баллов)

<i>Ценности</i>	<i>Средние оценки</i>
Религиозность	3,41
Потакание себе	4,44
Отвага	5,59
Терпимость	6,44
Авторитетность	6,51

Далее полученные результаты были разделены по трем группам ценностей: семейные, индивидуальные и нравственные ценности. Каждая группа включает по четыре блока ценностей, объединяющие три однонаправленные ценности. В табл. 3 представлены результаты по выборке студентов.

Таблица 3.

Группа ценностей

	<i>Блоки ценностей</i>	<i>Средние оценки</i>
Семейные ценности (8,37 баллов)	Ценности безопасности	9,69
	Ценности традиции	8,00
	Ценности межличностных отношений	8,70
	Ценности нормативного и конформного поведения	7,07
Индивидуальные ценности (7,12 баллов)	Ценности достижения	8,03
	Ценности власти, влияния	7,30
	Ценности гедонизма	6,58
	Ценности активности и стимулирования	6,57
Общечеловеческие и нравственные ценности (7,61 баллов)	Ценности независимости	8,00
	Ценности нравственной направленности	7,77
	Ценности толерантности	7,19
	Ценности духовные	7,50

Наибольшую ценность для молодежи представляют ценности безопасности (9,69), ценности межличностных отношений (8,70) и ценности достижения (8,03). Ценности безопасности являются базовой общечеловеческой ценностью. Значимость ценностей межличностных отношений и достижения обусловлено возрастными особенностями. Студенчество, это пора приобретения настоящих друзей, встречи настоящей любви и получения профессионального образования. А также значимыми являются и ценности, входящие в блок ценностей традиции и независимости, что возможно, отражает и некоторую противоречивость в ценностных приоритетах.

Наименьшую значимость для студентов представляют ценности гедонизма (6,57), ценности активности и стимулирования (6,57) и в то же время ценности нормативного и конформного поведения (7,07). Возможно, такой выбор обусловлен тем, что студенческая молодежь в большей степени занята получением образования, а не наслаждением и разнообразием жизни.

В целом для молодежи наибольшую значимость представляют ценности, входящие в группу семейных ценностей, нежели, чем ценности, декларирующие индивидуализм. Возможно, такое распределение ценностных приоритетов обусловлено влиянием ценностей традиционной культуры.

При рассмотрении различий в ценностных предпочтениях по гендерному признаку, обнаружены следующие результаты: как девушки, так и юноши однозначно на первом месте выделяют ценность – «защита семьи», «здоровье», «достижение успеха», «понимание и доверие в семье». Далее у юношей идет значимость ценности «настоящая дружба», а у девушек – «самоуважение» (табл. 4).

Таблица 4.

Список наиболее значимых ценностей по гендерному признаку

<i>Юноши</i>		<i>Девушки</i>	
Защита семьи	11,28	Защита семьи	10,98
Здоровье	9,77	Здоровье	9,88
Понимание и доверие в семье	9,60	Достижение успеха	9,63
Достижение успеха	9,28	Понимание и доверие в семье	9,49
Настоящая дружба	9,12	Самоуважение	9,171

В результате сравнения наименее предпочитаемых ценностей девушек и юношей, можно отметить следующее: обе группы испытуемых одинаково низко оценивают «религиозность», «потакание себе» и ценность «отвага». Далее юноши отмечают, что для них менее важными являются ценности «мир прекрасного» и «авторитетность». А для девушек – ценности «терпеливость» и «разнообразие жизни». Указанные ценности, студенческая молодежь не включают в ядро своей системы ценностей (табл. 5).

Таблица 5.

Список наименее значимых ценностей по гендерному признаку

<i>Юноши</i>		<i>Девушки</i>	
Религиозность	3,29	Религиозность	3,53
Потакание себе	3,76	Потакание себе	5,12
Отвага	5,07	Отвага	6,12
Мир прекрасного	5,90	Терпеливость	6,53
Авторитетность	6,05	Разнообразие жизни	6,74

Если рассматривать различия по выделяемым группам ценностей, то получается следующее (табл. 6).

Таблица 6.

Группа ценностей

	<i>Блоки ценностей</i>	<i>Юноши</i>	<i>Девушки</i>
	Семейные ценности (8,52 – юноши) (8,22 – девушки)	Ценности безопасности	9,73
Ценности традиции		8,12	7,89
Ценности межличностных отношений		8,90	8,50
Ценности нормативного и конформного поведения		7,33	6,81
Индивидуальные ценности (7,37 – юноши) (6,87 – девушки)	Ценности достижения	8,22	7,84
	Ценности власти, влияния	7,48	7,12
	Ценности гедонизма	6,91	6,24
	Ценности активности и стимулирования	6,86	6,26
Общечеловеческие и нравственные ценности (7,80 – юноши) (7,42 – девушки)	Ценности независимости	8,05	7,95
	Ценности нравственной направленности	8,19	7,36
	Ценности толерантности	7,18	7,20
	Ценности духовные	7,80	7,19

Наиболее значимыми блоками ценностей и для юношей и девушек являются ценности безопасности, ценности межличностных отношений и ценности достижения. В блок наименее значимых ценностей входят ценности гедонизма, ценности активности и стимулирования, ценности нормативного и конформного поведения и ценности толерантности. Значимые различия выявлены в блоке ценностей межличностных отношений ($\varphi=1,983$, при $p \leq 0,05$), где ценность выше в выборке юношей, чем девушек; ценности входящие в блок нравственной направленности ($\varphi=4,003$, при $p \leq 0,01$), где уровень выше у девушек, чем у юношей. В целом, значимые различия по блокам ценностей, обнаружены в блоке семейных ценностей ($\varphi=1,960$, при $p \leq 0,05$). Значимость семейных ценностей выше в выборке юношей. Далее по значимости идут ценности, входящие в блок нравственных ценностей. Меньше всего представлены в ценностях студенческой молодежи, блок ценностей индивидуализма.

В исследованиях В.Е. Семенова показано, именно у студенческой молодежи сохраняются в целом здоровые жизненные ценности и духовнонравственные установки». Главными ценностями молодежи являются семья, здоровье и друзья, а ценности работы и справедливости оказываются выше ценности денег, причем значение ценностей семьи и справедливости, сравнению с 1990-ми годами, повысилось, а ценность денег, наоборот, понизилась. Основная часть студенческой молодежи является носителем, в терминах В.Е. Семенова, «просоциального менталитета» [13]. Но вместе с тем, исследования показывают, что для современной студенческой молодежи могут быть допустимы различные способы зарабатывания денег, например, по типу финансовых пирамид, гадания, магию, производство и торговлю вредными для экологии и людей продуктами [15]. А также в исследованиях показано тенденция к разнообразию в отношении нравственных норм, т.е. некий ценностно-нравственный полиморфизм [2], [12], [11]. Тенденция к ценностному полиморфизму наблюдается и в данном исследовании, одновременно значимыми являются и ценности, входящие в блок традиции и независимости.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что у большинства современных студентов, преобладают в целом ценности, отражающие приоритет семейных ценностей и ценностей нравственной направленности. В целом список наиболее и наименее значимых ценностей как для девушек и юношей одинаковый. Однако, для юношей, семейные ценности более значимы, чем для девушек. Стоит отметить, что наблюдается тенденции к противоречивости ценностных приоритетов, с одной стороны значимы ценности традиции, а с другой стороны, стремление к независимости.

Список литературы

1. Бугаева М.Д., Макарова А.П., Нафанаилова М.С. Структура ценностей личности как фактор морального сознания (на примере представителей этноса саха) // Казанская наука. Казань: Казанский Издательский Дом. №11. 2013. С. 331–334.
2. Воробьева А.Е., Купрейченко А.Б. Стадии нравственного самоопределения молодежи // Проблемы нравственной и этической психологии в современной России / Отв. ред. М.И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 274–298.
3. Гриценко В.В., Смотровая Т.Н. Ценностные ориентации личности и склонность к нарушению социальных норм // Психологический журнал. 2009. №6. С. 5–18.
4. Журавлева Н.А. Ценностные ориентации личности в условиях социально-экономических трансформаций в обществе // Образование России и актуальные вопросы современной науки. Пенза: Изд-во Пензенский государственный аграрный университет, 2018. С. 116–121.
5. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности. СПб.: Изд-во «Речь», 2004.
6. Куницына В.Н. Методы изучения семейных ценностей и взаимодействия внутри семьи (ЦО-36, ПиН) // Семья в современном мире / Сост. и науч. ред. В.Н. Куницына. СПб., 2010. С. 42–53.
7. Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психологический журнал. 2000. Том 21. №3. С. 73–87.

8. Лебедева Н.М. Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре // Психологический журнал. 2001. Том 22. №3.
9. Лебедева Н.М. Ценности и отношение к инновациям: межкультурные различия // Психологический журнал. 2009. №6. С. 81–92.
10. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. №4. С. 25–27.
11. Макарова А.П. Социально-психологические особенности морального сознания представителей этноса саха: Автореф. дис. ... канд. психол. наук, Санкт-Петербург, Изд-во: ООО «Томас-Петербург», 2011.
12. Психологические исследования нравственности / Под ред. А.Л. Журавлева и А. В. Юревича. М.: Институт психологии РАН, 2013.
13. Семенов В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социологические исследования. 2007. №4. С. 37–43.
14. Семья в современном мире / Сост. и науч. ред. В.Н. Куницына. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2010.
15. Юревич А.В. Эмпирические оценки нравственного состояния современного российского обществ // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 4. С. 168–179.
16. Gibbs J.C., Basinger K.S., Fuller D. Moral Maturity: Measuring the development of sociomoral reflection. Hillsdale (New-Yorc) etc.: Lawrence Erlbawm association, 1992. XII.
17. Gilligan C. In a different voice: Psychological theory and woman's development. Cambridge, 1982.
18. Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change and the persistence of traditional values // American Sociological Review. 2000. 65. 19–51.
19. Kohlberg L. Resolving Moral Conflicts within the Just Community // Moral dilemmas: Philosophical and psychological issues in the development of moral reasoning /Ed. By C.G. Harding. Chicago: Precedent Publishing, 1985, pp. 71–97.
20. Rokeach M. The nature of human values. NY: Free Press, 1973.
21. Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications // J. of Personality and Social Psychology. 1990. V.58, pp. 878–891.

References

1. Bugaeva M.D., Makarova A.P., Nafanailova M.S. Struktura tsennostey lichnosti kak faktor moral'nogo soznaniya (na primere predstaviteley etnosa sakha) [The structure of personal values as a factor of moral consciousness (for example, representatives of the Sakha ethnos)]. *Kazanskaya nauka*. Kazan: Kazan Publishing House. №11. 2013. pp. 331–334.
2. Vorob'eva A.E., Kupreychenko A.B. Stadii npravstvennogo samoopredleniya molodezhi [Stages of moral self-determination of youth]. *Problemy npravstvennoy i eticheskoy psikhologii v sovremennoy Rossii* [Problems of moral and ethical psychology in modern Russia] / Ed. M.I. Volovikova. M.: Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences", 2011, pp. 274–298.
3. Gritsenko V.V., Smotrova T.N. Tsennostnye orientatsii lichnosti i sklonnost' k narusheniyu sotsial'nykh norm [Value orientation of the individual and the propensity to violate social norms]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal]. 2009. №6, pp. 5–18.
4. Zhuravleva N.A. Tsennostnye orientatsii lichnosti v usloviyakh sotsial'no-ekonomicheskikh transformatsiy v obshchestve [Value orientation of the individual in the conditions of socio-economic transformations in society]. *Obrazovanie Rossii i aktual'nye voprosy sovremennoy nauki* [Education of Russia and current issues of modern science]. Penza: Publishing house of Penza State Agrarian University, 2018, pp. 116–121.
5. Karandashev V.N. *Metodika Shvartsa dlya izucheniya tsennostey lichnosti* [Schwartz method for studying the values of the individual]. SPb.: Rech Publishing House, 2004.
6. Kunitsyna V.N. Metody izucheniya semeynykh tsennostey i vzaimodeystviya vntri sem'i (TsO-36, PiN) [Methods of studying family values and interaction within the family (TSO-36, PIN)]. *Sem'ya v sovremennoy mire* [Family in the modern world] / Comp. and scientific. Ed. V.N. Kunitsyna. SPb., 2010, pp. 42–53.
7. Lebedeva N.M. Bazovye tsennosti russkikh na rubezhe XXI veka [The basic values of Russian at the turn of the XXI century]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. 2000. Vol 21. No. 3, pp. 73–87.

8. Lebedeva N.M. Tsennostno-motivatsionnaya struktura lichnosti v russkoy kul'ture [Value-motivational structure of personality in Russian culture]. *Psikhologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2001. Vol 22. No. 3.
9. Lebedeva N.M. Tsennosti i otnoshenie k innovatsiyam: mezhkul'turnye razlichiya [Values and attitudes to innovation: intercultural differences]. *Psikhologicheskij zhurnal* [Psychological Journal]. 2009. №6, pp. 81–92.
10. Leont'ev D.A. Tsennost' kak mezhdistsiplinarnoe ponyatie: opyt mnogomernoy rekonstruktsii [Value as an interdisciplinary concept: the experience of multidimensional reconstruction]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 1996. №4, pp. 25–27.
11. Makarova A.P. *Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti moral'nogo soznaniya predstaviteley etnosa sakha* [Socio-psychological characteristics of the moral consciousness of representatives of the Sakha ethnos]: Author's abstract. dis. ... Candidate of Psychology, St. Petersburg, Publishing House: LLC «Thomas-Petersburg», 2011.
12. *Psikhologicheskie issledovaniya nravstvennosti* [Psychological studies of morality] / Ed. A. L. Zhuravlev, A. V. Yurevich. M.: Institute of Psychology RAS, 2013.
13. Semenov V.E. Tsennostnye orientatsii sovremennoy molodezhi [Value Orientations of Modern Youth]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2007. №4, pp. 37–43.
14. *Sem'ya v sovremennom mire* [Family in the modern world] / Ed. V.N. Kunitsyna. SPb.: Publishing house of S.-Petersburg. University, 2010.
15. Yurevich A.V. Empiricheskie otsenki nravstvennogo sostoyaniya sovremennogo rossiyskogo obshchestv [Empirical evaluation of the moral state of modern Russian societies]. *Yaroslavskiy pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2018. No. 4, pp. 168–179.
16. Gibbs J.C., Basinger K.S., Fuller D. Moral Maturity: Measuring the development of sociomoral reflection. Hillsdale (New-Yorc) etc.: Lawrence Erlbawm assciation, 1992. XII.
17. Gilligan C. In a different voice: Psychological theory and woman's development. Cambridge, 1982.
18. Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change and the persistence of traditional values // *American Sociological Review*. 2000. 65. 19–51.

19. Kohlberg L. Resolving Moral Conflicts within the Just Community // Moral dilemmas: Philosophical and psychological issues in the development of moral reasoning /Ed. By C.G. Harding. Chicago: Precedent Publishing, 1985, pp. 71–97.
20. Rokeach M. The nature of human values. NY: Free Press, 1973.
21. Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications // J. of Personality and Social Psychology. 1990. V.58, pp. 878–891.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Макарова Аграфена Петровна, доцент кафедры психологии и социальных наук, кандидат психологических наук
*Северо-Восточный федеральный университет
ул. Белинского, 58, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 677000,
Российская Федерация
agmaks@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Makarova Agrafena Petrovna, PhD in Psychology, Assistant Professor, Institute of Psychology
*North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
58, Belinsky Str., Yakutsk, Sakha Republic (Yakutia), 677000, Russian Federation
agmaks@yandex.ru*

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-10-105-120

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ НЕВРОТИЗАЦИИ ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ-ЛУЧНИКОВ

Нафанаилова М.С., Рыбалкина В.В.

Данная работа посвящена изучению факторов невротизации юных спортсменов-лучников.

Цель. *Статья посвящена актуальной в современной психологии спорта теме невротизации. Мы ставим целью выявить и описать индивидуально-психологические особенности спортсменов-лучников, препятствующих или способствующих их невротизации.*

Задачи. *Для достижения данной цели потребовалось решение следующих задач:*

- 1. Определить уровень невротизации спортсменов-лучников;*
- 2. Изучить особенности самовосприятия, выраженность акцентуаций характера, уровень адаптивных способностей и способов преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности у спортсменов-лучников;*
- 3. Установить взаимосвязь изученных психологических характеристик с уровнем невротизации у спортсменов-лучников.*

Методы проведения работы. *В основу исследования легли следующие методики:*

- 1. Многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность», разработанный А.Г. Маклаковым и С.В. Чермяниным (1993).*
- 2. УНП – уровень невротизации – клиническая тестовая методика, предназначенная для диагностики личностных черт невротического уровня, созданный И.Б. Ласко и Б.И. Тонконогий (1974).*
- 3. Методика изучения акцентуаций личности К. Леонгарда (модификация С. Шмишека) (1970).*
- 4. Копинг-тест Лазаруса, предназначенный для определения способов преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности (1984).*

5. Проективная методика «Автопортрет» служит для выявления индивидуально типологических особенностей человека, его представлений о себе, своей внешности, личности и отношения к ней Е.С. Романова и С.Ф. Потемкина (1991).

Научная новизна результатов исследования определяется тем, что:

1. Разработан профиль стрелков из лука на основе изученных индивидуально-психологических свойств.
2. Перспективность использования полученных данных о невротизации и психопатизации спортсменов-стрелков из лука на основе учета их индивидуально-психологических свойств в учебно-тренировочном процессе.

Результаты. Вся тренировочная и соревновательная деятельность юных лучников проходят на фоне сильного эмоционального напряжения, а также в условиях постоянно усиливающейся конкуренции между спортсменами.

Так, уровень невротизации спортсменов-лучников колеблется от низкого и очень низкого значения – есть взаимосвязь с низким уровнем коммуникативных способностей. Что же касается психопатизации юных спортсменов, то их значения равны от неопределенного до пониженного уровня.

Это говорит о том, что в рамках психологической помощи юным спортсменам одним из возможных направлений работы может быть аутотренинг, тренинги на доверие, а также сплочение спортивного коллектива.

Область применения результатов. Результаты нашего исследования могут быть применимы при разработке учебных курсов для студентов-психологов, посвященных актуальным проблемам современной психологии, а также в процессе консультирования и коррекционной работы клинических и спортивных психологов с подростками по проблемам невротизации, самовосприятия себя.

Ключевые слова: невротизация; индивидуально-психологические особенности; юноши-спортсмены; акцентуации характера.

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF THE NEUROTIZATION OF YOUNG SPORTSMEN-ARCHERS

Nafanailova M.S., Rybalkina V.V.

This work is devoted to the study of the neurotic factors of young athletes-archers.

Purpose. *The article is devoted to the topic of neurotization that is relevant in modern psychology of sports. We aim to identify and describe the individual psychological characteristics of athletes-archers, impeding or contributing to their neuroticism.*

Tasks. *To achieve this goal, the following tasks were required:*

- 1. To determine the level of neurotization athletes archers;*
- 2. To study the peculiarities of self-perception, the severity of character accentuations, the level of adaptive abilities and ways to overcome difficulties in various spheres of mental activity in archery athletes;*
- 3. To establish the relationship of the studied psychological characteristics with the level of neurotization in athletes-archers.*

Methodology. *The study was based on the following methods:*

- 1. Multi-level personal questionnaire (MLO) "Adaptability", developed by A.G. Maklakov and S.V. Chermyanin (1993).*
- 2. The level of neuroticism – a clinical test method designed to diagnose personality traits of the neurotic level, created by I.B. Lasko and B.I. Tonkonogy (1974).*
- 3. The method of studying the accentuations of the personality of K. Leongard (modification of S. Shmishek) (1970).*
- 4. Lazarus copying test designed to determine how to overcome difficulties in various spheres of mental activity (1984).*
- 5. The projective technique of "Self-portrait" serves to identify individually typological features of a person, his ideas about himself, his appearance, personality, and attitude to it by E.S. Romanov and S.P. Potemkin (1991).*

The scientific novelty of the research results is determined by the fact that:

1. *Developed a profile of archers on the basis of the studied individual psychological properties.*
2. *The prospect of using the data obtained on the neurotic and psychopathization of the athletes-archers from the bow on the basis of taking into account their individual psychological properties in the training process.*

Results. *All training and competitive activities of young archers take place against the background of strong emotional stress, as well as in the conditions of constantly increasing competition between athletes.*

Thus, the level of neurotization of archery athletes ranges from low and very low values – there is an interrelation with a low level of communicative abilities. As for the psychopathization of young athletes, their values are equal from undetermined to reduced levels.

This suggests that within the framework of psychological assistance to young athletes, one of the possible areas of work may be auto-training, trust training, and rallying of a sports team.

Practical implications. *The results of our study may be applicable in the development of training courses for psychology students on current problems of modern psychology, as well as in the process of counseling and remedial work of clinical and sports psychologists with adolescents on the problems of neuroticism, self-perception.*

Keywords: *neuroticism; individual psychological characteristics; young athletes; character accentuation.*

В спортивной психологии существует достаточно много данных, которые свидетельствуют о необходимости психологической подготовки и ее влиянии на результативность соревновательной деятельности.

В современном мире значительное распространение неврозов и наблюдающееся стремление к их росту требует более углубленного изучения закономерностей в системе отношений и выявления преобладающих разновидностей внутриличностных конфликтов. В ряде случаев невроз у спортсменов развивается вследствие значительной нервно-психической перегрузки, но также несомненную роль

играют как физиологические особенности организма, так и индивидуально-личностные факторы.

Исследования, проводимые в стрельбе, показывают, что необходимым для стрелка является адекватное оценивание своих ощущений, полное управление своими действиями, четкий план действий. Соревнования проходят на фоне сильного эмоционального напряжения, а также в условиях постоянно усиливающейся конкуренции между спортсменами. Следовательно, изучение невротизации юных спортсменов-лучников важно для повышения успешности в спортивной деятельности, индивидуализации процесса подготовки спортсменов, а также для улучшения адаптации спортсмена.

Соревнования между стрелками из лука ведется на пределах возможностей, так как основное противоборство ведется в области психологической составляющей. В настоящее время вопросы психологической подготовки спортсменов в стрельбе не разрешены до конца, и поэтому они составляют проблему нашего исследования, так как сейчас неудачи спортсмена на соревнованиях объясняют пробелами его психологической подготовки.

Таким образом, актуальность изучения факторов невротизации юных спортсменов-лучников обусловлена возможностью использовать ее материалы в профессиональной деятельности клинического и спортивного психолога, а также открыть возможности для составления программы направленной на коррекцию неблагоприятных проявлений.

Повседневная жизнь дает многочисленные примеры того, что тяжелые переживания, потрясения, постоянные стрессы нередко вызывают нервные расстройства. Такие стойкие расстройства, возникающие в результате нервного перенапряжения и истощения, называются неврозами.

Термин «невроз» в 1776 году ввел шотландский врач Уильям Куллен. Автор объединил понятием невроз широкий круг страданий, которые зависели только от нарушения деятельности нервной системы. Данным термином долгое время практически пользовались лишь врачи.

Большой прогресс таких наук как психиатрия и неврология привели к большому совершенствованию клинической диагностики, что и послужило причиной исключения из группы неврозов большинства соматических, нервных и психических заболеваний.

Но есть люди, у которых отклонения личности настолько выражены, что они сами страдают от своей аномальности, или от нее страдают окружающие. Носителей такого характера называют психопатами.

Психопатия – врожденная или развившаяся аномалия личности (аномальность высшей нервной деятельности), обуславливающая психическую неполноценность личности.

Психопатический склад личности возникает на основе взаимодействия врожденной или рано приобретенной биологической неполноценности нервной системы с остро негативными условиями внешней среды. Характерологической особенностью психопатизированной личности является дисгармоничность ее эмоционально-волевой сферы при относительной сохранности интеллекта. Психопатические особенности личности затрудняют ее социальную адаптацию, а при психотравмирующих обстоятельствах ведут к дезадаптивным поведенческим актам.

Невротические расстройства и психопатические нарушения носят взаимоисключающий характер. Различия заключаются в следующем:

- Для неврозов наследственность не значима, а для психопатий играет определяющую роль;
- При неврозах, в отличие от психопатий, отсутствуют расторможенность, конфликтность в сочетании с агрессивностью и жестокостью, выражено чувство вины, стыда, сочувствие, переживание случившегося, осознание своей болезни;
- Неврозы обратимы в результате благоприятного изменения обстоятельств или лечения;
- При неврозах, в отличие от психопатий, отношение к лечению положительное, ребенок ищет помощи, стремится избавиться от страданий.

Что же касается факторов, которые могут поспособствовать повышению чувствительности к психотравматизирующим влияниям в

спорте достаточно много. В первую очередь следует выделить психическую установку человека при ожидании события, которое эмоционально довольно значимо для него; его астенические состояния, которые возникают в связи с перенапряжением, переутомлением и недосыпанием; а также нахождение в незнакомой для спортсмена обстановке. Главную роль здесь играют преморбидные особенности личности, в том числе носящие психопатологический характер, а также конституционально обусловленная чувствительность.

Неврозы у спортсменов развиваются довольно медленно и постепенно, поэтому при первых симптомах нужно сразу же полностью вносить подходящие коррективы в весь тренировочный процесс. Данные коррективы могут выражаться понижении привычной нагрузки, и плюс во внедрении дополнительного отдыха для спортсмена; также возможно дополнительное введение каких-нибудь развлекательных мероприятий и т. д.

Для спортсмена важно соблюдать режим дня, достаточно высыпаться, придерживаться строгого режима, а также полноценно питаться и исключение различные вредные привычки.

Если брать перетренированность у спортсменов, то она встречается повсеместно и довольно часто. Что касается определения термина перетренированности, то это такое патологическое состояние, которое развивается вследствие постоянного хронического физического напряжения, а клиническую картину здесь составляют множественные функциональные нарушения в центральной нервной системе.

В корне данной болезни лежит перенапряжение тормозного и возбуждательного процессов, а также их подвижности в коре больших полушарий головного мозга. Все вышеперечисленное позволяет отнести патогенез перетренированности спортсменов к процессу неврозов.

Обратимся к результатам исследования.

Исследование проводилось в 2016–2017 учебном году институтом психологии СВФУ в Республиканском училище олимпийского резерва им. Р.М. Дмитриева среди обучающихся 8–11 классов.

Выборка составила 60 человек из них 30 юношей, занимающихся стрельбой из лука и 30 юношей, занимающихся пулевой стрельбой.

Для того, чтобы выявить уровень невротизации или психопатизации спортсменов-лучников мы использовали клиническую тестовую методику «Уровень невротизации и психопатизации», предложенную И.Б. Ласко и Б.И. Тонконогим.

В ходе анализа полученных данных мы получили следующие результаты. Большинство испытуемых имеет низкий и очень низкий уровень невротизации, а также неопределенный и пониженный уровень психопатизации.

При низком уровне невротизации у испытуемых может отмечаться эмоциональная устойчивость и положительный фон основных переживаний (спокойствие, оптимизм). Но у спортсменов, занимающихся стрельбой из лука замечена некоторая отгороженность в социальных контактах, нежелание\безразличие знакомится с новыми людьми.

При неопределенном уровне психопатизации можно говорить о некоторой беспечности и легкомыслии, а также холодном отношении к людям. В некоторых случаях может проявляться осмотрительность, уступчивость, ориентированность на мнение окружающих; приверженность к соблюдению общепринятых правил норм и поведения.

Исследовав невротизацию и психопатизацию спортсменов, занимающихся пулевой стрельбой мы пришли к следующим выводам.

У спортсменов-винтовочников уровень невротизации находится на уровне от неопределенного до низкого. Испытуемые довольно оптимистичны, общительны, в контакт вступают с легкостью. Также им присуща независимость, легкость в общении, но здесь могут возникнуть проблемы во взаимоотношениях, взаимопонимании (особенно у тренера, когда необходимо держать дисциплину).

Психопатизация колеблется от пониженного до среднего уровня, хотя она связана с рядом личностных особенностей юных спортсменов: низкий уровень планирования решения проблемы и гипертимность акцентуации. Лицам с таким типом присуще упрямство в межличностных взаимоотношениях.

Взаимосвязь индивидуально-психологических особенностей с уровнем невротизации у спортсменов-лучников. Личность каждого человека, в том числе и спортсмена, наделена только ей присущим сочетанием психологических черт и особенностей, образующих ее индивидуальность, составляющих ее своеобразие, отличие от других людей.

На основе вышепредставленного материала мы выдвинули гипотезу о том, что уровень невротизации спортсменов-лучников зависит от ряда индивидуально-психологических свойств личности.

Первый этап нашего исследования был направлен на определение того, какими способами спортсмены преодолевают трудности в различных сферах психической деятельности. Для решения данной задачи мы использовали методику копинг-тест Лазаруса.

Высокие результаты, свидетельствующие о выраженной дезадаптации, были набраны по следующим субшкалам: Планирование решения проблемы и Положительная переоценка. Это может говорить о том, что испытуемые редко не преодолевают проблемы за счет целенаправленного анализа ситуации и собственного поведения, не вырабатывают стратегии разрешения проблемы, не используют прошлый опыт и имеющиеся ресурсы.

Что же касается спортсменов, занимающихся пулевой стрельбой, то испытуемые в основном набрали средний результат по всем шкалам. Это говорит о том, что адаптационный потенциал личности находится в пограничном состоянии. Также в ходе выполнения статистического анализа мы выяснили, что у испытуемых существует корреляционная связь между высоким уровнем невротизации и высоким уровнем конфронтационного копинга. Это говорит о том, что испытуемые не всегда имеют способность к сопротивлению различного рода трудностям. Испытуемые не хотят или не умеют отстаивать собственные интересы. Все это в совокупности приводит к невротизации.

Также у испытуемых была выявлена корреляционная связь между повышенным уровнем психопатизации и низким уровнем планирования решения проблемы. Можно предположить, что если

юноши не разрешают собственные проблемы с учетом прошлого опыта, велика вероятность возникновения холодности по отношению к людям, упрямство в межличностных взаимодействиях, все это приводящее к конфликтным ситуациям.

Следующий шаг нашего исследования был направлен на то, чтобы оценить адаптационные возможности личности спортсмена с учетом социально-психологических и некоторых психофизиологических характеристик, отражающих обобщенные особенности нервно-психического и социального развития.

По шкале «Личностный адаптивный потенциал» у большинства испытуемых низкий результат: лица этой группы обладают признаками явных акцентуаций характера и некоторыми признаками психопатий, а психическое состояние можно охарактеризовать, как пограничное. Возможны нервно-психические срывы.

По шкале «Нервно-психическая устойчивость»: высокий уровень нервно-психической устойчивости и поведенческой регуляции, высокая адекватная самооценка и реальное восприятие действительности.

По шкале «Коммуникативные способности» большинство испытуемых набрали средний уровень развития коммуникативных способностей. При необходимости могут устанавливать контакт с окружающими людьми.

По шкале «Моральная нормативность»: высокий уровень – испытуемые могут реально оценить свою роль в коллективе, соблюдать общепринятые нормы поведения.

С помощью проверки ранговой корреляции Спирмена была обнаружена корреляционная связь между низким уровнем коммуникативных способностей и повышенным уровнем невротизации.

Для спортсменов является важным общение, коммуникация с тренером, товарищами по команде, соперниками и т.д. Но так как стрельба из лука – это единоличный вид спорта, то мы можем предположить, что общение для спортсменов лучников является тяжелым и вынужденным (по мере необходимости). Так, в ходе личной беседы с каждым спортсменом мы заметили, что они держатся отгорожено, говорят односложно и без особых эмоций. Следова-

но, можно сделать вывод о том, что общение для этих спортсменов связано с невротизацией.

Такой вывод нам позволяет сделать непараметрический критерий ранговой корреляции Спирмена. Данная корреляция статистически значима 0,694 при $N=0,01$.

Если брать во внимание данные спортсменов, занимающихся пулевой стрельбой, то по всем шкалам испытуемые набрали высокие результаты, из этого следует, что всем испытуемым присуща адекватная самооценка, реальное оценивание своей роли в коллективе, а также высокое умение устанавливать контакты.

Третьим этапом нашего исследования явилось выявление тех или иных типов акцентуаций по методике К. Леонгарда. Так мы выяснили, что большинство испытуемых не испытывают явные признаки акцентуаций личности, но примерно четверть из них имеют среднюю степень выраженности акцентуаций личности по таким шкалам, как гипертимность, циклотимичность, неуравновешенность и аффективность.

Из общения с испытуемыми мы заметили, что им свойственна некоторая грубость, гневливость (особенно, если предложенное тестовое задание не нравилось), склонность к конфликтам. Так при заполнении некоторых методик испытуемые подшучивали друг над другом, выставляя своего напарника в «худшем свете».

Взаимосвязи между невротизацией и акцентуациями личности спортсменов с помощью ранговой корреляции Спирмена обнаружить не удалось.

Изучив наличие акцентуированных черт у спортсменов, занимающихся пулевой стрельбой мы получили следующие результаты. По шкалам застревание и ригидность испытуемые набрали средние результаты. Также обнаружена корреляционная связь между повышенным уровнем психопатизации и гипертимностью. Мы можем выдвинуть предположение, что, так как людям данного типа присуща подвижность, общительность, напористость, то такая большая импульсивность может служить источником конфликтов, особенно, если на пути им встречается противодействие. Чрезмерная само-

стоятельность и упорство приводят к тому, что люди данного типа плохо переносят жесткую дисциплину и как следствие это у них вызывает высокий уровень психопатизации.

На заключительном этапе мы использовали проективную методику «Автопортрет», которая помогла выявить индивидуально-типологические особенности личности, его представления о себе, своей внешности. Большинство испытуемых изображает себя в виде схематичного рисунка в полный рост. В основном рисунок изображен в большом формате, посередине страницы. Что касается идентификации, то она не совсем адекватная, то есть не соответствует возрасту респондента. Направленность рисунка – открытая.

В основном все спортсмены не желали изображать себя, ссылаясь на неумение рисовать, стеснение, незнание своей внешности с стороны.

Достоверность данных о том, что большинство спортсменов изображают себя в виде сюжетного изображения, позволяет проверить непараметрический критерий Манна–Уитни. Данное различие статистически значимо U крит. = 0,047 при $P \leq 0,5$.

Проанализировав взаимосвязь между уровнем невротизации с рядом индивидуально-психологических особенностей спортсменов, занимающихся стрельбой из лука в возрасте от 14 до 18 лет мы пришли к следующим выводам.

Были обнаружены статистически значимые различия в уровне невротизации и психопатизации между исследуемыми лучниками и винтовочниками.

Так, уровень невротизации спортсменов-лучников колеблется от низкого и очень низкого значения, хотя она взаимосвязана с низким уровнем коммуникативных способностей. Что же касается психопатизации юных спортсменов, то их значения равны от неопределенного до пониженного уровня.

У спортсменов-винтовочников уровень невротизации находится на уровне от неопределенного до низкого. Психопатизация следует от пониженного до среднего уровня, хотя она связана с рядом личностных особенностей юных спортсменов: низкий уровень планирования решения проблемы и гипертимность акцентуации.

Также были установлены некоторые параметры личностных характеристик спортсменов:

Спортсмены-лучники преимущественно интровертированы, ригидны, необщительны, склонны к грубости и агрессии в некоторых жизненных ситуациях.

Спортсмены, занимающиеся пулевой стрельбой характеризуются экстравертированностью, напористостью, общительностью и упорством.

Предположение о том, что невротизация юных спортсменов-лучников связана с рядом индивидуально-личностных особенностей не подтвердилась.

В спортивной психологии существует достаточно много данных, которые свидетельствуют о необходимости психологической подготовки и ее влиянии на результативность соревновательной деятельности.

Невроз в современном мире достаточно распространен и наблюдающееся стремление к его росту требует более углубленного изучения закономерностей в системе отношений и выявления преобладающих разновидностей внутриличностных конфликтов.

В ряде случаев невроз у спортсменов развивается вследствие сильной нервно-психической перегрузки, но также несомненную роль играют как физиологические особенности организма, так и индивидуально-личностные факторы.

Вся тренировочная и соревновательная деятельность проходят на фоне сильного эмоционального напряжения, а также в условиях постоянно усиливающейся конкуренции между спортсменами.

Таким образом, полученные в нашем исследовании данные свидетельствуют о незначительном уровне невротизации юных спортсменов, которые в ряде случаев связаны с индивидуально-личностными особенностями. Это говорит о том, что в рамках психологической помощи юным спортсменам одним из возможных направлений работы может быть аутотренинг, тренинги на доверие, а также сплочение спортивного коллектива.

Тем не менее, анализ, проделанный в рамках нашего исследования, позволяет определить основные мишени воздействия при работе с юными спортсменами, занимающихся стрелковыми вида-

ми спорта для использования их в тренинговой, консультативной и коррекционной работе.

Список литературы

1. Алексеев А.В. Об оптимальном боевом состоянии спортсменов // Проблемы психологии спорта. М., 1971. С. 62–67.
2. Вайнштейн Л.М. Пулевая стрельба. М.: Физкультура и спорт, 1964. С. 28–54.
3. Вайнштейн Л.М. Стрелок и тренер. М.: Физкультура и спорт, 1969. 247 с.
4. Вайнштейн Л.М. Психология в пулевой стрельбе. М.: ДОСААФ, 1981. 142 с.
5. Жгутов О.М. Мастерство стрелка. М.: ДОСААФ, 1958.
6. Жилина М.Я. Исследование техники спортивной стрельбы из пистолета и методика ее совершенствования с помощью средств срочной информации : Канд. пед. наук : 13.00.04; ВНИИФК. М., 2007. 181 с.
7. Захаров А.И. Неврозы у детей и подростков. М., 1988. 246 с.
8. Иткис М.А. Оценка степени устойчивости системы «стрелок-оружие» как один из факторов для отбора стрелков // Теория и практика физ. культуры. 1969. № 6. С. 27–30.
9. Кубланов М.М. Некоторые аспекты психологической подготовки стрелков на современном этапе: методические рекомендации. Воронеж, 1999. 34 с.
10. Кутин В.П. Лечение неврозов и психозов. М., 1978. 184 с.
11. Меерсон Ф.З., Пшенникова М.Г. Адаптация к стрессовым ситуациям и физическим нагрузкам. М.: Медицина, 1988.
12. Юрьев А.А. Спортивная стрельба из винтовки. М.: ФиС, 1957. 456 с.

References

1. Alekseev A.V. *Problemy psikhologii sporta* [Problems of the psychology of sports]. М., 1971, pp. 62–67.
2. Vaynshteyn L.M. *Pulevaya strel'ba* [Bullet shooting]. М.: Fizkul'turai sport, 1964, pp. 28–54.
3. Vaynshteyn L.M. *Strelok i trener* [Shooter and trainer]. М.: Fizkul'turai sport, 1969. 247 s.

4. Vaynshteyn L.M. *Psikhologiya v pulevoystrel'be* [Psychology in bullet shooting]. M.: DOSAAF, 1981. 142 p.
5. Zhgutov O.M. *Masterstvo strelka* [Skill shooter]. M.: DOSAAF, 1958.
6. Zhilina M.Ya. *Issledovanie tekhniki sportivnoy strel'by iz pistoleta i metodika ee sovershenstvovaniya s pomoshch'yu sredstv srochnoy informatsii* [Investigation of the technique of sports pistol shooting and the method of its improvement using the means of urgent information]. M., 2007. 181 p.
7. Zakharov A.I. *Nevrozy u deteyipodrostkov* [Neurosis in children and adolescents]. M., 1988. 246p.
8. Itkis M.A. *Teoriya i praktika fiz. kul'tury*. 1969. № 6, pp. 27–30.
9. Kublanov M.M. *Nekotorye aspekty psikhologicheskoy podgotovki strelkov na sovremennom etape: metodicheskie rekomendatsii* [Some aspects of the psychological training of shooters at the present stage]. Voronezh, 1999. 34 p.
10. Kutin V.P. *Lechenie nevrozov i psikhozov* [Treatment of neurosis and psychosis]. M., 1978. 184 p.
11. Meerson F.Z., Pshennikova M.G. *Adaptatsiya k stressovym situatsiyam i fizicheskim nagruzkam* [Adaptation to stressful situations and physical activities]. M.: Meditsina, 1988.
12. Yur'ev A.A. *Sportivnaya strel'ba iz vintovki* [Shooting with a rifle]. M.: FiS, 1957. 456 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Нафанаилова Мария Семеновна, кандидат психологических наук,

доцент

Северо-Восточный федеральный университет

ул. Беллинского, 58, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 677000,

Российская Федерация

nafagnka@mail.ru

Рыбалкина Валентина Викторовна, студент

Северо-Восточный федеральный университет

ул. Беллинского, 58, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 677000,

Российская Федерация

рита05.8@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Nafanailova Maria Semenovna, Ph.D. in psychology, docent
*North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
58, BelinskyStr., Yakutsk, Sakha Republic (Yakutia), 677000, Rus-
sian Federation
nafagnka@mail.ru*

Rybalkina Valentina Viktorovna, Student of North-Eastern Federal
University
*North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
58, BelinskyStr., Yakutsk, Sakha Republic (Yakutia), 677000, Rus-
sian Federation
puma05.8@mail.ru*

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-10-121-132
УДК 159.9.075

МЕХАНИЗМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ У ПАЦИЕНТОВ С СИСТЕМНЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ СОЕДИНИТЕЛЬНОЙ ТКАНИ

Сидорова Т.Н., Павлова Л.И.

Цель исследования. В статье рассматривается системное заболевание соединительной ткани с точки зрения психологической составляющей, уделяется особое внимание механизмам психологической защиты, как факторам, определяющим психологические особенности пациентов.

Метод или методология проведения работы. Для изучения механизмов психологической защиты была использована методика «Индекс жизненного стиля Плутчика – Келлермана – Конте» – опросник *Life Style Index* (адаптация Л.И. Вассермана). Для определения статистической значимости различий средних величин между экспериментальной и контрольной выборкой был использован *t*-критерий Стьюдента.

Результаты. Были определены предпочитаемые механизмы психологической защиты у пациентов с СЗСТ такие как гиперкомпенсация, рационализация, регрессия и вытеснение. Выявлены значимые различия между здоровыми респондентами и пациентами с системными заболеваниями соединительной ткани в использовании базисных защит. Респонденты из контрольной группы в большей степени используют защиты, что является косвенным показателем дезадаптированной личности.

Область применения результатов. Результаты могут быть использованы в рамках психологической реабилитации пациентов с СЗСТ.

Ключевые слова: системные заболевания соединительной ткани; механизмы психологической защиты; психологические факторы.

DEFENSE MECHANISMS OF CONNECTIVE TISSUE DISEASES PATIENTS

Sidorova T.N., Pavlova L.I.

Purpose. *The article discusses the connective tissue systemic disease from in psychological aspects, pays special attention to the mechanisms of psychological defense, as a factor determine the psychological characteristics of patients.*

Research methods. *Overall, 30 connective tissue diseases patients were recruited; 30 healthy subjects served as controls. To study the mechanisms of psychological defense we used, the Life Style Index questionnaire Plutchik-Kellerman-Conte – (adaptation by L.I. Wasserman). To determine the statistical significance of the differences in the mean values between the experimental and control samples, the Student's T-test was used.*

Results. *The preferred psychological defense mechanisms of the patients with connective tissue diseases, such as hypercompensation, rationalization, regression and repression, were identified. Significant differences between healthy respondents and patients with systemic connective tissue diseases in the use of psychological defenses was find. The respondents from the control group use protection to a greater degree, which is an indirect indicator of the desadopted personality.*

Keywords: *connective tissue diseases; psychological defense mechanisms; patients.*

Актуальность изучения проблемы системных заболеваний соединительной ткани обусловлена широким спектром клинических проявлений, вариабельностью течения, поражением многих систем организма. Кроме того, ревматоидный артрит, системная красная волчанка, склеродермия могут быть отнесены к аутоиммунным заболеваниям, в возникновении которых немаловажную роль играют психологические факторы.

Как правило данные заболевания начинаются у людей трудоспособного возраста до 40–50 лет. Согласно сведениям эпидемиологических

исследований частота распространенности системной красной волчанки в популяции составляет 4–250 случаев на сто тыс. населения в год, более 70% заболевают в возрасте 14–40 лет, пик заболеваемости приходится на 14–25 лет. Системная склеродермия занимает второе место, так как заболеваемость составляет 2,7–12 случаев на 1 млн. населения в год, заболевание чаще выявляется в возрасте 30–50 лет [1].

Несмотря на снижение интереса к механизмам психологической защиты в последнее время когнитивные науки подтвердили существование бессознательных психологических процессов, необходимых для защиты психики [9]. Понятие психологической защиты содержит значительный объяснительный ресурс при изучении патогенеза психических и психосоматических заболеваний. З. Фрейд был первым, кто подробно описал функциональное назначение защиты или ее цель. По его мнению, она заключается в ослаблении интрапсихического конфликта (напряжения, беспокойства), обусловленного противоречием между инстинктивными импульсами бессознательного и интериоризированными требованиями внешней среды, возникающими в результате социального взаимодействия [3].

Среди отечественных исследователей наибольший вклад в разработку проблемы психологической защиты с позиций теории установки внес Ф.В. Бассин [2]. Он подчеркивает, что главное в защите сознания от дезорганизующих его влияний психической травмы – понижение субъективной значимости травмирующего фактора. Другие исследователи психологической защиты, такие как В.А. Ташлыков, В.С. Роттенберг, Ф.Е. Василюк, Э.И. Киршбаум, И.Д. Стойков, считают, что психологическая защита – это непродуктивное, вредоносное средство решения внутренних и внешних конфликтов личности [4].

Что касается больных ревматоидным артритом в литературе описаны исследования психологических особенностей пациентов. Обнаружены характерные механизмы психологической защиты:

1. Замещение – защитный механизм, который может проявляться у больных ревматоидным артритом в виде разрядки подавленных эмоций, а они, в свою очередь, направляются на объекты, представляющие меньшую опасность или более доступные, чем те, что вызвали отрицательные эмоции и чувства;

2. Регрессия – предполагает сознательное вытеснение беспокоящего материала, то есть негативных эмоций, в том числе, тревоги, агрессии в область подсознательного, что в свою очередь способствует возникновению и нарастанию ангедонии и депрессии [5]. По данным исследования этот комплекс ощущений и чувств, в свою очередь, может вызвать дисфункции и стать психическим компонентом всего механизма развития ревматоидного артрита;

3. Отрицание – подразумевает инфантильную подмену принятия окружающими вниманием с их стороны, причем любые негативные аспекты этого внимания блокируются на стадии восприятия, а позитивные допускаются в систему [4].

Примечательно, что сами больные обычно не оценивают серьезно свои ощущения и ограничения, долгое время их деятельность остается активной, несмотря на ограничение движений [5]. Однако, в литературе отмечается, что среди пациентов с системной красной волчанкой, ревматоидным артритом, аутоиммунным васкулитом, синдромом Сикки и болезнью Крона значительно повышается риск развития биполярного расстройства [14]. Молодые пациенты с системной красной волчанкой считают, что они существенно ограничивают физические и социальные возможности, ограничивают постановку личных и карьерных целей [12].

Цель настоящего исследования – определить механизмы психологической защиты у пациентов с СЗСТ.

Выборку составили мужчины и женщины в возрасте от 25 до 75 лет; среди больных СЗСТ преобладали женщины (6 мужчин, 24 женщины): согласно статистическим данным при СЗСТ соотношение женщин и мужчин оценивается как 3:1 [8]. Дебют заболевания в возрасте не менее 25 лет; длительность течения заболевания – не менее двух лет. Пациенты имели подтвержденный диагноз.

Методы

Для анализа и выделения предпочитаемых механизмов психологической защиты была использована методика «Индекс жизненного стиля» Плутчика – Келлермана – Конте в адаптации Л.И. Вассер-

мана. Выделяют восемь шкал, которые тесно связаны с базисными эмоциями психоэволюционной теории [10]: проекция, отрицание, регрессия, замещение, вытеснение, компенсация, гиперкомпенсация, рационализация.

Полученные результаты обрабатывались с помощью t-критерия Стьюдента.

Результаты и их интерпретация

В результате сравнения средних значений по показателям свойств личности в группе пациентов с системными заболеваниями соединительной ткани и относительно здоровыми респондентами. При интерпретации полученных данных следует учитывать, что сходные черты личности и защитные механизмы связаны с тяжестью соматических симптомов и зависят от стадии заболевания [7]. К сожалению, в нашем исследовании приняли участие пациенты на различных стадиях заболевания.

Значимые различия были выявлены по показателю регрессия ($t=2,82$; $p<0,007$), данный показатель значимо выше в группе здоровых респондентов (см. Таблица 1).

Таблица 1.

Различия в использовании механизмов психологической защиты
(t-критерий Стьюдента)

Механизмы психологической защиты	Среднее арифметическое μ		T-критерий Стьюдента	Уровень знач. р
	Больные СЗСТ	Здоровые		
регрессия	53,23	68,57	-2,82	0,007
замещение	44,67	59,90	-2,30	0,025
отрицание	50,40	64,97	-2,50	0,015
компенсация	44,67	68,87	-3,64	0,001
рационализация	53,80	69,50	-2,78	0,007

То есть, здоровые респонденты более склонны к психологическим защитам, при которых человек заменяет решение субъективно более сложных задач на относительно простые и доступные в сложных ситуациях. Здоровые респонденты выражают неосознаваемые

желания или конфликты в действиях, препятствующих их осознанию. Возможно, наличие такой деятельной активности у здоровых респондентов, пусть и не всегда осознанной, позволяет снижать внутреннее напряжение и избегать психосоматического разрешения внутреннего конфликта.

Значимые различия были выявлены и по механизму замещение ($t=2,30$; $p<0,025$). Данный показатель также значимо выше в группе здоровых респондентов. То есть, здоровые респонденты более склонны к разрядке подавленных эмоций, которые направляются на объекты, представляющие меньшую опасность или более доступные, чем те, что вызвали отрицательные эмоции и чувства. Респонденты, болеющие СЗСТ, в меньшей степени обладают такой психологической защитой при которой напряжение от фрустрирующей ситуации может разряжаться на сторонний более безопасный объект.

В качестве механизма психологической защиты отрицание применяется чаще в группе здоровых респондентов ($t=2,50$; $p<0,015$). Пациенты с СЗСТ менее склонны отрицать некоторые аспекты реальности, которая тревожит или может привести к конфликту и ставит под угрозу самооценку. Возможно, испытуемые из контрольной группы прибегают к данной психологической защите в силу большей включенности в различные социальные группы.

Кроме того, значимые различия были выявлены и по показателю компенсация ($t=3,64$; $p<0,001$). Эта психологическая защита также значимо выше в группе здоровых респондентов. В сравнении с болеющими респондентами они склонны к искажению реальной ситуации, пытаются найти замену реального или воображаемого недостатка, путем присвоения себе достоинств, ценностей и поведенческих характеристик другой личности. Здоровые респонденты больше сдерживают чувства печали, утраты, нехватки, недостатка или неполноценности. Больше, чем пациенты с СЗСТ ориентированы на преодоление трудностей, достижение высоких результатов в деятельности.

Испытуемые из контрольной группы больше склонны к рационализации, чем респонденты из экспериментальной ($t=2,78$; $p<0,007$).

Степень, в которой человек использует разум и логику как общий подход к решению проблемы окружающей среды, связана с контролем беспокойства и более высоким уровнем любознательности [11]. Их поведение характеризуется стремлением к логическим, благовидным обоснованиям своего или чужого поведения, если оно угрожает потерей самоуважения. Они в сравнении с болеющими, обладают способностью смягчить удар по собственному самоуважению и самооценке путем объяснений или логических построений. Возможно, эта способность позволяет им иметь меньший уровень внутреннего напряжения и выдерживать психоэмоциональные нагрузки.

У всех пациентов с системными заболеваниями соединительной ткани отмечается достаточно сбалансированная система механизмов защиты, которая проявляется в доминировании следующих защитных механизмов: гиперкомпенсация, рационализация, регрессия, вытеснение. Как видно на рисунке 1 преобладающие механизмы защиты относятся к группе невротических.

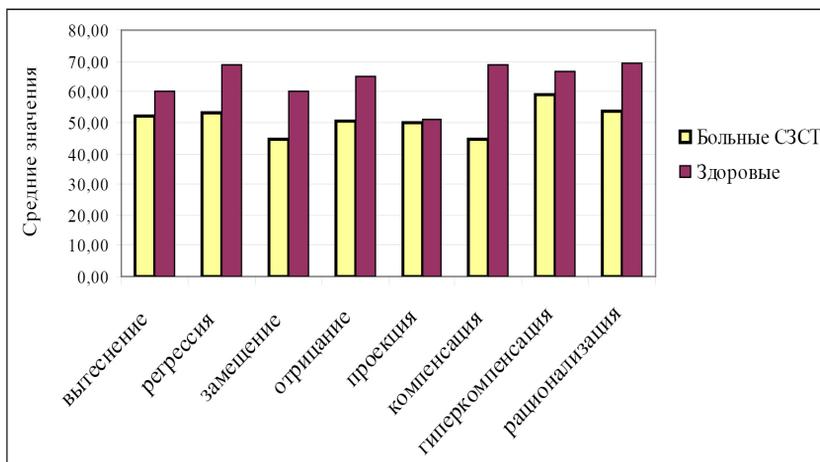

Рис. 1. Предпочитаемые механизмы психологической защиты

Высокая напряженность невротических механизмов психологической защиты, характерная для пациентов с СЗСТ, при избыточном проявлении теряет адаптивную функцию. В клинической практике мо-

жет приводить к возникновению невротозов, к отказу от активных форм борьбы с недугом. Психологический фактор играет значительную роль в самочувствии пациентов. Например, при остеоартите на общую самооценку здоровья пациентов больше влияло количество рентгенографических исследований, а не реальное ухудшение здоровья [15].

Регрессия относится к незрелым механизмам психологической защиты, что может негативно сказаться на качестве терапевтического ответа. Данный механизм указывает на незрелость личности, у взрослых часто связан с патологическими чертами личности или болезнями. Согласно классификации Р. Плутчика рационализация относится к «высшим» защитным механизмам, а регрессия к «низшим» [10]. Клиническая оценка незрелых защит является особенно полезной для классификации и реабилитации пациентов [13].

Таким образом, относительно здоровые респонденты продемонстрировали более высокие показатели по всем механизмам психологической защиты, что может служить косвенным показателем дезадаптивности личности. Тогда как для пациентов с системными заболеваниями соединительной ткани характерно применение невротических механизмов защиты. Однако, последние исследования показали улучшение общего состояния здоровья у пациентов с высоким уровнем защиты [6]. При помощи механизмов психологической защиты больной человек «вытесняет» из сознания факты, связанные с заболеванием, «рационализирует», преуменьшая значимость имеющихся нарушений или логически объясняя бессознательное желание соответствовать требованиям окружения – родственников, медицинских работников.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Список литературы

1. Андрианова И.А., Амирджанова И.А., Кричевская О.А. Комплексная оценка качества жизни больных ревматоидным артритом (результаты 1 этапа многоцентрового исследования качества жизни

- при ревматоидном артрите) // Научно-практическая ревматология. 2006. № 2. С. 11–17.
2. Бассин Ф.В. О силе «Я» и психологической защите // Вопросы философии, 1969. №2. С. 118–125.
 3. Бройер Й., Фрейд З. Исследования по истерии. Изд.: Harmondsworth (Middx) etc.; 1980. С. 42.
 4. Лас Е.А. Эмоционально-личностные предикторы отношения к болезни у пациентов с ревматоидным артритом // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2012. N 150. С. 262–270.
 5. Романова Е.С., Гребенников Л.Р. Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика. Изд.: «Талант», г. Мытищи, 1996 г. 144 с.
 6. Gouliou P., Voulgari P. V., Tsifetaki N., Andreoulakis E., Drosos A.A., Carvalho A.F., Hyphantis T. Sense of coherence and self-sacrificing defense style as predictors of psychological distress and quality of life in rheumatoid arthritis: a 5-year prospective study // *Rheumatology International*. 2015. T. 35, № 4, pp. 691–700.
 7. Hyphantis T., Gouliou P., Carvalho A. F. Personality traits, defense mechanisms and hostility features associated with somatic symptom severity in both health and disease // *Journal of Psychosomatic Research*. 2013. T. 75, № 4. С. 362–369.
 8. McDonald H.N. Exploring occupational disruption among women after onset of rheumatoid arthritis // *Arthritis Care & Research*. 2012. № 2, pp. 197–205.
 9. Piga M., Congia M., Gabba A., Figus F., Floris A., Mathieu A., Cauli A. Musculoskeletal manifestations as determinants of quality of life impairment in patients with systemic lupus erythematosus // *Lupus*. 2018. T. 27, № 2, pp. 190–198.
 10. Plutchik R., Kellerman H., Conte H.R. A structural theory of ego defenses and emotions // *Emotions in Personality and Psychopathology*. 1979, pp. 229–257.
 11. Swan G.E., Carmelli D., Dame A., Rosenman R.H., Spielberger C.D. The rationality emotional defensiveness scale 2 convergent and dis-

- criminant correlational analysis in males and females with and without cancer // *Journal of Psychosomatic Research*. 1992. Т. 36, № 4, pp. 349–359.
12. Tunncliffe D.J., Singh-Grewal D., Chaitow J., Mackie F., Manolios N., Lin M.W., O'Neill S.G., Ralph A. F., Craig J.C., Tong A. Lupus Means Sacrifices: Perspectives of Adolescents and Young Adults With Systemic Lupus Erythematosus // *Arthritis Care & Research*. 2016. Т. 68, № 6, pp. 828–837.
13. Vaillant G. E. Ego mechanisms of defense and personality psychopathology // *Journal of Abnormal Psychology*. 1994. Т. 103, № 1, pp. 44–50.
14. Wang L.Y., Chiang J.H., Chen S.F., Shen Y.C. Systemic autoimmune diseases are associated with an increased risk of bipolar disorder: A nationwide population-based cohort study // *Journal of Affective Disorders*. 2018. Т. 227, pp. 31–37.
15. Wilson R., Blakely T., Abbott J.H. Radiographic knee osteoarthritis impacts multiple dimensions of health-related quality of life: data from the Osteoarthritis Initiative // *Rheumatology*. 2018. Т. 57, № 5, pp. 891–899.

References

1. Andrianova I.A., Amirdzhanova I.A., Krichevskaya O.A. *Nauchno-prakticheskaya revmatologiya*. 2006. № 2, pp. 11–17.
2. Bassin F.V. *Voprosy filosofii*, 1969. №2, pp. 118–125.
3. Broyer Y., Freyd Z. *Issledovaniya po isterii* [Studies on hysteria]. Izd.: Harmondsworth (Middx) etc.; 1980. S. 42.
4. Las E.A. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. SPb., 2012. N 150, pp. 262–270.
5. Romanova E.S, L.R. *Grebennikov Mekhanizmy psikhologicheskoy za-shchity: genesis, funktsionirovanie, diagnostika* [Grebennikov. Mechanisms of psychological defense: genesis, functioning, diagnostics]. Izd.: «Tallant», Mytishchi, 1996. 144 p.
6. Goulia P., Voulgari P.V., Tsifetaki N., Andreoulakis E., Drosos A.A., Carvalho A.F., Hyphantis T. Sense of coherence and self-sacrificing defense style as predictors of psychological distress and quality of life in

- rheumatoid arthritis: a 5-year prospective study. *Rheumatology International*. 2015. V. 35, № 4, pp. 691–700.
7. Hyphantis T., Goulia P., Carvalho A. F. Personality traits, defense mechanisms and hostility features associated with somatic symptom severity in both health and disease. *Journal of Psychosomatic Research*. 2013. V. 75, № 4, pp. 362–369.
 8. McDonald H.N. Exploring occupational disruption among women after onset of rheumatoid arthritis. *Arthritis Care & Research*. 2012. № 2, pp. 197–205.
 9. Piga M., Congia M., Gabba A., Figus F., Floris A., Mathieu A., Cauli A. Musculoskeletal manifestations as determinants of quality of life impairment in patients with systemic lupus erythematosus. *Lupus*. 2018. V. 27, № 2, pp. 190–198.
 10. Plutchik R., Kellerman H., Conte H. R. A structural theory of ego defenses and emotions. *Emotions in Personality and Psychopathology*. 1979, pp. 229–257.
 11. Swan G.E., Carmelli D., Dame A., Rosenman R.H., Spielberger C.D. The rationality emotional defensiveness scale 2 convergent and discriminant cor-relational analysis in males and females with and without cancer. *Journal of Psychosomatic Research*. 1992. V. 36, № 4, pp. 349–359.
 12. Tunnicliffe D.J., Singh-Grewal D., Chaitow J., Mackie F., Manolios N., Lin M.W., O'Neill S.G., Ralph A.F., Craig J.C., Tong A. Lupus Means Sacrifices: Perspectives of Adolescents and Young Adults With Systemic Lupus Erythematosus. *Arthritis Care & Research*. 2016. V. 68, № 6, pp. 828–837.
 13. Vaillant G.E. Ego mechanisms of defense and personality psychopathology. *Journal of Abnormal Psychology*. 1994. V. 103, № 1, pp. 44–50.
 14. Wang L.Y., Chiang J.H., Chen S.F., Shen Y.C. Systemic autoimmune diseases are associated with an increased risk of bipolar disorder: A nationwide population-based cohort study. *Journal of Affective Disorders*. 2018. V. 227, pp. 31–37.
 15. Wilson R., Blakely T., Abbott J.H. Radiographic knee osteoarthritis impacts multiple dimensions of health-related quality of life: data from the Osteoarthritis Initiative. *Rheumatology*. 2018. V. 57, № 5, pp. 891–899.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Сидорова Туйаара Никифоровна, старший преподаватель кафедры «Психология и социальные науки»
ул. Белинского, 58, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 677000,
Российская Федерация
tuyas_ok@mail.ru

Павлова Лора Игоревна, студент
Северо-Восточный федеральный университет
ул. Белинского, 58, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 677000,
Российская Федерация
arai_birde@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Sidorova Tuyaara Nikiforovna, Senior Lecturer, Department of Psychology
North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov
58, Belinsky Str., Yakutsk, Sakha Republic (Yakutia), 677000, Russian Federation
tuyas_ok@mail.ru
SPIN-code: 9136-4036
ORCID: 0000-0001-6730-8040
ResearcherID: F-4796-2013

Pavlova Lora Igorevna, Student, Department of Psychology
North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov
58, Belinsky Str., Yakutsk, Sakha Republic (Yakutia), 677000, Russian Federation
arai_birde@mail.ru

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-10-133-150

УДК 159.9.072.52

ПЕСОЧНАЯ ТЕРАПИЯ КАК МЕТОД КОРРЕКЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ НАРУШЕНИЙ У ДОШКОЛЬНИКОВ

Старостина Л.Д., Филиппова М.А.

В статье освещается работа детского психолога по коррекции эмоциональных проблем детей дошкольного возраста. В качестве метода коррекции используется песочная терапия – Sandplay, включенная в систему психолого-педагогических занятий с детьми в детском саду.

Цель – выявление эффективности коррекции и условий необходимых для успешной реализации метода в работе педагога-психолога дошкольного образовательного учреждения.

Методология и методы исследования. Исследование базируется на концепциях аналитической психологии, психологических учениях о роли игры и эмоций в психическом развитии ребенка. Применены методы теоретического анализа, беседы, наблюдения, экспертных оценок, количественно-качественного анализа результатов.

Результаты. На основании данных психологического обследования была разработана программа коррекции с применением метода песочной терапии. Эффективность проведенной работы отразилось в нормализации уровня эмоциональной возбудимости, нейтрализации невротических симптомов, эмоционального благополучия. Рассмотрены условия обеспечивающие успешность применения метода в деятельности педагога-психолога дошкольного образования.

Область применения результатов. Программа может быть рекомендована психологам системы дошкольного образования. Диагностический блок программы будет полезен в психопрофилактической, медико-реабилитационной работе по части изучения динамики изменений в результате применения любого психотера-

педagogического метода по коррекции эмоциональных нарушений в детском возрасте.

Ключевые слова: *песочная терапия (Sandplay); психоэмоциональное состояние; эмоциональные нарушения; старший дошкольный возраст; эмоциональная возбудимость; тревожность; эмоциональное благополучие.*

SANDPLAY THERAPY AS A METHOD OF CORRECTION OF PRESCHOOLERS'S EMOTIONAL DISORDERS

Starostina L.D., Filippova M.A.

The article presents the correctional work of a child psychologist on the emotional problems of preschool children. Sandplay is used as a method of correction.

The purpose *is to identify parameters of the emotional sphere of the preschooler, which can be corrected by systematic psychological and pedagogical sessions using a Sandplay Therapy.*

Methodology and methods of research. *The research is based on the conceptions of analytical psychology, of a Game Theory and Theory of Emotions, of the cultural and historical theory of mental development. In research are applied the methods of theoretical analysis, conversation, observation, expert assessments, quantitative-qualitative analysis of the empirical results.*

Results. *On the basis of the data of psychological examination was created the correction program of the psycho-emotional sphere of the child with application of the sandplay therapy. The effectiveness of the correction was reflected in the normalization of the level of emotional excitability, neutralization of neurotic symptoms, but the level of emotional well-being in the peers group remains unchanged. The conditions ensuring the success of the method in the activity of the child psychologist of preschool education are considered.*

The scope of the results. *The program can be recommended to psychologists of preschool education. The diagnostic block of the program*

will be useful in psychoprophylactic, medical rehabilitation work on the study of the dynamics of changes as a result of the use of any psychotherapeutic method for the correction of emotional and behavioral disorders in childhood.

Keywords: *sandplay therapy; psycho-emotional state; emotional disorders; senior preschool age; emotional excitability; anxiety; emotional well-being.*

Проблема эмоционального развития в дошкольном возрасте признана актуальной всеми представителями различных направлений современной психологии и психотерапии. Как отмечал выдающийся русский философ, автор педагогической концепции воспитания, основанной на духовно-нравственном развитии личности, В.В. Зеньковский, детство является “золотым веком эмоционального в человеке”[11]. В первой половине прошлого столетия внимание многих исследователей было приковано к изучению роли эмоций в возникновении всевозможных психических расстройств детей и подростков.

Почти у всех авторов исследований подчеркивается важность развития способности к пониманию эмоционального состояния другого и управлять собственными эмоциями. В этой связи распознавание и передача эмоций признается как сложный процесс, требующий формирования определенных жизненных компетенций. Так же важным признается умение ребенка выражать свои чувства, что является важным показателем понимания им собственного внутреннего мира, что отражается на его психическом состоянии, благополучии, потенциале дальнейшего развития.

В настоящее время закономерностью является то, что под воздействием ряда факторов у детей часто возникают негативные эмоциональные переживания: тревожность, выражающаяся в конфликтах и агрессии, неуверенность, определяющаяся замкнутостью и депрессивностью.

Песочная терапия как метод коррекции имеет большое значение для поддержания психологического здоровья, формирования всех аспектов психического развития ребенка. Будучи недирективным методом терапии и коррекции, песочная терапия формирует в де-

тях гуманность и искренность в межличностном взаимодействии. Именно поэтому она может использоваться в развивающих и обучающих занятиях с детьми дошкольного возраста.

Опыт применения метода показывает, что игры с песком способствуют гармонизации эмоционального состояния ребенка, формируют умение прислушиваться к собственным ощущениям, осознавать свою соматику [8; 26]. Благоприятно так же влияние песочной на развитие речи, произвольного внимания и памяти [18; 19]. Активный творческий процесс по отношению к различным ситуациям в песочнице, позволяет ребенку обрести опыт самостоятельного разрешения трудностей, улучшает деятельность мыслительных и эмоциональных процессов [3; 28; 30].

В исследовании приняли участие дети в возрасте 6–7 лет, посещающие ДОО. Предметом исследования выступила песочная терапия как метод коррекционно-развивающей работы по оптимизации психоэмоционального состояния детей дошкольного возраста.

Цель исследования: теоретически обосновать и экспериментально доказать эффективность метода песочной терапии в коррекции психоэмоционального состояния детей, разработать рекомендации по условиям обеспечивающим эффективность применения метода в рамках систематической психолого-педагогической деятельности педагога-психолога дошкольного образовательного учреждения.

Задачи исследования:

1. Теоретико-методологическое обоснование метода Sandplay в коррекции эмоциональных нарушений.
2. Выявить особенности психоэмоционального состояния детей, посещающих ДОО.
3. Разработать программу по коррекции психоэмоционального состояния детей дошкольного возраста с применением метода песочной терапии.
4. Определить динамику психических показателей в результате психолого-педагогического воздействия на психоэмоциональный статус детей, с выделением факторов обеспечивающих успешность применения метода.

Методология исследования базируется на: концепциях аналитической психологии, в частности теории и практики песочной терапии-Sandplay: К.Г. Юнг [25], Д. Каллф [27], Дж. Аллан [1], Л. Штейнхард [22], Т.М. Грабенко, Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева [6; 12] и др.; учениях зарубежных и отечественных психологов о роли игры и эмоций в психическом развитии ребенка А. Фрейд [20], Л.С. Выготский [5], С.Л. Рубинштейн [16], Д.Б. Эльконин [23], А.В. Запорожец [9], А.И. Захаров [10], Г.М. Бреслав [4], В.В. Лебединский [24].

Опытно-экспериментальная работа проводилась в три этапа.

I. *Подготовительный этап.* На данном этапе проведен констатирующий эксперимент (скрининговое обследование), в ходе которого был собран эмпирический материал по психоэмоциональному состоянию воспитанников детского сада; отбор выборки экспериментального исследования по результатам скрининга; разработка программы коррекции с применением метода песочной терапии.

II. *Основной этап.* Реализация коррекционно-развивающей программы.

На этом этапе: проведен формирующий эксперимент, где была реализована программа коррекционной работы; раскрыт комплекс психологических мер по песочной терапии в коррекции психоэмоционального состояния детей дошкольного возраста.

III. *Заключительный этап.* Обработка и анализ результатов, написание выводов и рекомендаций. На этом этапе проведен контрольный эксперимент, где показан сравнительный анализ результатов первичного и повторного срезов.

В диагностической части исследования были использованы следующие методики [14]:

1. Шкала оценки внешних признаков эмоционального возбуждения (по методике Ю.Я. Киселева).
2. Тест А.И. Захарова на оценку уровня тревожности ребенка.
3. Определение эмоционального благополучия ребёнка в группе детского сада (по методике Любина Г., Микулик Л.).

Исследование проводилось на баземunicipального бюджетного дошкольного образовательного учреждения “Центр развития

ребенка – детский сад «Сардаана» с. Амга муниципального района «Амгинский улус (район)» Республики Саха (Якутия). Психологическая работа велась на родном языке детей саха. Диагностические материалы использовались в оригинальной версии и проводились с экспертами на русском языке.

Результаты исследования и их обсуждение

На констатирующем этапе был собран эмпирический материал по психоэмоциональному состоянию воспитанников детского сада. Скринингом охвачено 60 воспитанника старших и подготовительных групп детского сада. Далее, из обследованных детей осуществлялся отбор выборки для группы коррекции.

В коррекционную группу вошли 15 детей, у которых были обнаружены неблагоприятные показатели по эмоциональной возбудимости, тревожности, эмоциональному благополучию в группе.

Далее представим результаты первичной диагностики по «Шкале оценки внешних признаков эмоционального возбуждения» (по методике Ю.Я. Киселева). Итоговые результаты скрининга внешних признаков эмоционального возбуждения на выборке обследованных детей представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Результаты скрининга внешних признаков эмоционального возбуждения воспитанников подготовительных групп

Уровень	Количественные показатели по выборке	
	n=30	%
Оптимальный уровень	20	67%
Недостаточный уровень	4	13%
Повышенный уровень	3	10%
Чрезмерный уровень	3	10%

Как видно из таблицы, у 67% детей отмечается оптимальный уровень, которых мы отнесли к контрольной группе.

33% детей, у которых обнаружены недостаточный, повышенный и чрезмерный уровни, были определены в коррекционную группу.

Для этих детей характерны такие особенности психоэмоционального состояния как беспокойство, суетливость, частая смена настроений, резкие движения, сопровождающиеся излишними усилиями.

Далее представим результаты первого среза по диагностике уровня тревожности ребенка (методика А.И. Захарова). Экспертами выступили родители (законные представители), которым предлагалось оценить уровень тревожности ребенка. Методика включает 15 вопросов, где родители (законные представители) должны дать свои варианты ответов. Подсчитывается сумма баллов и делается вывод о наличии невроза или предрасположения к нему.

Результаты и протокол оценки уровня тревожности детей показаны в таблице 2.

Таблица 2.

Результаты уровня тревожности детей

Уровень	Количественные показатели по выборке	
	n=30	%
Невроз	-	-
Невроз был или будет в ближайшее время	2	7%
Нервное расстройство	1	3%
Необходимое внимание	9	30%
Отклонения несущественны	18	60%

В результате анкетирования психических нарушений невротического спектра у детей не выявилось. Однако у 12 детей (40%) отмечены симптомы приближающегося невроза, нервного расстройства и неблагоприятного психоэмоционального статуса. Для них характерны такие особенности как обидчивость – они легко расстраиваются, много переживают; капризность; чрезмерная неустойчивость в настроении; чаще грустят, быстро устают, отвлекаются.

Результаты диагностики эмоционального благополучия ребёнка в группе детского сада по методике Г. Любиной и Л. Микулик представлены в таблице 3.

Таблица 3.

Результаты анкетирования по определению эмоционального благополучия ребенка в группе (n=30)

Уровень	Общая выборка (% и количество детей)	
Испытывают эмоциональное благополучие	28	93%
Отсутствие эмоционального благополучия	2	7%

По таблице видно, что у 2-х детей отмечается эмоциональное неблагополучие и дискомфорт от пребывания в группе детского сада (7%). Дети не уверены, что их каждое утро ждут в группе, не понимают, что в присутствии взрослого надо вести себя образцово и не ощущают себя виноватыми, если что-то не получилось.

По итогам скринингового обследования детей была отобрана группа из 15 детей, у которых обнаружили те или иные показатели, указывающие на неблагоприятный психологический статус. С данной выборкой детей была проведена коррекционная работа с применением метода песочной терапии.

Опытно-экспериментальная работа заключалась в разработке и апробации коррекционно-развивающей программы «Волшебник Песочного города». Цель программы: коррекция эмоционально-волевой сферы, формирование гуманных чувств, осознание нравственных понятий у детей посредством песочной терапии. В ходе реализации программы решались задачи, касающиеся: теоретических и методических аспектов проблемы; разнообразия способов песочной терапии и разработки системы психокоррекционных занятий; создания оптимальных условий и средств развития эмоциональной сферы детей, атмосферы благополучия в группе; снижение психоэмоционального напряжения; сотрудничества с родителями (законными представителями) по решению данной проблемы.

Дети старшего и подготовительного групп способны успешно выполнять предлагаемые задания, подчиняться правилам игры, контролировать выполняемые действия. Занятия проводились один раз в неделю, продолжительностью не более 30 минут для детей подготовительных групп. Наполняемость групп 4–6 детей.

При составлении программы использовались методические разработки российских авторов, работающих по разным направлениям Песочной терапии – Sandplay [1; 2; 3; 6; 7; 12; 13; 17; 21].

В содержание каждого занятия были включены наглядно-дидактические средства и современные приемы социально-личностного формирования, различные творческие задания, которые вызывают интерес у детей и способствуют формированию речи, произвольного внимания, памяти. Включены игры и упражнения, способствующие снятию психоэмоционального напряжения, снижению импульсивности, тревоги и агрессивности, совершенствованию коммуникативных, игровых навыков, развитию познавательных процессов.

К условиям, необходимым для организации коррекционно-развивающего процесса, необходимо отнести просторное помещение с наличием соответствующего оборудования. В кабинете имеются разные формы для песка, сито, кисточки и т.д. С целью погружения детей в атмосферу пустыни или песочного города используются иллюстрации, картины, звуковое сопровождение.

Каждое занятие содержит следующие блоки: познавательное развитие; развитие эмоциональной сферы; формирование социальных навыков общения, уверенности в себе, самооценки и гуманных чувств. К группе методов и приемов песочной терапии вошли: исследовательская, практическая деятельность; игровая деятельность; словесные методы; наглядные методы.

В качестве принципов воспитания и обучения можно назвать: создание стимулирующей среды, в которой ребенок чувствует себя комфортно и защищенно и может проявить творческую активность; спонтанность проявлений ребенка во время игр с песком; исключение негативной оценки действий и результатов ребенка; максимальное поощрение фантазии и творческого подхода; доброжелательное отношение к детям со стороны взрослого.

Сравнительный анализ результатов первого и второго срезов по оценке внешних признаков эмоционального возбуждения детей приведены в таблице 4.

Таблица 4.

Сравнительный анализ оценки внешних признаков эмоционального возбуждения детей до и после коррекции (n=15)

Уровень	Первичный срез		Повторный срез	
	% и количество детей		% и количество детей	
Оптимальный уровень	5	33%	14	93%
Недостаточный уровень	4	27%	-	-
Повышенный уровень	3	20%	1	7%
Чрезмерный уровень	3	20%	-	-

После проведенной коррекционной работы результат детей из группы коррекции (93%) достиг оптимального уровня по признакам эмоционального возбуждения. Повышенный уровень снизился от 20% до 7%, недостаточный уровень от 27% до 0, чрезмерный уровень от 20% до 0.

Сравнительный анализ оценки уровня тревожности детей до и после коррекции показаны в таблице 5.

Таблица 5.

Сравнительный анализ оценки уровня тревожности детей до и после коррекции (n=15)

Уровень	Первичный срез		Повторный срез	
	кол-во детей	%	кол-во детей	%
Невроз	-	-	-	-
Невроз был или будет в ближайшее время	2	13%	-	-
Нервное расстройство	1	7%	-	-
Необходимое внимание	9	60%	7	47%
Отклонения несущественны	3	20%	8	53%

В результате первичной диагностики наблюдалось: пограничное с неврозом состояние у 13%, симптомы нервного расстройства у 7%, требующие внимания по возможному развитию невроза у 60%, несущественные отклонения у 20%. После прохождения детьми коррекции по песочной терапии состояние невроза и симптомы

невротического расстройства не были обнаружены. Значительно возросло количество детей, у которых уровень тревожности достиг оптимального уровня (от 20% до 53%). А также снизилось количество детей, которым требуется внимание (от 60% до 47%).

Сравнительный результат и протокол анкетирования по определению эмоционального благополучия ребенка в группе детей до и после коррекции представлены в таблице 6.

Таблица 6.

Сравнительный результат анкетирования по определению эмоционального благополучия ребенка в группе детей до и после коррекции (n=15)

Уровень	Первичный срез		Повторный срез	
	%	кол-во детей	%	кол-во детей
Испытывают эмоциональное благополучие	13	87%	14	93%
Отсутствие эмоционального благополучия	2	13%	1	7%

По итогам анкетирования 93% детей в группе испытывают эмоциональное благополучие. Дети уверены, что каждое утро их ждут в группе, им очень рады; они имеют возможность проявлять двигательную активность, ощущают себя достойными людьми и т.д.

Математико-статистический анализ был проведен по компьютерной программе SPSS. Для сравнения количественных данных исследования был применен метод Уилкоксона для связанных выборок.

Аналізу подвергнулись данные первичной и повторной диагностики по трем методикам среди детей, посещавших занятия по песочной терапии. В итоге была обнаружена динамика показателей в эмоциональном развитии:

- по эмоциональной возбудимости выявились наиболее статистически значимые сдвиги показателей в сторону улучшения на уровне $p < 0,005$;
- по тревожности также обнаружено улучшение показателей на уровне значимости $p < 0,01$;
- по эмоциональному благополучию ребенка отмечена незначительная положительная динамика ($p < 0,3$).

Заключение

Можно утверждать, что метод песочной терапии эффективен как в профилактической, так и в коррекционной работе с детьми дошкольного возраста. Статистически значимый эффект от занятий достигается по показателям эмоциональной возбудимости (в сторону оптимального уровня) и тревожности (в сторону несущественных отклонений).

Следует отметить, что эмоциональное благополучие ребенка – это тот фактор, который во многом определяется характером детско-родительских отношений в семье, что отражается в целом в социальных и межличностных контактах ребенка. Семья может быть не только оказывающим эмоциональную поддержку ребенку, но при наличии дисфункций, является источником психической травматизации личности, особенно в детском возрасте [15].

В этой связи при разработке новых коррекционно-развивающих программ с использованием метода песочной терапии представляется целесообразным включить блок психологического сопровождения родителей. Такая работа должна предполагать разработку организационно-методических вопросов работы с семьей. При этом целесообразным представляется использование вариативных форм работы с родителями, учитывающих индивидуально-психологические особенности личности взрослого и ребенка.

Список литературы

1. Аллан Дж. Ландшафт детской души. [Пер.с англ.]. СПб.: Диалог-Лотаць, 1997.
2. Барсукова О.В. Песочная игротерапия для дошкольников // Вопросы дошкольной педагогики. 2017. №2. С. 5–7. URL <https://moluch.ru/th/1/archive/54/1951/> (дата обращения: 29.09.2018)
3. Большебратская Э.Э. Песочная терапия. Петропавловск: Информ-Вест, 2010. 74 с.
4. Бреслав Г.М. Проблемы эмоциональной регуляции общения у дошкольников // Вопросы психологии. 2000. №3. С. 53–59.
5. Выготский Л.С. Диагностика развития и педологическая клиника трудного детства. М., 1986.

6. Грабенко Т.М., Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Коррекционные, развивающие и адаптирующие игры. СПб.: ООО “Издательство Детство-Пресс”, 2002.
7. Досаева Р.Н. Психологическая коррекция эмоциональных состояний различной этиологии у дошкольников // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2011. № 2. С. 101–107.
8. Еланчинцева О.Ю. Роль песочной терапии в развитии эмоциональной сферы детей дошкольного возраста: Конспекты занятий. Карточка игр. СПб.: ООО «Издательство «Детство-пресс», 2010.
9. Запорожец А.В., Неверович Я.З. К вопросу о генезисе, функции и структуре эмоциональных процессов у ребёнка // Вопросы психологии. №6. 1974. С. 59–73.
10. Захаров А.И. Неврозы у детей. СПб.: Союз, 2004.
11. Зеньковский В.В. Психология детства. М.: Академия, 1996. 346 с.
12. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д., Грабенко Т.М. Практикум по песочной терапии. СПб.: Речь, 2002.
13. Карелина И.О. Эмоциональные нарушения в дошкольном возрасте и их коррекция // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 1-2 (38–39). С. 104–108.
14. Психодиагностика эмоциональной сферы личности практическое пособие / Авт.-сост. Г.А. Шалимова. М.: АРКТИ, 2006.
15. Родители и дети. Психология взаимоотношений [Электронный ресурс] / Е.А. Савина [и др.]. Электрон. текстовые данные. М.: Когито-Центр, 2003. 230 с. Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/3873.html>. ЭБС «IPRbooks».
16. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М. 1979.
17. Сакович Н.А. История и современные тенденции песочной терапии // Вестник Практической Психологии Образования. 2007. № 2.
18. Сапожникова О.Б., Гарнова Е.В. Песочная терапия в развитии дошкольников. М.: ТЦ Сфера, 2017. 64 с.
19. Томкрасова Ж.В. Возможности педагогической песочницы в развитии детей дошкольного возраста // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. 2017. № 4. С. 141–149.

20. Фрейд А. Теория и практика детского психоанализа. [Пер. с англ. и нем.] М.: Апрель Пресс, ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. 384 с.
21. Чухрова М.Г., Белобрыкина О.А., Радованович М. Профилактика психосоматических нарушений эмоционального генеза в дошкольном возрасте // *Uticaj porodice na formiranje kreativne ličnosti: Zbornik radova*. Urednici: Mirjana Milankov, Julijan Tamas; Novi Sad, Filozofski fakultet Univerzitet. 2015. С. 127–131.
22. Штейнхард Л. Юнгианская песочная психотерапия. [Пер.с англ.] СПб.: Питер, 2001.
23. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // *Вопросы психологии*. 1971. №4.
24. Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция / В.В. Лебединский, О.С. Никольская, Е.Р. Баенская, М.М. Либлинг. М.: Издательство Моск. ун-та, 1990. С. 197.
25. Юнг К.Г. Аналитическая психология: ее теория и практика. Тавистокские лекции. [Пер.с англ.] СПб.: БСК, 1998.
26. Якубенко О.В. Песочная терапия как средство коррекционной помощи детям с эмоциональными нарушениями // В сборнике: *Современные направления психолого-педагогического сопровождения детства*. Материалы научно-практической конференции. Под редакцией Г.С. Чесноковой, Е.В. Ушаковой. 2018. С. 195–196.
27. Kalf D. Sandplay. A Psychoterapeutic Approach to the Psyche. USA: TemenosPress, 2003. P. 169.
28. Labovitz Boih B., Goodwin E. A Sandplay therapy. Lnd.: W.W. Norton and Company, 2000.
29. Lowenfeld M. Play in childhood. With a foreword by John Davis. [1935]. London, NewYork, 1991.
30. Mitchell R.R., Friedman H.S. Sandplay. Past, Presentand Future. 2002.

References

1. Allan G. The landscape of the child's soul. [Translation from English] SPb.: Dialogue-Lotac, 1997.
2. Barsukova O.V. Pes Pesochnaya igroterapiya dlya doshkol'nikov [Sandplay therapy for preschool children]. *Voprosy doshkol'noy pedagogiki*

- [Questions of preschool pedagogy]. 2017. No. 2, pp. 5–7. <https://moluch.ru/th/1/archive/54/1951/>
3. Bolshebratskaya E.E. *Pesochnaya terapiya* [Sandplay therapy]. Petropavlovsk: Inform-Vest, 2010. 74 p.
 4. Breslav G.M. Problemy emotsional'noy regulyatsii obshcheniya u doshkol'nikov [Problems of emotional regulation of communication in preschool children]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology]. 2000, no. 3, pp. 53–59.
 5. Vygotsky L.S. *Diagnostika razvitiya i pedologicheskaya klinika trudnogo detstva* [Diagnostics of development and pedological clinic of difficult childhood]. M., 1986.
 6. Grabenko T.M., Zinkevich-Evstigneeva T.D. *Korreksionnye, razvivayushchie i adaptiruyushchie igry* [Correctional, developing and adapting games]. SPb.: OOO "IzdatelstvoDetstvo-Press", 2002.
 7. Dosayeva R.N. Psikhologicheskaya korrektsiya emotsional'nykh sostoyaniy razlichnoy etiologii u doshkol'nikov [Psychological correction of emotional States of different etiology in preschool children]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki* [Proceedings of the southern Federal University]. Pedagogicheskie nauki. 2011. no. 2, pp. 101–107.
 8. Epanchintseva O.Yu. *Rol' pesochnoy terapii v razvitiy emotsional'noy sfery detey doshkol'nogo vozrasta: Konspekty zanyatiy. Kartoteka igr* [The Role of a Sand Therapy in the development of the emotional sphere of children of preschool age. Game files]. SPb.: OOO «Izdatelstvo «Detstvo-press», 2010.
 9. Zaporozhets A.V., Neverovich Ya.Z. K voprosu o genezise, funktsii i strukture emotsional'nykh protsessov u rebenka [To the question of the Genesis, function and structure of emotional processes in the child]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology]. no. 6, 1974, pp. 59–73.
 10. Zaharov A.I. *Nevrozy u detey* [Neuroses in children]. SPb.: Soyuz, 2004.
 11. Zenkovskiy V.V. *Psikhologiya detstva* [Psychology of childhood]. M.: Akademiya, 1996. 346 p.
 12. Zinkevich-Evstigneeva T.D., Grabenko T.M. *Praktikum po pesochnoy terapii* [Workshop on sand therapy]. SPb.: Rech, 2002.

13. Karelina I.O. Emotsional'nye narusheniya v doshkol'nom vozraste i ikh korrreksiya [Emotional disorders in preschool age and their correction]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl pedagogical Bulletin]. 2004. no. 1–2 (38–39), pp. 104–108.
14. *Psikhodiagnostika emotsional'noy sfery lichnosti : prakticheskoe posobie* [Psychodiagnostics of the emotional sphere of the personality: practical guide] / Avt.-sost. G.A. Shalimova. M.: ARKTI, 2006.
15. Savina E.A. et al. *Roditeli i deti. Psikhologiya vzaimootnosheniy* [Parents and children. Psychology of relationships]. M.: Kogito-Tsentr, 2003. 230 p. <http://www.iprbookshop.ru/3873.html>
16. Rubinshteyn S.L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General psychology]. M., 1979.
17. Sakovich N.A. Istoriya i sovremennyye tendentsii pesochnoy terapii [History and current trends of sand therapy]. *Vestnik Prakticheskoy Psikhologii Obrazovaniya* [The Bulletin of Practical Psychology of Education]. 2007, no. 2.
18. Sapozhnikova O.B., Garnova E.V. *Pesochnaya terapiya v razvitiy doshkol'nikov* [Sand therapy in the development of preschool children]. M.: TTs Sfera, 2017. 64 p.
19. Tomkrasova Zh.V. Vozmozhnosti pedagogicheskoy pesochnitsy v razvitiy detey doshkol'nogo vozrasta [Pedagogical Possibilities of the sandbox in the development of preschool children]. *Vestnik psikhologii i pedagogiki Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Journal of psychology of Altai state University]. 2017. no. 4, pp. 141–149.
20. Freyd A. *Teoriya i praktika detskogo psikhoanaliza* [The theory and practice of child psychoanalysis]. [Translation from English] M.: Aprel Press, ZAO Izd-vo EKSMO-Press, 1999. 384 p.
21. Chukhrova M.G., Belobrykina O.A., Radovanovich M. Profilaktika psichosomaticheskikh narusheniy emotsional'nogo geneza v doshkol'nom vozraste [Prevention of psychosomatic disorders of emotional origin in preschool age]. *Uticaj porodice na formiranje kreativne lichnosti: Zbornik radova*. Urednici: Mirjana Milankov, Julijan Tamas; Novi Sad, Filozofski fakultet Univerzitet. 2015, pp. 127–131.
22. Shteynkhard L. *Yungianskaya pesochnaya psikhoterapiya* [Jungian sand therapy]. [Translation from English]. SPb.: Peter, 2001.

23. El'konin D.B. K probleme periodizatsii psikhicheskogo razvitiya v detskom vozraste [The problem of periodization of mental Development in childhood]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology]. 1971. no. 4.
24. *Emotsional'nye narusheniya v detskom vozraste i ikh korrektsiya* [Emotional disorders in childhood and their correction]/ V.V. Lebedinskiy, O.S. Nikolskaya, E.R. Baenskaya, M.M. Libling. M.: Izdatelstvo Mosk. un-ta, 1990. p.197.
25. Yung K.G. *Analiticheskaya psikhologiya: ee teoriya i praktika. Tavistockskie lektsii* [Analytical psychology: its theory and practice. The Tavistock lectures]. [Translation from English] SPb.: BSK, 1998
26. Yakubenko O.V. Pesochnaya terapiya kak sredstvo korrektsionnoy pomoshchi detyam s emotsional'nymi narusheniyami [Sandtherapy as a means of correctional assistance to children with emotional disorders]. *Sovremennye napravleniya psikhologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya detstva. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Modern directions of psychological and pedagogical support of childhood. Materials of scientific and practical conference]. Edited by G. S. Chesnokova, E.V. Ushakova. 2018, pp. 195–196.
27. Kalf D. Sandplay. A Psyhoteraputic Approach to the Psyche. USA: TemenosPress, 2003. P. 169.
28. Labovitz Boih B., Goodwin E. A Sandplay therapy. Lnd.: W.W. Norton and Company, 2000.
29. Lowenfeld M. Play in childhood. With a foreword by John Davis. [1935]. London, NewYork, 1991.
30. Mitchell R.R., Friedman H.S. Sandplay. Past, Presentand Future. 2002.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Старостина Любовь Дмитриевна, доцент кафедры психологии и социальных наук, кандидат психологических наук
Северо-Восточный федеральный университет
ул. Белинского, 58, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 677000,
Российская Федерация
lyudmira@inbox.ru

Филиппова Мария Анатольевна, педагог-психолог

Центр развития ребенка – детский сад “Сардаана” муниципального района “Амгинский улус”

ул. Мира, 29/1, с. Амга, Амгинский улус, Республика Саха (Якутия), 678000, Российская Федерация

mari.filippova.15@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Starostina Lyubov Dmitrievna, Associate Professor, Department of Psychology and Social Sciences, Ph.D. in Psychology

North-Eastern Federal University

58, Belinsky Str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677000,

Russian Federation

lyudmira@inbox.ru

SPIN-code: 7331-5124

Filippova Mariya Anatolevna, Psychologist

The Center of Child Development “Sardaana”

29/1, Mira St., Amga, Republic of Sakha (Yakutia), 678000, Russian Federation

mari.filippova.15@bk.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://rjep.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области психологии и педагогики, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

- 1. Введение.**
- 2. Цель работы.**
- 3. Материалы и методы исследования.**
- 4. Результаты исследования и их обсуждение.**
- 5. Заключение.**
- 6. Информация о конфликте интересов.**
- 7. Информация о спонсорстве.**
- 8. Благодарности.**

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

RULES FOR AUTHORS

(<http://rjep.ru/en/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of psychology and pedagogy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

- 1. Introduction.**
- 2. Objective.**
- 3. Materials and methods.**
- 4. Results of the research and Discussion.**
- 5. Conclusion.**
- 6. Conflict of interest information.**
- 7. Sponsorship information.**
- 8. Acknowledgments.**

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ДЕТЕЙ С КОХЛЕАРНЫМ НАРУШЕНИЕМ Дмитриева А.В., Шамаева В.С.	6
АНАЛИЗ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ РАБОТАЮЩИХ В АРКТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ Егорова А.И., Давыдова В.Я.	20
ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В МАТЕРИНСКОЙ СЕМЬЕ Егорова В.Н., Матвеева Н.В.	37
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕЙ ПОСЛЕ КОХЛЕАРНОЙ ИМПЛАНТАЦИИ Казицева В.О.	54
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗНЫХ ФОРМ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ Леонтьева М.Д., Николаева О.Н.	65
ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ Лукина В.С., Сидорова Т.Н., Николаева А.В.	77
ЦЕННОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ Макарова А.П.	92
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ НЕВРОТИЗАЦИИ ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ-ЛУЧНИКОВ Нафанаилова М.С., Рыбалкина В.В.	105

МЕХАНИЗМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ У ПАЦИЕНТОВ С СИСТЕМНЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ СОЕДИНИТЕЛЬНОЙ ТКАНИ Сидорова Т.Н., Павлова Л.И.	121
ПЕСОЧНАЯ ТЕРАПИЯ КАК МЕТОД КОРРЕКЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ НАРУШЕНИЙ У ДОШКОЛЬНИКОВ Старостина Л.Д., Филиппова М.А.	133
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	151

CONTENTS

PSYCHOLOGICAL STUDIES

PSYCHO-EMOTIONAL STATE OF CHILDREN WITH COCHLEAR DISORDERS Dmitrieva A.V., Shamaeva V.S.	6
ANALYSIS OF THE MENTAL STATE OF SPECIALISTS WORKING IN THE ARCTIC Egorova A.I., Davydova V.Ya.	20
CHILDREN-PARENTS CONTACTS IN MATERNAL FAMILY Egorova V.N., Matveeva N.V.	37
PSYCHOLOGICAL FEATURES OF CHILDREN AFTER COCHLEAR IMPLANTATION Kazitseva V.O.	54
PSYCHOLOGICAL FEATURES OF VARIOUS FORMS OF AGGRESSIVE BEHAVIOR AMONG PRIMARY SCHOOL AGE CHILDREN Leonteva M.D., Nikolaeva O.N.	65
TYOLOGICAL FEATURES OF THE INNOVATIVE BEHAVIOR OF STUDENTS Lukina V.S., Sidorova T.N., Nikolaeva A.V.	77
VALUE CONSCIOUSNESS OF YOUTH Makarova A.P.	92
PSYCHOLOGICAL FACTORS OF THE NEUROTIZATION OF YOUNG SPORTSMEN-ARCHERS Nafanailova M.S., Rybalkina V.V.	105

DEFENSE MECHANISMS OF CONNECTIVE TISSUE DISEASES PATIENTS Sidorova T.N., Pavlova L.I.	121
SANDPLAY THERAPY AS A METHOD OF CORRECTION OF PRESCHOOLERS'S EMOTIONAL DISORDERS Starostina L.D., Filippova M.A.	133
RULES FOR AUTHORS	151

ДОСТУП К ЖУРНАЛУ

Доступ ко всем номерам журнала – постоянный, свободный и бесплатный.

Каждый номер содержится в едином файле PDF.

OPEN ACCESS POLICY

All issues of the Russian Journal of Education and Psychology
are always open and free access.

Each entire issue is downloadable as a single PDF file.

<http://ej.soc-journal.ru/>

Подписано в печать 31.10.2018. Дата выхода в свет 31.10.2018. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 11,4. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP910/018. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.